

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Геворкян Сильва Самвеловна

**КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ
КАК ФАКТОР ЭКСПЛИКАЦИИ АВТОРСКИХ СМЫСЛОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ХЕЛЛЕРА “САТЧН-22”)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Кудряшов Игорь Александрович

Владикавказ – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
 Глава 1. Теоретические проблемы изучения категории отрицания в художественном тексте: пресуппозиции, контекст, авторские миры... 15	
1.1. Аспекты изучения художественного текста в современной лингвистике: остранение, лингвистические девиации, типология воображаемых миров в контексте повествования	15
1.2. Отрицание как категория философии, логики, психологии и лингвистики	33
1.3. Категория отрицания в аспекте теорий текстуальных миров, фреймовой семантики и схем.....	47
Выводы по первой главе.....	59
 Глава 2. Отрицание как ключевая категория воображаемого мира в романе “Catch-22”: квалитативный и квантитативный лингвистический анализ	63
2.1. Категория отрицания как подмир авторского воображаемого мира	63
2.2. Противоречие и парадокс как отрицательные подмиры авторского воображаемого мира	104
2.3. Количественный анализ средств выражения категории отрицания	126
Выводы по второй главе	152
 Заключение.....	155
 Список литературы	160
 Список источников	181
 Список словарей.....	181

Введение

Актуальность диссертационной работы обусловливается релевантным сопряжением таких гносеологических перспектив развития в современной теории языка, как:

- первостепенная значимость типологии авторских воображаемых универсумов в художественных текстах, детализация действенных знаний (пресуппозиций), которые активизирует читатель в ходе восприятия и интерпретации этих универсумов;

- стабильные тенденции в изучении идиодискурсов как устойчивых комплексов средств воздействия на разум и воображение читателя, обеспечивающих установление фатического контакта между участниками художественной коммуникации с учетом посреднической функции рассказчика;

- потребности детализованного анализа имплицативного содержания лексических и синтаксических средств выражения философских, логических, психологических и языковых категорий, которые являются основополагающими для экспликации глубинного содержания авторского литературно-художественного творчества.

В этой связи актуальным является когнитивное и прагматическое (квалитативное) и – вспомогательное – квантитативное изучение категории отрицания как механизма авторского внедрения и читательского извлечения глубинной семантики в художественном тексте, нейтрализация зазора между этими процедурами (исходным моделированием текста и его последующей интерпретацией).

Степень разработанности проблемы. Уникальная парадоксальность художественного текста, репрезентируемая устойчивым комплексом языковых единиц и категорий, является предметом обсуждения в целом ряде лингвистических теорий. Парадоксальная природа произведения квалифицируется как следствие неоднозначных взаимоотношений между

авторским воображаемым и читательскими объективным мирами [Струкова, 2023]. В определенном смысле художественный текст многомерно и уникально отражает повседневную действительность, как правило, трансформируя заурядные явления в гиперболизированные экстраординарные феномены. Одновременно автор воспроизводит субъективную реальность, новый универсум, для оценки которого не могут быть применены правила и конвенции, действенные и релевантные для читательской повседневности.

До последнего момента воображаемая реальность, воспроизведенная Дж. Хеллером в романе “Catch-22”, изучалась преимущественно с литературоведческих позиций в таких аспектах, как:

- синкретизм авторских механизмов порождения прагматических эффектов «черного юмора» и реалистической сатиры [Солопина, 2017];
- специфики перевода дискурса рассказчика и персонажей с английского языка на русский язык [Газдатов, Алдабергенова, 2021; Померанцева, 2016];
- взаимодействие пространственной и темпоральной оси художественного повествования в порождении поэтического потенциала текста [Казакова, 2019].

Анализируя вышеуказанные литературоведческие аспекты изучения романа Дж. Хеллера “Catch-22”, мы пришли к необходимости исследования этого текста в лингвистическом ракурсе. Язык классифицирует окружающую реальность, предопределяет представления социума об объективных процессах, обеспечивая доступ к беспрестанно меняющейся повседневности. В своей экстремальной форме данные воззрения лежат в основе теорий культурного детерминизма, согласно которым индивид является заложником системы языка, попадая в ловушку ее связей и отношений. Эти воззрения, далее, играют конструктивную роль для осознания романа “Catch-22”, в котором, по воли автора, язык функционирует в качестве метафорической

ловушки, расставленной для заурядных персонажей вышестоящими инстанциями.

В этом отношении категорию отрицания можно анализировать как эффективный лингвистический инструмент, посредством которого автор моделирует неоднозначность изображаемых событий, а поэтому манипулирует читательским вниманием, одновременно отрицая и утверждая действенность пропозиций высказываний и суждений рассказчика и персонажей. В диссертации не преследуется намерение предложить конкретную интерпретацию текста романа Дж. Хеллера как художественного произведения, а исследуются возможности разработанной теоретической лингвистической концепции, которая дает возможность выявить систему частотных категориальных языковых средств, имплицитующих авторские глубинные смыслы. Подобным ракурсом анализа отличаются исследования в области лингвистики художественного текста, в контексте которой делается попытка, в том числе, установить сопряжения между читательской интуицией относительно тех или иных эффектов авторских средств воздействия и многомерными характеристиками языковых единиц, которые предопределяют эти эффекты.

Объектом диссертационного исследования является категория отрицания, формирующая сильную (частотно репрезентируемую) смысловую позицию художественного текста.

Предмет исследования – дискурсивная, когнитивная и прагматическая специфика имплементации глубинного смыслового содержания в художественном тексте на основе трансляции категории отрицания, которая обуславливает дополнительную когнитивную фокусировку читателя.

Материалом для исследования послужил оригинальный текст романа Дж. Хеллера “Catch-22”. С опорой на метод сплошной выборки была исходно составлена картотека, насчитывающая 2759 микроконтекстов, иллюстрирующих разноплановое семантическое и функциональное проявление категории отрицания в тексте рассматриваемого романа.

Целью данной диссертации является изучение процессов функционирования категории отрицания в ходе внедрения и извлечения глубинных смыслов в акте авторского порождения и читательской интерпретации текста романа Дж. Хеллера “Catch-22”.

В соответствии с установленной целевой перспективой, применением релевантной методологической базы и методов языковедческого анализа в диссертации на указанном материале (картотеке иллюстративных примеров) выдвигаются и системно решаются такие **задачи**, как:

1) определить когнитивный статус категории отрицания в воображаемом универсуме, воспроизводимом Дж. Хеллером в тексте романа “Catch-22” в терминах проектируемого специфического концептуального домена;

2) установить когнитивную функцию категории отрицания как фактора воздействия на разум, эмоции и воображение читателя;

3) выявить прагматическую нагрузку лексических и синтаксических средств выражения отрицания в исследуемом тексте;

4) проанализировать прагматическую сущность категории отрицания как механизма выдвижения в сильную позицию текста актуального содержания текущего повествования;

5) обосновать исследовательскую релевантность использования квантитативного исследования при фиксировании частотного функционирования средств категориального выражения отрицания в тексте рассматриваемого романа.

Методологические исходные установки диссертации.

Методологический формат диссертационной работы репрезентирован актуальными для современной лингвистической теории концепциями, которые разрабатываются в исследованиях таких ученых, как:

– В.Б. Шкловский: взаимные сопряжения между категорией остранения и феноменом лингвистических девиаций проливают свет на

типологию художественных текстов в терминах дискурсивной деятельности автора, рассказчика и персонажей [Шкловский, 1970];

- Б. Гавранек: деавтоматизация читательского внимания при постижении текста предполагает нетривиальное восприятие описываемого заурядного объекта или ситуации [Гавранек, 1967];

- Н.Ф. Алефиренко: в рамках теории текстуальных миров художественный дискурс определяется как намеренная и совместная попытка автора и читателя воссоздать универсум, в рамках которого пропозиции функционируют в связном виде и обладают достаточным семантическим содержанием [Алефиренко, 2012];

- С.В. Коростова: художественные тексты вскрывают уникальные авторские виртуальные (возможные) миры [Коростова, 2015];

- П. Верт: реконструкция текстуальных миров проливает свет на специфику конкретного художественного текста [Werth, 1999];

- Т.Ю. Ларина: категория отрицания играет специфическую роль в рефлексивно-перцептивном кодировании повседневного опыта в контексте художественного текста [Ларина, 2017].

В основе методологических перспектив диссертационного исследования лежат такие актуальные концептуальные параметры современной гносеологии гуманитарных наук, как:

- фактор междисциплинарной целостности непризывного гуманитарно-социального знания, учет достижений, намеченных а наук когнитивного цикла;

- экспансивная перспектива инновационных знаний: фокус внимания на частотных корреляциях между концептуальными дискурсивными структурами сознания и комплексом устойчивых языковых средств, зафиксированным в тексте;

- антропоцентрическая предопределенность текстуального произведения, в основе которого лежит диалогический контакт между

автором и читателем; читатель принимает активное участие в поддержании фатической линии художественной коммуникации;

– полифункциональный синкретизм языковых, речевых, дискурсивных и текстовых параметров художественного произведения.

В диссертации учитываются **частнонаучные** методологические принципы, разрабатываемые в таких лингвистических проблемных областях, как:

– читательская перспектива восприятия актуальной авторской информации [Агапова, Боровкова, 2017; Тамерьян, 2014; Токарева, 2023];

– нарушение устоявшихся (традиционных) конвенций в формате современного художественно-литературного творчества [Абраменко, Чередникова, Тарасова, 2019; Горобец, 2018; Капитонова, 2015];

– диапазон сопряжений между авторскими воображаемыми универсумами и объективной повседневностью [Александрова, 2017; Бешукова, 2016; Кудряшов, Рябко, Григорьева, 2024];

– специфика фрагментированной природы внешнего универсума и внутреннего Я рассказчика или персонажа в формате современных художественных текстов [Зубрилова, 2015; Ларина, Кудряшов, 2021; Литвинцева, 2015];

– трактовка отрицания в естественном языке как категории фундаментально маркированного типа [Кудряшов, 2022; Чикина, 2018; Яблонская, 2015];

– взаимосвязь между текущим ментальным состоянием читателя и потенциалом трагикомического эффекта, производимым феноменом парадокса [Бредихин, 2013; Кусаева, Тамерьян, 2020; Складорова, 2024; Степура, 2021];

– рассмотрение категории отрицания в терминах фреймов и схем [Ковтуненко, Кудряшов, 2022; Fillmore, 1985].

Исходные целевые установки и лингвистическая проблематика, системно решаемая в контексте диссертационной работы, определяют

применение комплексной **методики** количественного и качественного лингвистического анализа фрагментов из текста романа Дж. Хеллера “Catch-22”, которая была систематизирована с учетом общепhilosophической, общенаучной и частнонаучной методологии проводимого исследования. Наряду с базовым методом интерпретации текстуальных миров отрицания и проектируемых ими концептуальных доменов используются познавательные методы, релевантные для изучения указанных проблемных узлов:

1. Корпусный метод: при выделении частотных моделей, реализующих отрицание, которые выполняют специфические прагматические функции с учетом теоретической модели текстуального мира;

2. Статистический метод: при выявлении контекстов, которые частотно маркируют специфические функции категории отрицания, связанные с направлением сюжетной линии повествования в иное смысловое русло и активацией соответствующих схем в читательском сознании;

3. Метод систематизации языковых явлений и фактов: при формировании типологии подмиров, порождаемых категорией отрицания в тексте анализируемого романа;

4. Функциональный метод: при установлении взаимоотношений между функцией, реализуемой категорией отрицания (как специфическим подмиром) и моделями конфликтов, которые порождаются в воображаемом мире романа;

5. Описательный метод: при определении прагматических функций категории отрицания, реализуемой лексическими средствами, ее роли в создании парадоксального видения воображаемой действительности и идиостилистического своеобразия категории отрицания в тексте анализируемого романа.

Поскольку в диссертационной работе рассматривается проблематика, описывающая категорию отрицания как дискурсивного, прагматического и когнитивного факторов читательского извлечения авторских смыслов, то в качестве исследовательской **гипотезы** выдвигается предположение о том,

негация служит ключевым когнитивным механизмом для реализации дискурса всеведущего рассказчика и персонажей романа.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Когнитивный статус категории отрицания в воображаемом мире арбурдистского романа “Catch-22” Дж. Хеллера функционирует как концептуальный домен, проецирующий подмир негации, который реализует базовые функции преобразования информации в текстуальном мире романа на базе пресуппозиционных знаний читателя посредством негативной семантики дейктических средств, лежащих в основе построения текстуального мира и пресуппозиционных знаний читателя, для опровержения информации, которая до этого утверждалась в текстуальном мире романа.

2. Категория отрицания служит механизмом маркирования информации в процессе осуществления релевантной интерпретации текста с учетом аналепсиса и пролепсиса, что обуславливает иррациональные сдвиги в текущем повествовании рассказчика, предварительно не предвиденные читателем.

3. Лексические и синтаксические средства многоуровневые выражения категории отрицания маркируют как актуальное положение дел, так и поведенческие стратегии персонажей. В тексте романа “Catch-22” отрицательные высказывания выступают как средство установления и поддержания межличностного контакта между автором и читателем при посредничестве рассказчика как недиегетического псевдообъективного медиатора текстовой и объективной реальности, мира автора и мира читателя. В подобном контексте отрицательные высказывания приобретают форму, как правило, коммиссивных и императивных речевых актов.

4. Категория отрицания выполняет в тексте романа “Catch-22” функцию блокирования потока информации посредством ее иррациональной трансляции рассказчиком на основе синтаксических средств передачи противоречия и лексико-синтаксических средств экспликации парадокса.

5. Данный роман как эталон иррационального видения окружающей действительности манифестирует максимальную плотность негативных конструкций на страницу текста. Квантитативный анализ подтвердил наличие 4 276 средств выражения отрицания на общее количество слов в романе, составляющее 171 235. Установлено, что доминирующую позицию занимают синтаксические конструкции, которые реализуют отрицание имплицитным образом (99,6 % и 92,55 % соответственно для контекстов функционирования в диалоге персонажей и монологической речи рассказчика).

Научная новизна диссертационной работы в системном виде может быть представлена следующим образом:

- выявлены прагматические функции категории отрицания, исходя из базовых постулатов моделирования текстуального мира, разработанной П. Вертом;
- определено, что в контексте повествования рассказчика и диалогов персонажей категория отрицания является маркированным частотно употребляемым языковым феноменом;
- установлены сопряжения между идентификацией категории отрицания как средством выдвижения смыслового содержания текста и ее конструктивным вкладом в разворачивание сюжетной линии повествования рассказчика;
- осуществлено описание онтологической сущности подмиров отрицания с учетом функциональной перспективы исследования;
- выделены устойчивые взаимосвязи между функциональной нагрузкой категории отрицания в терминах текстуального мира и развитием конфликта в воображаемом универсуме, который отражается в романе;
- систематизированы лексические и синтаксические средства реализации категории отрицания и их доминирующая роль в проектировании парадоксального видения воображаемого мира романа со стороны читателя.

Теоретическая значимость состоит в том, что диссертационная работа вносит определенный вклад в последующее развитие теоретических концепций абсурдного (постмодернистского) повествования, глубинный смысловой стержень которых распредмечивается посредством интерпретации репрезентантов категории отрицания, реализующей функциональную нагрузку, которая имманентно связана с такими параметрами, как:

- актуализация авторской релевантной информацией с опорой на неожиданные дейктические сдвиги в текстуальных мирах повествования рассказчика;

- эффект обманутых читательских ожиданий (разрыв ядерной области прототипа с периферийной областью ожидания).

Базовые умозаключения и результаты, достигнутые в исследовании, способствуют детализации теоретических представлений о противоречии и парадоксе как ментальных конструктах авторского творческого сознания, категории отрицания как когнитивной и прагматической сферы авторского апеллирования к читательским пресуппозициям и воображению. Основные выводы диссертации уточняют теоретические воззрения о повествовательной специфике отрицания на фоне утвердительных высказываний и суждений, его пресуппозиционную основу, релевантную для интенсивной диалогической интеракции между автором и читателем. Работа углубляет лингвистические знания об имплицативных возможностях категории отрицания в процессе фиксирования дейктического центра абсурдного повествования, определения закономерностей авторского построения текстуального мира, активации фоновых знаний в сознании читателя при погружении в художественный текст.

Практическая ценность диссертации видится в том, что базовые умозаключения и детализованный корпус практического материала (фрагментов из текста романа Дж. Хеллера “Catch-22”, в которых

активируется идиостилистическое своеобразие категории отрицания) могут найти применение в ходе:

- анализа глубинной смысловой константы современного художественного текста;
- в области когнитивной лингвистики – для детализации рефлексивно-перцептивного потенциала категории отрицания, аспектуализации ее фреймовой архитектоники;
- в сфере прагмалингвистики – для выявления закономерностей читательского погружения в абсурдное повествование;
- в преподавании вузовских курсов и организации специальных семинаров по таким аспектам лингвистики текста, как поэтика прозаического произведения, асинхронный диалог автора и читателя, повествовательные голоса, озвучивающие неявные авторские намерения.

Достоверность полученных результатов и выводов предопределяется релевантной методологической базой исследования, анализом широкого диапазона теоретической проблематики по изучению смыслового потенциала логико-грамматических категорий повествовательного текста и диалогов персонажей (систематизированного в двадцать одной таблице), а также репрезентативным корпусом проанализированных фактических микроконтекстов, извлеченных из текста отдельно взятого автора (проанализировано и переведено на русский язык шестьдесят шесть иллюстративных примеров).

Апробация работы. Теоретическая концепция, результаты и выводы диссертационной работы отражаются в тезисах, докладах и очных выступлениях на научных конференциях Международного и Всероссийского уровня (Ростов-на-Дону, 2022, 2023, 2024; Москва, 2023; Владикавказ, 2025) и отражены в четырех публикациях, вышедших в научных периодических изданиях, включённых в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. Общий объем публикаций 5,1 п.л. (авторский вклад – 4,05 п.л.).

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает в себя Введение, две главы, каждая из которых состоит из трех взаимосвязанных параграфов, Заключение, список теоретической литературы, состоящий из 179 статей, диссертаций, монографий, написанных российскими и англоязычными исследователями.

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность темы, определяется цель работы, формулируются конкретные задачи, объект и предмет исследования, а также раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; обосновываются выбранная методология и материал исследования, описывается структура исследования, приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе **«Теоретические проблемы изучения категории отрицания в художественном тексте: пресуппозиции, контекст, авторские миры»** рассматриваются вопросы, связанные с категорией отрицания, явлениями лингвистических девиаций, типологией воображаемых миров в контексте повествования.

Во второй главе **«Отрицание как ключевая категория воображаемого мира в романе “Catch-22”: качественный и количественный анализ»** исследуемый феномен репрезентируется как подмир авторского воображаемого мира, противоречие и парадокс трактуются в качестве отрицательного подмира авторского универсума, дается количественный анализ средств выражения категории отрицания.

В **Заключении** делаются выводы о проделанной работе намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Список литературы включает 179 наименований работ отечественных и зарубежных авторов, в том числе 19 работ на иностранном языке (английском).

Глава 1. Теоретические проблемы изучения категории отрицания в художественном тексте: пресуппозиции, контекст, авторские универсумы

1.1. Аспекты изучения художественного текста в современной лингвистике: остранение, лингвистические девиации, типология воображаемых миров в контексте повествования

Зарождение стилистики декодирования как дисциплины, интегрирующей собственно языковедческий анализ и повышенный интерес к проблемам поэтики художественного текста, связывается с деятельностью российских формалистов и Пражской лингвистической школы [Волгина, 2017; Калинин, 2016; Романов, 2019]. В данном параграфе мы проанализируем две проблемы, обсуждаемые в указанных выше направлениях, которые являются приоритетными для нашего диссертационного исследования. Прежде всего, это анализ понятий остранения, выдвижения в сильную позицию текста и девиаций как лингвистических феноменов, которые широко используются для осознания многомерной архитектоники художественного текста. Мы также проследим взаимосвязи между этими дискуссионными понятиями, которые проливают свет на типологию художественных текстов в структуре дискурсивной деятельности автора, рассказчика и персонажа.

Понятие остранения впервые вводится В.Б. Шкловским для обозначения процесса восприятия объектов как впервые увиденных, представляемых в нетривиальном свете. Согласно данному исследователю, доминирующая цель поэтического языка заключается в том, чтобы способствовать воссозданию привычного, ничем не выделяющегося объекта в остраненном виде, т.е. в отрыве от повседневного перцептивного опыта субъекта [Шкловский, 1970: 47, 59, 177]. С опорой на данное концептуальное положение другие исследователи осуществляют многоаспектный анализ

остраняющей функции художественного текста, подчеркивают важность понятия остранения для лингвистического изучения современных литературных текстов [Абраменко, 2019; Горелов, 2020; Гриднева, 2017; Тимофеев, 2016].

В рамках Пражского лингвистического кружка утверждается, что все многообразие языковых единиц, в том числе употребленных в контексте намеренного отступления от общепринятых норм, потенциально может обеспечивать выдвижение тех или иных лингвистических характеристик (а следовательно, и заложенной в них авторской информации) в сильную позицию текста [Джавршян, 2008: 21–23]. В этой связи интенсивно изучается, в какой степени язык литературных текстов репрезентирует явления девиации от устоявшихся классических конвенций.

В частности, Б. Гавранек исследует понятия автоматизации / деавтоматизации читательского внимания [Гавранек, 1967: 350] (анализ этого понятия см. также [Джусупов, 2016]). В ходе читательского восприятия текста автоматизация внимания нейтрализуется посредством намеренного выдвижения формы и содержания языковых единиц в сильную позицию. Вследствие этого имеет место деавтоматизация читательского внимания, которая описывается в терминах фокуса на неожиданном, нетривиальном восприятии описываемого привычного объекта. Р. Якобсон приходит к заключению, что яркой характеристикой поверхностной формы поэтического языка является системно реализующаяся функция выдвижения, которая воплощается на основе намеренного отступления от устоявшихся языковых стандартов [Якобсон, 1987: 89].

Выдвижение – это механизм, противоположный автоматизации читательского внимания, т.е., по сути дела, деавтоматизация восприятия текстового фрагмента. Автоматизация связывается с нормированной схематизацией описываемого явления, выдвижение предполагает намеренное (интенциональное) нарушение общепринятой повседневной схемы [Chemodurova, 2021: 7]. Между поэтической функцией языка и механизмами

выдвижения и девиации устанавливаются системные коррелятивные взаимосвязи. Типичной основой понятия девиации выступает нарушение нормы. В связи с этим исследуется проблема выявления специфики художественного текста в терминах выдвижения и девиации, а поэтическая функция языка идентифицируется с опорой на формальные характеристики текста [Джусупов, 2016, 2018; Коробова, 2021; Наугольных, 2019].

Структурный анализ предполагает предварительный сбор статистической, психолингвистической и семантической информации. В настоящий момент данные типы информации обеспечиваются в результате применения методов корпусной лингвистики [Копотев, 2021; Передриенко, 2020; Чилингарян, 2021]. В частности, систематизируемый эмпирический материал задействуется для выявления взаимосвязей между процессами выдвижения авторской информации и спонтанными читательскими реакциями на авторские стимулы. В качестве переменной величины используется корпус контекстов выдвижения неявной информации, которая имплицитно определяется определенными средствами и их комплексами, принадлежащими к разным уровням языка.

Важный вклад в детализацию теории выдвижения в художественном тексте вносит лингвокогнитивный аспект исследования, в рамках которого рассматриваемые нами явления получают дальнейшую детализацию, дефинируются в терминах читательской личностной перспективы восприятия актуальной авторской информации [Агапова, Боровкова, 2017; Боровкова, 2018]. Формальные и смысловые характеристики, выдвигаемые в сильную позицию текста, воспринимаются читателем на фоне общей информации, извлекаемой из целостного текстового произведения. Остранение определяется с позиции фактора читателя, а именно как процесс, в ходе которого в читательском сознании активируются прототипические концепты [Борисова, 2020; Бутенина, 2019; Квашина, 2012]. Конструктивную роль в этом процессе играют контексты, в которых читательские референты выражаются нетривиальным способом разнообразными стилистическими

средствами и комплексами этих средств, уникальными для отдельно взятого автора, художественного произведения или целого направления.

Читатель переосмысливает референты художественных образов непрототипическим образом, передислоцирует их в иную воображаемую перспективу видения, которая появляется в ходе постижения текста. Исследователями получены эмпирические данные, которые свидетельствуют об устойчивости взаимосвязей между механизмами выдвижения и остранения, причинно-следственной предопределенности между выдвижением и читательскими реакциями на авторские стимулы. Выявлено, что указанные выше механизмы являются не только качественными (как это утверждали структуралисты), но и количественными феноменами [Загороднюк, 2013; Николаева, 2018; Хайруллина, 2020].

Исходя из этой теоретической и эмпирической перспективы, исследователи приходят к заключению, что определенная формальная характеристика может быть реализована языковыми девиациями, выдвинута в сильную позицию текста вследствие частотности дистрибуции. Процедуры, необходимые для релевантной интерпретации текста, не ограничиваются анализом собственно формальных характеристик, предполагают учет когнитивной архитектоники. Читатель извлекает авторскую информацию с учетом имеющихся пресуппозиционных знаний. В процессе погружения в художественное произведение читатель производит многомерную интерпретацию текста. На высшем уровне интерпретации обнаруживаются объекты, которые являются противоречивыми, алогичными и на первый взгляд лишенные внутреннего содержания. Возможно, в том числе и в связи с этим литературный текст изучается как парадоксальный феномен с лингвистических позиций [Бушканец, 2021; Золотникова, 2017; Чадова, 2020; Шастина, 2019].

В терминах теории речевых актов, авторские миры, фиксируемые художественным текстом, не могут быть квалифицированы в категориях истинности и ложности. Парадоксальная природа художественного текста

также связывается с его, так называемым, «метакоммуникативным посланием», т.е. игровой имитационной предопределенностью. То, что получает обозначение в тексте, не воспринимается читателем в качестве реально существующих объектов [Алексеева, 2016; Ливская, 2019; Татаринов, Безрукавая, 2019; Толкачев, 2020].

Одной из ярчайших характеристик текстов современной художественной литературы предстает тенденция к намеренному нарушению классических конвенций литературного творчества, порождению воображаемых универсумов, которые, с логической точки зрения, являются невозможными, изобилующими внутренними противоречиями. Современные тексты квалифицируются как парадоксальные и сущностно противоречивые, исходя из следующих двух взаимодополняющих позиций, а именно как:

1. артефакты литературного творчества, выявляющие неоднозначные референциальные связи с объективной действительностью, которую неявно отражают и фиксируют, но и обладают радикальными отличиями;

2. специфический тип дискурса, подчиняющийся особым правилам и конвенциям организации, которые системно и намеренно нарушаются авторами [Абраменко, Чередникова, Тарасова, 2019; Капитонова, 2010, 2015; Сафронова, 2009; Чемодурова, 2019].

Теория возможных миров обеспечивает действенный механизм анализа конфликтующих отношений, формирующихся между фикциональной и объективной реальностью. Признается, что каждый из этих миров обладает своей уникальной конфигурацией и конвенциями функционирования. В рамках этой теории предлагается решение традиционных философских проблемных узлов, затрагивающих эпистемический и аксиологический статус художественного текста: онтологическая предопределенность объектов и ситуаций авторских фикциональных миров; логика разворачивания репрезентаций воображаемых миров, конструируемых автором [Кушнерук, 2011; Леонов, 2018; Неронова, 2015; Савчук, 2016].

Проблематичный статус художественного текста как конструкта авторского воображения определяется в качестве отражение в произведении потенциально возможного положения дел. В частности, современные теории текста основываются на следующих трех допущениях относительно имманентных характеристик художественных произведений как авторских воплощений возможных миров:

1) воображаемые миры воспроизводят положения дел, потенциально возможные в объективной действительности (на основе принципа миметизации);

2) суммарное количество воображаемых миров является бесконечным и максимально вариативным параметром;

3) воображаемые миры квалифицируются в качестве конструктов текстуальной творческой деятельности автора [Коростова, 2015; Мадмарова, Абдыкадырова, 2020; Сергеева, Аксенко, 2014].

С опорой на вышеприведенные принципы воображаемые миры, моделируемые авторами в художественных текстах, квалифицируются как, своего рода, эмоциогенные универсумы, альтернативные объективной действительности, выявляют уникальные внутренние структуры и специфические конвенции функционирования. Эти имманентные характеристики, определяемые именно с текстуальных позиций, представляют собой особый исследовательский интерес с учетом дискурсивного подхода к художественному произведению, который фактически является начальной точкой анализа текста, поскольку включает в себя семантический, прагматический и когнитивный домены изучения разноуровневых языковых средств.

Отдельно взятый объективный и воображаемый мир предстает центром для субъектов, населяющих его. Постигая художественный текст, читатель осознает, что повседневная реальность, в котором он живет, не оказывается таковой для персонажей, действующих лиц постигаемого текста. Очевидно, что для них реальная повседневность обладает воображаемым характером.

Многочисленные теории возможных миров можно рассматривать в качестве альтернативы прагматическим концепциям, базовыми понятиями которых выступает «речевой акт» и «конверсационная имплицатура». Эти теории обеспечивают методологию для изучения воображаемых авторских миров как конструкторов, в основе которых лежит уникальная архитектура и конвенции функционирования, способов развития конфликта. В этом отношении текстуальные подходы к изучению возможных миров допускают существование миров, невозможных с рациональной (логической) точки зрения.

Предлагаются критерии для установления степени подобия авторского воображаемого мира с объективной реальностью. При этом в качестве рабочей гипотезы выдвигается положение, согласно которому в основе разграничения реальных, возможных и невозможных миров лежит степень сходства, изоморфности этих миров, а их абсолютное отличие друг от друга. Утверждается, что художественные тексты, порождаемые авторами, квалифицируются в качестве повествовательных миров, которые обладают уникальной фактической составляющей, сходной или отличной от реальности, в которой живет читатель [Александрова, 2014: 23; Александрова, 2017: 103; Бешукова, 2016: 217]. Эти миры получают многомерное воплощение по мере разворачивания сюжетной линии художественного повествования.

Теория текстуальных миров представляет собой лингвокогнитивную модель переработки авторского дискурса в свете тех фундаментальных знаний о языке и сознании, которые накоплены в языкознании, психологии, литературоведении и философии. Исходно данная теория была разработана Полом Вертом в 1980-90 года прошлого столетия и системно изложена в его монографии «Текстуальные миры: репрезентация концептуального пространства в дискурсе» [Werth, 1999]. Эта теоретическая концепция находится в фокусе пристального внимания лингвистов и в настоящий момент оказывает существенное влияние на развитие стилистики

декодирования, когнитивной поэтики, поскольку охватывает те процессы, которые лежат в основе производства и интерпретации практически всех потенциально возможных форм дискурса.

Базовой установкой теории текстуальных миров оказывается тот эмпирически доказанный факт, что читатели и респонденты, авторы и говорящие субъекты производят и интерпретируют дискурсивные произведения посредством конструирования ментальных репрезентаций, которые и именуются текстуальными мирами. В этой связи дискурс определяется как конститутивный элемент текста, вербально выражаемый или письменно зафиксированный компонент языка (языкового события), его соответствующий контекст. Дискурс – это прежде всего дискурсивный мир, в контексте которого осуществляется межличностная коммуникация, текстуальные миры, формируемые за счет ментальных репрезентаций участников процесса интерактивного обмена стимулами и реакциями. Теория текстуальных миров интерпретируется также в терминах возможных миров (в философии и литературоведении), метальных и ситуационных моделей (в когнитивной психологии), ментальных пространств (в когнитивной лингвистике).

Концепции возможных миров являются разновидностями теории пропозициональной логики, которая категоризирует онтологические домены реальной действительности и возможности, обеспечивают основу для верификации гипотетических сущностей и ситуаций в терминах истинности. Понятие возможных миров задействуется как средство решения целого ряда логических и онтологических проблем, связанных с такими феноменами, как метатекст, референция, денотация, модальность и имена собственные [Бешукова, Хачмафова, 2017: 110; Гарипова, Костылева, 2019: 22]. В настоящий момент терминология, разработанная в теориях возможных миров, широко используется в лингвистике, а понятия возможности и реальной действительности частотно применяются для анализа авторских вымышленных универсумов, порождаемых в художественных текстах.

Объективная действительность признается одним из форматов возможных миров, а поэтому все пропорции универсума, воссоздаваемого автором в тексте, расцениваются как относительные, характеризующие определенный онтологический домен. Согласно логике возможных миров, суждение, инициируемое в художественном тексте, является истинным лишь для определенного универсума, а не глобально объективным феноменом. Между различными возможными мирами устанавливаются отношения доступности, которые выявляют некоторое подобие между ними. При этом стандартом подобия выступает повседневная реальность, в которой живет и действует читатель.

Подобие миров, проектируемых авторами в художественном тексте, объективной реальности предопределяет потенциальную возможность постижения этих миров со стороны читательской аудитории. Некоторые исследователи говорят о шкале доступности авторского мира читательскому восприятию, которая фиксирует дистанцию между конкретным текстуальным миром и читательской повседневностью [Монастырский, Цветков, 2009: 67–68; Олянич, Рыльщикова, Худяков, 2016: 87].

Категориальный смысл доступности усматривается в активации интуитивного воображения адресата текста, читательских знаний о других возможных мирах, почерпнутых в процессе предварительного постижения иных дискурсивных и текстовых произведений. В отдельных изысканиях возможные миры интерпретируются в качестве авторской актуализации потенциальных характеристик альтернативных универсумов, комплекса субъективных феноменов, проявляющегося в повседневной реальности, ментальных конструкторов, формируемых в сознании автора на основе творческого преломления окружающей действительности [Полетаева, 2018 (а), 2018 (б); Федотова, 2016; Филиппова, 2016].

Другими словами, возможные миры не являются идентичными реальной действительности. В художественных текстах порождаются возможные миры, в которые перемещается и / или погружается читатель.

Данные миры существуют как ментальные абстрактные конструкты языковых референций повседневной – объективной – действительности. В теориях текстуальных и возможных миров прослеживаются определенные различия. Эти различия представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Аспекты различий между теориями текстуальных и возможных миров

Теория текстуальных миров	Теории возможных миров
Целевые исследовательские установки	
Повышенный интерес к концептуальным мирам, совместно порождаемым автором и читателем в процессе конструирования и восприятия (интерпретации) художественного текста.	Решение логической проблематики без обсуждения понятия истинности, которое квалифицируется как абстрактное, неопределенное; фокус на пропозициональной логике развития событийности: игнорирование сложности авторских когниций и читательской интерпретации художественного дискурса и, как следствие этого, функционального потенциала текста и психологических параметров личностей автора и читателя.
Трактовка понятия «мир»	
Конструируемые автором миры исследуются как многомерные универсумы, в которых системно проявляются определенные положения дел, сложность взаимоотношений между отдельно	Учет минимального количества характеристик онтологического конструкта, который воспроизводится автором как мир;

взятыми индивидами, индивидами и воспроизводимой действительностью; концептуальные миры, фиксируемые художественным текстом, расцениваются в качестве многогранной детализации авторского / читательского повседневного опыта восприятия объективной действительности; возможность изучения читательских эмоциональных реакций на авторские стимулы.	редукционистская направленность: упрощение содержания воссоздаваемых ситуаций с целью их формализованной репрезентации в логических терминах.
---	--

Ментальные модели [Буянова, Щибря, 2015; Заботкина, 2019; Шияпова, 2016] и ситуационные модели [Акошева, Рахимжанов, 2012; Черезова, 2018] предстают понятиями, которые широко используются в когнитивных психологических исследованиях, решающих проблему переработки / интерпретации дискурсивных произведений. Исходной установкой создания подобных моделей оказывается идея о том, что осознание семантического и прагматического потенциала языковых явлений в обязательном порядке предполагает конструирование ментальных репрезентаций некоторого положения дел, описываемого в конкретном тексте.

Предлагая свою теоретическую версию текстуальных миров, П. Верт признает прямое влияние на свою концепцию построений, связанных с моделированием ментальных процессов, актуальность создания ситуационных моделей. В частности, ментальные модели играют

конструктивную унифицирующую роль в репрезентации объектов, положений дел, последовательности событий, социальных и психологических параметров повседневности. Активация этих моделей дает возможность автору имплицировать неявную информацию, обеспечивать адресатов возможностью предугадывать действия персонажей, осуществлять контроль над физической активностью протагонистов, проецировать определенную степень подобия между виртуальным миром текста и реальной повседневностью.

Репрезентации, формируемые ментальными моделями, сопоставимы с теми или иными реалиями объективной повседневности. Ситуационные модели воспроизводят объекты, их действия, местоположение, развитие событийной линии повествования, которые описываются в тексте. Выявляя эти модели, читатель, в том числе, интерпретирует воссоздаваемые явления с опорой на языковые средства. По сравнению с возможными мирами ментальные и ситуационные модели вмещают в себя не только объекты, но и индивидов, между которыми проявляются те или иные отношения, сенсорные аспекты восприятия этими индивидами текстуальной действительности (запах, вкус, эмоции и т.д.) [Gavins, 2007: 55].

П. Верт выдвигает точку зрения, согласно которой ситуационные и ментальные модели в определенном смысле являются эквивалентами текстуальным мирам [Werth, 1999: 67], утверждая, что последний тип миров – это «... ментальные модели, конструируемые в процессе конкретного дискурсивного произведения» [Там же: 74]. Исследователь инкорпорирует теорию текстуальных миров в русло когнитивной лингвистики (более подробно см. [Там же: 18–64]). Вследствие этого, как представляется, его аналитическая установка обладает большим исследовательским потенциалом, чем изучение ментальных и ситуационных моделей в русле когнитивной психологии, несмотря на то, что реконструкция этих моделей фокусируется на выявлении специфики конкретных произведений в определенном контексте функционирования.

Приоритетной важностью в теории текстуальных миров также обладает лингвистическое понятие пространства, определяемое П. Вертом как «набор абстрактных конфигурационных параметров в концептуальном домене» [Werth, 1994: 4]. Индивид осознает языковые явления, в том числе, посредством манипулирования подобными пространствами. Эта идея получила развитие в таких построениях, как:

- концепция ментального пространства [Бурьянова, 2021: 189–190; Постникова, 2021: 615; Семенова, 2020: 44];
- идеализированные когнитивные модели действительности [Семенова, Алексеева, 2020];
- теория концептуальная метафора [Задорнова, Матвеева, 2017; Руденко, 2018];
- теория концептуальной интеграции [Иштоян, 2013].

В свою очередь, теории концептуальной метафоры и концептуальной интеграции оптимально инкорпорируются в концепции когнитивной поэтики и в настоящий момент широко используются в ходе анализа художественных текстов, преимущественно принадлежащим к современным литературным направлениям и течениям.

Теория ментального пространства исследует когнитивную семантику: лингвистическое значение «размещается» в ментальных репрезентациях, воплощаемых разнообразными языковыми средствами. Эти репрезентации известны как ментальные пространства, а языковые элементы, которые лежат в основе конструирования данных пространств, именуются «строительным материалом пространств» [Fauconnier, Turner, 2002: 45]. Ментальные пространства также конструируются за счет фоновых знаний адресата текста, его общих когнитивных способностей, информации, извлекаемой из дискурсивного контекста функционирования произведения. Интерпретация текста рассматривается в качестве поэтапного конструирования сетей взаимосвязанных ментальных пространств, в которых инкорпорируется

важная информация, устанавливаются отношения интеграции между элементами различных пространств [Урванцев, 2016: 93–94].

Понятие идеализированной когнитивной модели, предложенное Дж. Лакоффом, также проливает свет на ментальные репрезентации, лежащие в основании производства и интерпретации языка [Lakoff, 1999: 108]. Эти модели представляют собой упрощенные ментальные репрезентации сложных физических и визуальных феноменов, активируются в процессе взаимодействия индивида с окружающим повседневным миром. Между идеализированными когнитивными моделями наблюдаются отношения метафорической интеграции, которая формирует основу актов обоснования выдвигаемых суждений. Свидетельством этого выступают, в частности, концептуальные метафоры, реализуемые в повседневном употреблении языка на рекурсивной основе.

П. Верт выдвигает сдержанные суждения относительно способности теории концептуальной метафоры системно анализировать поэтическую функцию языка. Он утверждает, что вследствие «бедности языковых средств» говорящие субъекты вынуждены использовать повседневные метафоры для выражения абстрактных понятий, а поэтические метафоры обладают иным функциональным назначением, поскольку отражают акт выбора оптимального способа фиксирования человеческой мысли, а не потребность введения экспрессивного содержания в дискурсивное произведение. Исследователь отмечает, что лингвокогнитивные модели концептуальных пространств (такие как идеализированные когнитивные модели и ментальные пространства) не способны характеризовать структуры знаний или объяснять процессы взаимодействия когнитивных пространств со структурами знаний [Werth, 1999: 46].

В русле когнитивной нарратологии активно разрабатываются иные теории миров. С опорой на понятие ментальной репрезентации, детализуемого в когнитивной психологии и лингвистике, предлагается термин «повествовательный мир», который обозначает те воспроизводимые

типизированные и воображаемые образы и предметы, которые формируются в читательском сознании для переработки дискурсивной специфики художественного произведения [Бердзули, 2019; Herman, 2005].

Широкое применение этого термина мотивируется следующими установками, а именно он:

- отражает «экологию интерпретации художественного текста» [Herman, 2005: 570], выходя за рамки классической теории текста и представляя интерпретацию как глобальный и интегративный процесс;

- делает особый акцент на механизмах порождения авторских миров, вовлечении читательской аудитории в коммуникативный контакт с создателем текста, рассказчиком, главным протагонистом и образами второстепенных персонажей.

Повествовательные миры выявляют характерные отличия от текстуальных миров, поскольку имеют отношение исключительно к повествовательному дискурсивному произведению. Исследователи фокусируются, в том числе, на эмоциональном потенциале повествования, рассматривают процессы активации тех или иных эмоциональных состояний читателя как прямое следствие осознания повествовательных миров, инкорпорированных в текст. Указывается, что эти миры имеют непосредственное отношение к актуальному содержанию повествования, исходя из внешней перспективы восприятия, а не с позиций сознания отдельно взятого участника дискурсивного процесса [Коростова, 2018: 415–417]. В связи с этим мы полагаем, что повествовательные миры можно квалифицировать как своего рода альтернативный аналог возможных миров.

Ситуационные, социальные, исторические и психологические факторы играют конструктивную роль в лингвистическом отражении когний. В связи с этим теория текстуальных миров инкорпорирует детальный лингвистический анализ в аспекте исследования ментальных репрезентаций, имплицитированных в авторском дискурсивном произведении. Эта теория дает возможность проследить, как те или иные языковые средства активируют

определенные ментальные репрезентации в читательском сознании, что, в свою очередь, является одной из приоритетных целей лингвистического текстового анализа. Эти ментальные репрезентации (или текстуальные миры) исследуются в качестве многомерных динамических конструкторов, формируемых в ходе взаимодействия разноуровневых языковых средств с творческим сознанием автора и читателя.

П. Верт полагает, что в основе использования языка лежит два условия, а именно активация: 1) ситуационного контекста и 2) концептуальных доменов взаимопонимания производителя и респондента дискурсивного произведения [Werth, 1999: 17]. В свою очередь, эти условия находят отражение в создании дискурсивных миров и текстуальных миров соответственно. Эти типы миров оказываются конструктами, воспроизводимыми вследствие когнитивных процессов, протекающих в творческом сознании. Дискурсивные миры основываются на источниках непосредственного восприятия (внешних обстоятельствах порождения и интерпретации произведения). Текстуальные миры, напротив, формируются как результат когнитивной активации памяти и воображения. Дискурсивный мир – это ситуационный контекст конкретного акта языковой коммуникации, включающей двух и более собеседников, вовлеченных в одно и то же событие.

Текстуальные миры предполагают участие собеседников как фиксированного набора психологических сущностей: знания, воззрения, верования, память, намерения автора и читателей являются интегративным компонентом контекста. Автор и читатель обладают общим фондом знаний, что приобретает критическое значения для интерпретации художественного текста. В частности, участники художественной коммуникации выявляют общие лингвистические знания, которые структурируют и систематизируют представления о формировании его единиц и использовании языка в целом.

Текстуальный мир – это «ситуация, воспроизводимая дискурсом» или «повествование», являющееся предметом авторского дискурсивного

произведения [Werth, 1999: 87]. Этот тип миров может соотноситься с непосредственным контекстом воплощения (дискурсивным миром), воспроизводит некоторое положение дел из памяти или в воображении автора. Текстуальные миры – это концептуальные сущности по своей природе, поскольку являются ментальными репрезентациями, формируемыми участниками художественного общения с целью осознания лингвистической составляющей дискурса. Они конструируются автором и реконструируются читателем на основе анализа (частотных) комплексов разноуровневых языковых средств, зафиксированных в тексте, знаний о специфике импликации и экспликации неявной информации (глубинных смыслов). Дискурсивные и текстуальные миры структурируются аналогичным образом.

Литературное произведение воссоздает объективную реальность и одновременно выявляет разительные отличия от этой реальности. Вследствие этого художественный текст является оптимальным конструктом для освещения, в том числе, идеологической проблематики. Яркой иллюстрацией этого положения оказывается роман Дж. Хеллера “Catch-22”, в котором воссоздается уникальный фикциональный мир, в сатирическом свете отражающий специфические аспекты функционирования современного социума.

Рассмотренный выше лингвистический взгляд на художественный текст, в свою очередь, базируется на идее о наличии системных взаимосвязей между функционированием языка и определенным взглядом автора на внешнюю реальность, его картиной мира, которая интегрирует, в том числе, идеологическую составляющую. В рамках антропоцентрической парадигмы язык широко описывается как средство интерпретации объективной действительности, моделирования этой действительности в контексте литературного творчества. Лингвистическая составляющая творческой личности автора активирует разнообразные системы классификации, которые заметно упрощают процессы осознания объективных феноменов,

подвергают эти феномены личностной интерпретации посредством проектирования создаваемых классификаций на них же. Идеологические воззрения, являясь устойчивым компонентом авторской картины мира, многомерно отражаются в творческом использовании языка, который задействуется как механизм производимых классификаций.

Исследователи указывают, что в текстах современной литературы доминирующим объектом повествования оказывается фрагментированное Я, намеренно отторгнувшее себя от внешнего мира, отражающее хаотический характер будничной повседневности [Бирюкова, Савенкова, 2019: 82; [Зубрилова, 2015; Литвинцева, 2015]. В этом отношении литературные произведения не столько миметически воспроизводят окружающую действительность, сколько, в терминах семиотики, являются воображаемым иконическим знаком этой действительности, имитацией некоторого положения дел, актуального для современности.

В романе Дж. Хеллера “Catch-22” повествование ведется об американском бомбардировочном эскадроне на воображаемом острове Пианоза, расположенном недалеко от итальянского побережья, в период Второй мировой войны. Роман не является реалистическим, поскольку не воспроизводит военную действительность, которая избирается автором как прототипический пример художественного исследования социальных проблем XX века (мораль, правосудие, свобода выбора и т.д.). Изображается неэффективно функционирующее бюрократическое колесо военного ведомства. Внешние военные действия и образ врага не присутствуют в тексте романа. Враг – это прежде всего внутренняя система бюрократии, жертвами которой оказываются рядовые солдаты. Автор выражает обеспокоенность дегуманизацией современного мира, абсурдностью коммуникативных процессов в социуме. Парадоксальность авторского текстуального мира находит выражение в частотном употреблении языковых средств выражения категории отрицания.

1.2. Отрицание

как категория философии, логики, психологии и лингвистики

Категория отрицания характеризуется как одна из классических противоречивых проблем, обсуждаемых в рамках философии, логики, психологии и языкознания (более подробно см. [Хажмурадова, 2018]). В частности, философы и лингвисты уже в течение длительного времени исследуют проблематику, связанную с установлением истинности отрицательных предложений, в которых субъект и предикат не обладают референциальными значениями. Эта проблема была обнародована Б. Расселом на основе анализа таких пропозиций, как: *The King of France is bald.* – *Король Франции лысый.* *The King of France is not bald.* – *Король Франции не лысый* [Рассел, 2006: 151].

Анализ подобных предложений предполагает нахождение ответов на следующие вопросы:

1. поскольку в настоящий момент Францией не правит король, оказывается ли предложение *a.* ложным, либо оно не является ни истинным, ни ложным и к нему не могут быть применены параметры истинности?

2. каким образом трактовать предложение *b.*: в нем отрицается экзистенциальная пресуппозиция, представленная в утвердительном предложении (и таким образом это предложение противоречит общему логическому принципу, согласно которому пресуппозиция предложения остается неизменной при введении оператора отрицания)?

Тип отрицания, который опровергает пресуппозиции пропозиции, а не саму по себе пропозицию, получил наименования маркированного, внешнего, формирующего контраст соответственно немаркированному, внутреннему. Философы и лингвисты предлагают самые разнообразные решения проблеме, поднятой Б. Расселом. Так, Дж. Остин рассматривает предложения типа *a* как «пустые» в отношении параметров истинности и, следовательно, неуспешные в иллокутивном плане [Остин, 1999: 73]. Другие

исследователи полагают, что указанная дилемма проблемой не является, если рассмотреть предложение в контексте употребления, исходя из прагматической перспективы, в том числе, применяя конверсационные максимы Г. Грайса и понятие имплицатуры. Т. Гивон приходит к выводу, что предложение типа *b.* не выражает в естественном языке внутреннее отрицание, поскольку таковое предполагает несколько иное сочетание субъекта и предиката: *There is no King of France. – Короля Франции нет. No King of France is bald. – Ни один французский король не является лысым.*

Наиболее типизированной формой является отрицания, при котором исключается субъект, имеет место только предикат. Основание этого видится в том, что в коммуникации субъекты высказываний не используются в целях подтверждения своего существования, которое неявно предполагается (факт, являющийся частью фоновых знаний собеседников) [Givón, 1994: 327]. В естественных языках отрицание характеризуется несколько иными свойствами, чем эта категория проявляет в логике. Вместе с тем указывается на важность учета характеристик отрицания как логического оператора, поскольку эти же операторы в определенной степени обнаруживаются и в естественном языке.

В логике отрицание обладает статусом оператора, который формирует предложения, истинность которых является противоположностью утвердительных предложений [Штернина, 2015, 2016; Kuhn, 2022; Virno, 2018]. Можно установить соответствия между пропозицией (П), которая является истинной, и пропозицией (–П), оказывающейся ложной. Указанная закономерность срабатывает и в противоположном направлении. Категория отрицания также может быть описана в терминах теории множеств [Чечулин, 2017: 78–79]. Множество А определяется как совокупность всех возможных миров, в которых пропозиция (П) является истинной. Соответственно пропозицию (–П) будут репрезентировать те возможные миры, в которых пропозиция (П) предстает ложной.

В контексте естественного языка категория отрицания рассматривается с учетом более широкой исследовательской перспективы, чем в логике. При этом контекстуальные или прагматические факторы приобретают конструктивное значение для определения семантики и функций данной категории в художественном произведении.

В пропозициональной логике также выделяется два тесно соотносимых типа использования категории отрицания, а именно противоречие и дизъюнкция [Аршинский, Ермаков, Нитежук, 2019: 515].

Противоречие представляет собой сложную пропозицию, которая наделяется истинностью вне зависимости от того, являются ли истинными составные ее части. Ср.:

(A) *It is hot and it's not hot now.* – *Сейчас жарко и не жарко.*

Исследователи разграничивают формальные и неформальные противоречия. Ср.:

(Б) а. *It is snowing and it's not snowing.* – *Снег идет и снег не идет.*

б. *She was pretty and she was ugly.* – *Она была красива и она была уродлива.*

Суждение (A) а. иллюстрирует стандартный тип формального противоречия, (Б) б. – форма неформального противоречия. Данные суждения иллюстрируют классическое разграничение между использованием противоречия и противоположности. В противоречиях задействуется синтаксическое отрицание ((Б) а.), логическая структура строится по модели пропозиция (П) и пропозиция (не П), при этом части (П) и (не П) формируют оппозицию. В противоположности имеет место оппозиция между предикатами ((Б) б.), а логическая структура приобретает следующую форму: п @ к, где к = не П.

Выявляются также простые и сложные формы противоречий, в зависимости от структуры пропозиции суждений [Булыгин, 2016]. Ср. следующие примеры:

а. *His wife is not his wife.* – *Его жена – это не его жена.* [сложное формальное противоречие];

b. *This bachelor is married.* – *Этот холостяк женат.* [простое неформальное противоречие]

В традиционной семантической теории противоречие, как и тавтология, рассматривается в качестве не имеющих значения и неинформативных высказываний [Путенихин, 2017: 57–59]. В русле лингвистической прагматики предпринимается попытка интерпретировать противоречия как значимые суждения посредством привлечения в сферу анализа контекстуального фактора [Евсина, 2014]. Мысль о том, что противоречия могут приобретать имплицитное семантическое содержание в определенном контексте, базируется на том интуитивном допущении, что они широко используются в повседневной речи. Ср.:

He's here and he's not here. – *Он здесь и он не здесь.*

С прагматической точки зрения, подобные суждения объясняются следующим образом:

1. посредством привлечения конврсационных имплицатур: информативность высказывания выявляется через процедуру экспликации смысла (субъект физически присутствует в ситуации общения, но ментально отсутствует);

2. как особый тип речевых актов, которые, по существу, содержат самоотрицание:

I promise not to keep my promise. – *Я обещаю не сдерживать своего обещания:* несовместимость между пропозициональным содержанием и иллокутивной силой суждения, поскольку не соблюдаются условия для инициации иллокутивного акта (в противоречии подобная несовместимость не имеет места, поскольку соблюдается условие искренности и говорящий субъект верит в одновременную действительность двух частей противоречия).

Т. Гивон объясняет использование противоречий в повседневной речи аналогичным способом, отмечая, что хотя они и не являются показателем рационального сознания, тем не менее отличаются особой частотностью в силу следующих оснований: «... индивид способен выражать мысль в

раздробленной форме, а поэтому противоречивые воззрения инкорпорируются в соответствующие части когнитивной системы... кроме того возможны трудности с памятью, а поэтому противоречивые суждения приобретают форму последовательности состояний дел на темпоральной плоскости. Наконец, индивид может помещать части целостной системы верований в определенный контекст, таким образом наделяя истинностью некоторые взаимоисключающие пропозиции...» [Givón, 1984: 321].

Таким образом, противоречия активируются в языке в силу внутренней несовместимости или сложности системы видения окружающего мира говорящим субъектом, наделения некогда выраженного мнения в иной контекст употребления. Это предполагает уточнение логического понятия противоречия в качестве гибкого дискурсивного феномена: отрицается истинность предварительно выраженной пропозиции в рамках такого домена, в котором это отрицание не ожидалось. Подобным доменом, например, может выступать прагматическое отношение говорящего субъекта к некоторому положению дел.

В естественном языке противоречие может реализовывать значение, которое не допускается с точки зрения логического подхода. Как указывает Т. Гивон, в логике имеют место две крайности: тавтология (пропозиции, которые всегда истинны) и противоречие (пропозиции, которые всегда ложны); естественный язык представляет собой гибридную систему, «компромисс между указанными двумя крайностями» [Givón, 1989: 167]. Большинство пропозиций естественного языка располагаются между этими двумя крайностями, поскольку они оказываются «информативными гибридами, которые реализуют предполагаемую (“старую”) и утверждаемую (“новую”) информацию» [Там же].

Дизъюнкция – это другой тип сложной пропозиции, находящей воплощение в естественном языке, компоненты которой могут:

- 1) взаимно дополнять друг друга (поскольку являются истинными);

2) формировать взаимоисключающие отношения (истинным является один из компонентов) [Морель, 2015].

В контексте естественного языка дизъюнкция понимается преимущественно как устойчивая структура, компоненты которой являются истинными (ср. *Mars is a planet or a black hole.* – *Марс – это планета или черная дыра*). В сферу логического анализа попадают, как правило, дизъюнкции, в которых истинным предстает один из компонентов (ср. *Mars is a satellite or a black hole.* – *Марс – это спутник или черная дыра*): бинарный контраст между двумя взаимоисключающими понятиями, в совокупности образующими множество.

В сфере исследований, связанных с овладением языка, установлено, что навыки использования отрицательных конструкций приобретаются развивающейся личностью позже, чем утвердительные высказывания, а операторы отрицания инкорпорируются в предварительно освоенные утвердительные структуры [Цейтлин, 2017; Jeffries, 2009]. Процессы реализации отрицания оказываются многомерными, поскольку ребенок, осваивающий язык, в течение длительного времени выражает факт отсутствия предмета, отказ или возражение невербальным образом. Эти процессы находят аналог в диахроническом изменении языка: средства выражения отрицания получают системное развитие лишь после того, как сформировались утвердительные структуры [Нефедов, Цвинариа, 2012: 150–151].

В ходе экспериментальных исследований получены данные, свидетельствующие о том, что по сравнению с утверждением переработка (интерпретация) отрицательных конструкций требует от реципиента больше времени. На материале испанского языка установлено, что говорящий субъект реализует отрицательные конструкции, когда ситуация складывается противоположным образом, вопреки предварительным ожиданиям [Макарова, 2019: 60–62; Giora, Ganzi, Levi, Sabah, 2005: 83–85]. Выводы, полученные в ходе обозначенных выше исследований, свидетельствуют о

том, что между отрицательными и утвердительными структурами обнаруживаются асимметричные взаимоотношения. Отрицание – это когнитивная операция второго порядка, которая реализуется на основе предварительно активированных в сознании утвердительных структур или пропозиций.

Специалисты по лингводидактике делают следующие заключения:

- как правило, говорящий субъект кодирует повседневный опыт в позитивных терминах, отрицательные конструкции реализуются, когда возникает потребность отклонить предварительные ожидания респондента;

- обнаруживаются тесные взаимоотношения между использованием лексических средств утверждения для выражения объема, величины, степени проявления признака / качества, действия и средств отрицания, указывающих на отсутствие таковых (например, такие качества, как *высокий, длинный, широкий* трактуются в качестве позитивных на фоне их соответствующих противоположностей *низкий, короткий, узкий*, которые классифицируются как негативные);

- средства выражения утверждения обладают большим информативным содержанием, чем соответствующие средства выражения отрицания (предметы, феномены, положения дел, как правило, описываются посредством их бытийных характеристик, а не в терминах того, чем они, по существу, не являются, что им не свойственно) [Акопянц, 2008: 143; Ларина, 2013: 126; Флеров, 2015: 719–721].

В психологических исследованиях отрицание, как мы уже отметили, является категорией, релевантной в терапевтических (психоаналитических) процедурах, вскрывающей черты характера субъекта, специфику сферы его подсознания. Результаты этих исследований активно привлекаются в ходе лингвистического анализа, поскольку реальное функционирование языка проливает свет на особенности субъектов и сообществ, которые этим языком пользуются. В русле исследования художественных текстов информация о спонтанных поведенческих реакциях персонажа на внешние стимулы,

активируемая в ходе использования им специфических языковых средств, проливает свет на психологический портрет объекта повествования [Чернявская, 2020: 140].

Исходя из психоаналитической перспективы исследования, выдвигаются следующие положения, конструктивные для нашей работы.

1. В ходе терапевтической процедуры отрицательные конструкции используются пациентом в целях опровергнуть подсознательно подавляемую информацию: опровержение этой информации рассматривается как первый шаг ее осознания, которое является, по сути дела, травмирующим для пациента. Это явление приобретает особое значение для лингвистического анализа: анализируемая нами категория используется субъектом воображаемого универсума одновременно для отрицания и утверждения некоторого положения дел.

2. Между употреблением языковых средств отрицания и актами психологического сопротивления, отказа от чего-либо обнаруживается имманентная взаимосвязь. В свою очередь, эти акты лежат в основе поведения персонажа, конфликтующего с окружающей воображаемой действительностью [Тэхкэ, 2001: 143, 267–270, 306].

Непоследовательность в действиях и мыслях, парадокс, является имманентным компонентом поведения и мотиваций человека. С течением времени один и тот же индивид может реагировать различным образом на одну и ту же ситуацию. Противоречащие друг другу значения и смыслы сосуществуют в сознании индивида, формируют, так называемую, когнитивную синергию. Эти значения и смыслы вносят определенный вклад в целостное восприятие того или иного предмета, ситуации, положения дел, факта, явления, формируют основу для альтернативного видения окружающей действительности. Более того, человек проявляет устойчивую тенденцию к интерпретации повседневного опыта восприятия действительности в терминах противоположностей [Кудряшов, Диденко, 2025]. Определенному фрагменту этой действительности одновременно

могут приписываться противоположные характеристики, противоречащие друг другу семантические содержания. Логически данный процесс является невозможным, однако, с точки зрения феноменологии, он превалирует в повседневном человеческом поведении. Подобный эффект не имеет места, если противоположные (альтернативные) характеристики фрагмента действительности воспринимаются индивидом не в комплексе, а в отрыве друг от друга.

В зависимости от текущего ментального состояния читателя, постигающего художественный текст, парадокс, неоднозначность воспроизводимого описания, может производить комический или трагический эффект [Крюкова, Пигаркина, 2016: 77–78; Степура, 2021: 45; Фролова, 2020: 147–148]. Парадокс является типичным для таких доменов деятельности творческой личности, как изобразительное искусство, литература. Этот феномен, в основе которого лежит категория отрицания, является логически необоснованным, но допустимым и оправданным с психологической точки зрения. Одно и то же семантическое (смысловое) содержание может ассоциироваться с противоречием и парадоксом. Установление этого глубинного содержания является проблематичным и в психологии, и в теории языка. Понятие о когнитивной синергии можно рассматривать как, своего рода, альтернативу традиционным теориям, в русле которых противоречие и парадокс трактуются как аномальные, алогичные и маргинальные феномены.

Понимаемая в самых широких семантических терминах, в контексте употребления естественного языка категория отрицания может быть выражена самыми разнообразными и разноуровневыми средствами. Главная проблема в выявлении и классификации отрицательных слов является отсутствие соответствия между семантикой и формой. Выделяются лексические единицы, которые неявно маркируют категорию отрицания (ср. *forget* / *забыть*, *be absent* / *отсутствовать*, *lack* / *отсутствие*, *нехватка* и т.д.), а также высказывания, характеризующиеся несоответствием между

грамматической структурой и иллокутивной силой (ср. отрицательные предложения, реализующие согласие, или утвердительные предложения, передающие отказ от действия).

Предпринимается попытка установить формальные различия между словами, которые могут быть идентифицированы как выражающие отрицание по форме и содержанию, являются отрицательными не по форме, а с точки зрения семантического содержания [Волошина, Гурьева, 2016; Волошина, Шейфель, 2017; Свиридова, 2006].

К эксплицитным средствам выражения отрицания относят такие слова, как *not / не, no / нет, nobody, no one / никто, nowhere / нигде, nothing / ничего*. Эти средства грамматически маркируют категорию отрицания. К синтаксическим средствам маркирования этой категории относят полуотрицательные слова *hardly, scarcely / едва, seldom, rarely / редко, а также few / несколько и little / мало*. Эти слова обладают значением отрицания, однако, морфологически это никак не маркируют. В контексте реального употребления они проявляют тенденцию к функционированию в качестве явных средств выражения отрицания.

Разграничивается также отрицание действия, выражаемое предикатом, и отрицание других членов предложения. Выделяется отрицание в субъектно-предикативной связке и «специализированное», относящееся к второстепенным членам предложения. Системно описываются формы отрицания, конструируемые посредством языковых единиц *not / не* и *no / нет* соответственно.

К имплицитным способам выражения отрицания относят слова:

- с отрицательной семантикой, реализуемой посредством аффиксов: приставок *in-, im-, il-, dis-, un-*, суффиксов *-less, -out* (морфологическое отрицание);
- лексическое значение которых является отрицательным (лексическое отрицание).

Однако выявление морфологически маркируемых средств выражения категории отрицания может оказаться проблематичным, поскольку не все аффиксы указывают на один и тот же тип взаимоотношений между словами с негативным и позитивным значением. С одной стороны, обнаруживаются четко дифференцируемые оппозиции слов, в которых негация предстает противоположной характеристики позитивности (*true* / *правдивый* – *untrue* / *неправдивый*, *legal* / *легальный* – *illegal* / *нелегальный*). С другой стороны, слова с отрицательным аффиксом могут не формировать оппозиции (*uncouth* / *неотесанный*, *restless* / *беспокойный*, *disgruntled* / *недовольный*).

В сфере лексического отрицания выделение единиц оказывается не менее проблематичным в силу как теоретических, так и практических оснований. В теоретическом плане к таковым могут быть отнесены, фактически, любые слова, употребленные в соответствующем контексте, а поэтому на практике список подобных слов является открытым и неизмеримым. Можно говорить о том, что устоявшимся фактом предстает разграничение эксплицитного (синтаксического) и имплицитного (морфологического) отрицания.

Синтаксическое отрицание реализуется посредством употребления соответствующего оператора перед полнозначным глаголом или неличной формой глагола в придаточной части сложноподчиненного предложения. Ср.:

He didn't wake her up / *Он не разбудил ее. Not wanting to wake her up, he tried to leave quietly.* – *Не желая ее разбудить, он постарался тихо выйти (из комнаты).*

В «Университетском курсе грамматики английского языка» А. Даунинг и П.Л. Локк указывают, что синтаксическая разновидность отрицания может также осуществляться для невербальных компонентов предложения [Downing, Locke, 1992: 180]. В Таблице 2. систематизируются различные типы синтаксического отрицания, выделенные в указанном курсе грамматики.

Таблица 2. Типология синтаксического отрицания
(систематизация по [Downing, Locke, 1992: 180])

Тип отрицания	Позиция в предложении	Пример
Отрицательное неопределенное местоимение	Подлежащее	<i>Nobody knows.</i> – <i>Никто не знает</i>
	Дополнение	<i>I told nobody.</i> – <i>Я никому не сказал</i>
Отрицание спецификатора	Перед структурно обязательным распространителем субъектно-предикативной группы	<i>I felt no pain.</i> – <i>Я не чувствовал боли</i>
	Перед субъектно-предикативной группой	<i>Not many people left.</i> – <i>Не многие ушли</i>
	Перед обстоятельством, выраженным наречием	<i>... not even... – ... даже не...</i>
Отрицание дополнения		<i>I've never been there.</i> – <i>Я не был там</i>
Отрицание определения, выраженного указательным местоимением		<i>Neither this nor that.</i> – <i>Ни этом и не том</i>

В основе выбора отрицания (предикат vs. остальные члены предложения) лежат структурные и прагматические факторы. Исходя из прагматической перспективы, стилистические и контекстуальные параметры употребления высказывания предопределяют выбор компонента предложения, попадающего в зону отрицания. Так, в англоязычном диалогическом общении поставка оператора отрицания перед сказуемым наблюдается преимущественно в спонтанной, неофициальной речи, иные случаи отрицания – в письменной, официальной речи. При выборе отрицательной формы дают о себе знать и структурные ограничения. В частности, если отрицательный компонент занимает инициальную позицию,

то возможным оказывается отрицание второстепенных членов предложения или подлежащего. Как отмечают А. Даунинг и П.Л. Локк, процедура размещения отрицания в предложении связывается с диапазоном действия этой категории [Downing, Locke, 1992: 180].

Под диапазоном действия понимается семантическое влияние, оказываемое категорией отрицания на те или иные компоненты предложения, попадающие в зону ее реализации, семантический домен, по отношению к которому активируется негация [Downing, Locke, 1992: 182]. Как правило, все компоненты предложения, следующие за отрицанием, попадают в зону действия этой категории. Исключение составляет подлежащее, которое попадает в зону действия утверждения. А. Даунинг и П.Л. Локк иллюстрируют это положение следующим предложением:

Some people don't have any sense of humour. – У некоторых людей нет чувства юмора [Downing, Locke, 1992: 182].

Компонент *any* / *какой-либо* попадает в зону действия отрицания, подлежащее, выраженное неопределенным местоимением *some* / *некоторые*, не испытывает влияния со стороны этой категории. В некоторых случаях компоненты предложения, употребляемые в утвердительной форме, могут следовать за предикатом в отрицательной форме. Однако значение этих компонентов будет иным, чем когда они получают отрицательную форму. Ср. иллюстрации, приводимые А. Даунингом и П.Л. Локком:

a. He didn't reply to any of my letters. – Он не ответил ни на одно мое письмо.

b. He didn't reply to some of my letters. – Он не ответил на некоторые мои письма [Downing, Locke, 1992: 182].

В предложении *a.* диапазон действия категории отрицания охватывает всю последующую часть предложения; в *b.* отрицание относится только к предикату. В соответствии с этим семантика предложений будет отличаться.

Как мы уже отметили, в естественном языке проявляется стабильная тенденция классифицировать повседневный опыт восприятия окружающей

действительности в терминах единиц с противоположным значением, что находит выражение в употреблении пар антонимов [Horn, 1989: 39]. При этом единицы с позитивным значением нейтрализуют семантику своих противоположностей и вследствие этого манифестируют конечные, обобщающие представления об опыте постижения реальности. Единицы с негативным значением подобную прагматическую нагрузку не получают. Ср. следующую пару примеров:

a. How long was the film? – Как долго длился фильм?;

*b. * How short was the film? – Как коротко длился фильм?*

Вопросительное предложение *a.* является нейтральным способом оформления запроса искомой информации о длительности фильма, *b.* оказывается возможным в специфическом контексте (например, когда предварительно была обнародована информация о том, что фильм был коротким). Предложение *b.* предполагает отрицательное проявление качества обсуждаемого объекта, *a.* – нейтральное.

Кодирование позитивных и отрицательных характеристик и положений дел не является произвольным процессом, поскольку предопределяется спецификой перцептивного видения актуализуемой информации, оценкой предметов, явлений и фактов, которые формируют эту ситуацию. Те предметы, явления и факты, которые, по мнению говорящего субъекта, соответствуют ожидаемой норме, типичному проявлению, получают категоризацию в позитивных терминах, отклонение от нормы – в негативных терминах.

Альтернативное видение ситуации характеризуется парадоксальной природой, поскольку это состояние ситуации одновременно и удалено и приближено в перцептивном восприятии говорящего субъекта, т.е. апперцептивный доопытный концепт интенсифицируется в качестве предопределяющего перцепт модельного образца, создавая в текстовой реальности интенциональную амфиболию реальных и возможных альтернатив [Бредихин, 2013 (6)]. Близость знаков плюс и минус (и

соответствующих состояний воспринимаемой ситуации) видится и в том, что противоположности отличаются сходной частотностью и дистрибуцией. Парадокс одновременного комбинирования различий и схожестей прослеживается в том, что альтернативы идентичны, а поэтому их семантическое содержание во многом отличается подобием, хотя они и занимают полярные точки на шкале различий.

1.3. Категория отрицания в аспекте теорий текстуальных миров, фреймовой семантики и схем

Текущая исследовательская ситуация характеризуется экстенсивным и продуктивным взаимодействием между такими дисциплинами, как философия, логика, лингвистика, когнитивная психология и литературоведение. Теория текстуальных миров зародилась и развивается как результат взаимодействия указанных дисциплин, формирования интегративной перспективы исследования, обеспечивая многомерный дискурсивный подход к анализу художественных произведений, исходя из лингвистических позиций. При этом категория отрицания трактуется в качестве авторского выбора модальных средств, осуществляемого в ходе порождения дискурсивного произведения, как дискурсивный феномен [Драгалева, 2012; Кузина, 2010; Лунькова, 2016; Сирота, 2018]. В связи с этим проанализируем проблематику, связанную с выявлением той конструктивной роли, которую играет категория отрицания в процессе воссоздания текстуальных миров, не фокусируясь на аспектах теории, не существенных для нашего диссертационного исследования.

Дискурс – это языковое событие, разворачиваемое в определенном контексте; текст – это фиксация специфического функционирования языка [Алефиренко, 2012; Миловидов, 2015; Чернова, 2013]. Как дискурс, так и текст конструируются с опорой на повседневный опыт творческой личности (процессы восприятия окружающей действительности, память,

воображение), который лежит в основе художественной репрезентации ситуации. В свою очередь, эта репрезентация отличается от объективной реальности, однако, обеспечивает некоторый доступ к ней.

Коммуникативный процесс также описывается в когнитивных терминах: участники общения воссоздают репертуар ситуаций, которые инкапсулируют их ожидания относительно того, как должен отражаться определенный тип ситуаций в пространстве текста [Аглеева, Кудряшов, 2024, 2025], [Ковтуненко, Кудряшов, Бондаренко, 2025], [Котова, Кудряшов, 2017]. Однотипные ситуации, манифестируемые конкретным текстуальным миром, участвуют в образовании определенного фрейма, который, в свою очередь, является концептуализацией совокупности феноменов реальной действительности. Другими словами, в основе текстуального мира лежат знания автора и читателя, которые реализуются в системе фреймов, воссоздающих ту или иную дискурсивную ситуацию.

Текстуальный мир – это динамический конструкт, репрезентирующий когнитивное пространство, в рамках которого устанавливается и поддерживается коммуникация между автором и читателем. В ходе этой коммуникации конструктивное значение приобретает процесс упорядочивания знаний автора и читателя, нахождения общего знаменателя между пресуппозициями создателя и интерпретатора текста. Актуальные знания, структурируемые во взаимодействии между автором и читателем, находят непосредственное отражение в совокупности пропозиций, которые оказываются связными в прагматическом плане. В свою очередь, эти пропозиции имеют отношение к возможным ситуациям в воссоздаваемом дискурсивном пространстве.

К участникам дискурсивной ситуации относят собеседников, действующих в дискурсивном мире (автора и читателя), персонажей художественного повествования, включая рассказчика, которые «обитают» в воображаемом текстуальном мире. Другими словами, в художественной коммуникации разграничиваются дискурсивные и текстуальные миры. В

рамках текстуальных миров также выделяются строевые элементы, которые могут порождать, так называемые, «подмиры (subworlds)» в зависимости от таких параметров, как пространственный и временной дейксис, модальная вероятность, которая не соответствует категории истинности, прямая речь персонажей в формате диалогического взаимодействия [Werth, 1999: 283].

П. Верт указывает, что «... в подмирах, как правило, используется язык, который ... порождает неоднозначные контексты... дискурсивный мир характеризуется интерактивной природой (между автором и читателем), текстуальный мир идентифицируется с опорой на дейктические средства, репрезентирует авторскую точку зрения, важную для читателя; ... подмиры порождаются модальными / эпистемическими элементами, обуславливающие ситуации, которые не могут быть проверены на истинность» [Werth, 1999: 286].

Типология подмиров включает в себя следующие разновидности:

1. дейктические проекции воссоздаваемых ситуаций;
2. отношение к окружающей действительности, выражаемое субъектами (система воззрений, верований, намерений и текущих целей);
3. эпистемические подмиры, которые представляют собой модализованные пропозиции, выражаемые автором, читателем или персонажами (гипотетические и модальные миры, средством выражения которых оказываются, в том числе, категории количества и отрицания).

Выступая средством выражения пропозициональной модальности, категория отрицания манифестирует третий тип подмиров, фиксируя модальный сдвиг в параметрах, заданных в текстуальном мире. В этом отношении данная категория отменяет действенность, нейтрализует предварительно выраженные или принятые к сведению пропозиции. Интерпретация отрицания осуществляется с опорой на контекстуальный фактор, выполняет функцию выдвижения актуальной информации (в той или иной степени оспаривается действенность исходно упомянутой пропозиции).

По этой причине категория отрицания редко актуализуется в высказывании, с которого начинается общение: инициатор взаимодействия, фактически, не имеет возможности утверждать отсутствие предмета или некоторого положения дел, если об этом предмете или положении дел не было исходно заявлено. Значение отрицания оказывается тесно связанным с теми или иными предварительными ожиданиями говорящего субъекта. Функции отрицания проявляют взаимозависимость от явного / имплицитного присутствия соответствующей утвердительной формы. В текстуальном мире идентифицируются общие основания, совокупность исходных ожиданий, категория отрицания формирует особый специфический подмир [Werth, 1999: 282].

Прототипической функцией отрицания является указание на недействительность предварительных ожиданий и, вместе с тем, оно может вводит в дискурс те или иные сущности, которые предварительно не были эксплицитно обнародованы, т.е. манифестировать новую актуальную информацию. П. Верт иллюстрирует данное теоретическое положение следующим иллюстративным примером:

A: How's life with you? – Как у вас дела?; B: Great! I realized last night that my brother wasn't dead. – Великолпно! Вчера вечером я понял, что мой брат не мертв.

A: I didn't know you had a brother! – Не знал, что у вас есть брат!

В контексте общения новая информация, как правило, реализуется посредством утвердительных высказываний. Новая актуальная информация вводится придаточной изъяснительной частью, в которой предикат употреблен в отрицательной форме. Подобный феномен именуется П. Вертом как «неконвенциональное утверждение» [Werth, 1999: 287]. Отрицание не только указывает на отсутствие некоторого положения дел, но и одновременно вводит это положение дел в текущее дискурсивное произведение.

В процессе производства и интерпретации текстового произведения категория отрицания выполняет функцию обновления актуальной информации с опорой на изменение параметров текстуального мира или указания на недействительность предварительно выдвинутых пропозиций. В свою очередь, подмиры реализуют следующие два типа функциональной нагрузки:

1. временно меняют параметры, предварительно заданные в текстуальном мире (например, изменение в местоположении предмета);
2. выражая желания или намерения персонажей, проектируют достижимое положение дел [Там же].

Подмиры, моделируемые прототипическим отрицанием, фиксируют изменение в положении дел, о котором предварительно упоминалось в текстуальном мире. Отрицание в функции неконвенционального утверждения вводит актуальную информацию и одновременно указывает на ее недействительность (т.е. информация утверждается и в то же время отрицается). П. Верт приходит к заключению, что главная функция подмира, моделируемого категорией отрицания, является преобразование актуальной информации посредством изменения топика, предопределяемая сдвигами в параметрах, исходно заданных в текстуальном мире.

Память индивида, содержащая данные перцептивного и текстуального характера, срабатывает вследствие активации референций на предварительно приобретенный жизненный опыт. Фрейм представляет собой единицу репрезентации стереотипной ситуации, к которой прилагается информация об ожиданиях от этой ситуации и поведенческих реакциях субъектов на нее. Фреймы содержат слоты, которые получают определенное содержание в конкретной ситуации. В рамках теорий искусственного интеллекта схемы систематизируются в соответствии со следующими четырьмя типами: 1) скрипты; 2) планы; 3) цели; 4) темы. Схемы оптимально инкорпорируются в теории текста и дискурса, таким образом предопределяя когнитивный аспект

исследования. Установлено, что схемы играют конструктивную роль в обеспечении связности текстового произведения.

Проблемой теорий, основывающихся на исследовании схем, является несогласованность терминологических определений. Так, термин «схема» используется в теориях искусственного интеллекта, изучения иностранных языков. В иных направлениях исследования для обозначения сходного понятия задействуются термины со сходной семантикой (например, «фрейм», «скрипт», «сценарий»). В частности, скрипт трактуется как разновидность фрейма, который содержит концептуализацию сложных ситуаций.

Понятие о фреймах оптимально инкорпорируется и в теорию текстуальных миров П. Верта. Параллельно с параметрами воссоздания текстуальности исследователь использует это понятие в качестве конструктивного фактора порождения и поддержания миров, разграничивая фреймы, которые извлекаются из культурно предопределяемых ожиданий, являются специфическими для повседневного опыта восприятия окружающей действительности, характерного для отдельно взятого индивида.

Фреймовое знание может исследоваться двумя способами, а именно как продукт:

- 1) непосредственного повседневного опыта индивида;
- 2) умозаключений, абстракций относительно перцептивного восприятия реальности.

В теоретической модели П. Верта фреймы представляют собой своеобразные идиодискурсивные и культурно предопределяемые упаковки актуальной информации, извлечение которых дает возможность читателю определить и детализовать семантическое содержание текстуальных миров, а следовательно, и формировать ожидания относительно развития сюжетной линии повествования. В рамках нашего исследования мы используем термины «схема» и «фрейм» для обозначения одного и того же феномена, а

именно упакованной единицы информации, активируемой в художественном дискурсе.

В теоретических лингвистических концепциях выдвигаются самые разнообразные определения схем и фрейма.

Схема – это структура данных, репрезентирующая общие понятия об объектах, ситуациях, событиях, событийных цепочках, действиях, извлекаемые из памяти.

Схема – это описание отдельно взятого класса понятий, выявляются иерархии частных схем, формирующих глобальные схемы, которые «схватывают» все сущностные аспекты, характерные для членов иерархии.

Фрейм – это некоторая система понятий, которые соотносятся между собой таким образом, что каждый компонент системы проецирует представление о целостной понятийной сфере; когда один из компонентов активируется в дискурсивном произведении, доступными для восприятия автоматически оказываются другие компоненты [Iatridou, Zeijlstra, 2013; Menzel, Krielke, Degaetano-Ortlieb, 2022; Nahajec, 2021].

Как и фрейм, прототип имеет непосредственное отношение к ожиданиям от окружающего мира, основывается на уже накопленном жизненном опыте индивида; на фоне этого опыта интерпретируются те реалии окружающей повседневности, которые впервые постигаются индивидом.

На основании вышеприведенных определений можно сделать вывод о том, что схемы представляют собой единицы упакованной информации, которые воспроизводят актуальные знания о предметах, событиях, ситуациях и действиях. Они не только системно организуются в устойчивые сети, но и подчиняются иерархическому принципу построения. Моделирование этих сетей дает возможность выявлять синтагматические и парадигматические ассоциации с соотносимыми схемами или фреймами. Эти когнитивные феномены используются с целью осознания текущего жизненного опыта посредством выдвижения гипотез о новых ситуациях, их сопоставления с

уже имеющимся опытом, накопленным в виде схематических упаковок. Импринтные схемы выступают в качестве модельного образца, формирующего текстовые семантические ожидания (праймирование), которые, однако, не формируют «железобетонную» рамку интерпретации, но являются динамическими схемами взаимодействия с текстовой реальностью [Бредихин, Испирян, 2023]. В связи с этим схемы интерпретируются в качестве динамических дискурсивных единиц.

Для задач, решаемых в рамках данной работы, теория схем приобретает конструктивное значение для исследования следующих проблем:

1) выявление авторских способов порождения читательских ожиданий от текущего развития сюжетной линии художественного повествования, их поддержания и / или внезапного, безосновательного опровержения;

2) определение процессов читательского постижения и интерпретации художественного повествования как динамического процесса, предполагающего установление коммуникативного контакта с автором (при посредничестве рассказчика, имплицитного автора).

К настоящему моменту проблема применения теории схем и принципов фреймовой семантики к изучению категории отрицания в художественном дискурсе, фактически, является не достаточно разработанной, а поэтому открытой. Нами обнаружено несколько теоретических работ, в которых решается указанная проблема, исходя из упрощенного взгляда на схемы, без уточнения их типов и функциональной нагрузки. Однако эти исследования обеспечивают основу для создания подхода к изучению категории отрицания в терминах фреймовой семантики и схем. Подобный взгляд на исследуемую нами категорию предполагает анализ взаимоотношений между контрастными понятиями, которые концептуализуются посредством фреймов и схем (см. работы [Greco, 2020; Shanon, 1981; Fillmore, 1985; Pagano, 1994] и некоторые другие).

Указанный ракурс анализа фокусируется на таких лингвкогнитивных проблемах, как:

– определение критериев релевантности отрицательных высказываний и суждений, функционирующих в том или ином контексте;

– выявление первичных и контекстуально связанных характеристик отрицательных высказываний в процессе фреймирования сегментов повествовательных миров.

С опорой на теорию фреймовой семантики и схем возможным оказывается выявление функциональной нагрузки отрицательных предложений сходной семантики в идентичном контекстуальном окружении без учета их синтаксической специфики. В частности, К. Шеннон анализирует следующие пары высказываний:

a. *There's no furniture in the room.* – *В комнате нет мебели.*

b. *The picnic was nice but nobody took any food.* – *Пикник был превосходный, но никто так и не притронулся к еде.*

a? *There are no diamonds in the room.* – *В комнате нет бриллиантов.*

b? *The picnic was nice but nobody watered the grass.* – *Пикник был превосходным, но никто не полил траву.*

Исследователь приходит к заключению, что высказывание а. является релевантным (допустимым), поскольку мебель оказывается сегментом фрейма КОМНАТА; высказывание а? предстает неуместным, т.к. бриллианты не выступают имманентной частью указанного фрейма. Релевантностью отличается и высказывание b. (ср. еда – это компонент схемы ПИКНИК); b. – это неуместное высказывание, поскольку действие *выпить траву* оказывается алогичным и абсурдным, а поэтому не ассоциируется с указанной схемой. Для того чтобы отрицательное высказывание являлось релевантным, оно должно соответствовать фрейму (схеме), активированной в данный момент общения. Таким образом, конвенционализация общего релевантного пространства на основе внутренних, мотивационных и ситуативно-коммуникативных значимостей осуществляется в органичном взаимопроникновении объективной и

текстовой реальности, а также пертинентностей автора, псевдомасочного образа автора, персонажей и читателя [Бредихин, 2025].

Активация этих фреймов и схем в дискурсе осуществляется с опорой на специфические лексические единицы (ср. *room* / *комната*, *picnic* / *пикник* в вышеприведенном примере). Однако эти единицы могут не получать эксплицитного выражения, а извлекаться из контекста общения или общего фонда знаний собеседников. Так, А. Пагано утверждает, что следующее высказывание не соответствует исходным допущениям собеседников к обсуждаемой ситуации, поскольку не содержит информации, которая бы относилась к общему фонду знаний говорящего и слушающего (невеста на свадьбе не всегда одета в белое платье):

The bride was not wearing a white dress. – Невеста не была одета в белое платье [Pagano, 1994: 257].

В основе этого высказывания лежит актуальное фоновое знание, которое не является универсальным для всех без исключения культурных традиций.

Ч. Филломор разграничивает фреймы, которые активируются текстом и читателем [Fillmore, 1985]. Последний тип фреймов, является специфическим для конкретной культуры, проявляют независимость от текста. Например, согласно японской традиции, индивид начинает письмо комментариями относительно текущего времени года. Адресат, приступая к чтению письма, активирует соответственно ту же самую схему, что и автор. Однако не вполне оказывается ясным, предопределяется ли эта схема дискурсивным жанром, или же она независима от текста. Очевидно, что данная схема реализуется комплексом определенных лексических средств, с опорой на которые адресат активирует схему ТЕКУЩЕЕ ВРЕМЯ ГОДА, приступая к чтению письма. Проблема заключается в том, оказывается ли эта схема компонентом схемы ПИСЬМО (более высшего уровня) или же она проявляет независимость от текста письма.

Исследователь также анализирует характеристики категории отрицания, исходя из теории фреймовой семантики, учитывая разграничение между отрицанием, предопределяемым контекстом и независимым от контекста; относящимся к одному фрейму или разным фреймам [Fillmore, 1985: 242–245].

Первое разграничение К. Филломор иллюстрирует следующим примером:

a. *Her father doesn't have any teeth.* – У ее отца нет зубов.

b. *Her father doesn't have any walnuts.* – У ее отца нет грецких орехов.

Понятие контекста трактуется исследователем как непосредственно предшествующее развитие дискурса. Ч. Филломор полагает, что:

– а. проявляет независимость от контекстуального фактора, поскольку содержащееся в нем отрицание в обязательном порядке не соотносится с предварительно выраженной информацией (фрейм ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА всегда доступен для восприятия);

– б. интерпретируется с учетом контекста, предварительного разворачивания дискурса, в котором, очевидно, был активирован фрейм ГРЕЦКИЕ ОРЕХИ.

Представляется, что с учетом подобного объяснение разграничение между отрицанием, зависимым и независимым от контекста, не является последовательным, а оба высказывания предопределены контекстуальным фактором, хотя этот фактор оказывается актуальным в разных сегментах дискурсивного произведения. В а. зависимость от контекста фиксируется конкретной лексической единицей в рамках этого же самого высказывания. В б. индикатором контекста выступает лексическое средство, находящееся за рамками высказывания. В обоих высказываниях содержится компонент *father* / *отец*, который проецирует соответствующий фрейм.

Адресат не испытывает трудностей в восприятии высказывания а., поскольку фрейм ЗУБЫ является элементом фрейма ОТЕЦ, в свою очередь, входящего во фрейм ЧЕЛОВЕК (у человека зубы могут отсутствовать в силу

возраста или иных самых разнообразных факторов). Высказывание b. не воспринимается релевантным образом без привлечения широкого контекста, поскольку *грецкие орехи* не являются имманентной характеристикой *отца*. Следовательно, высказывание a. частично не соответствует активируемому в нем фрейму (у человека должны быть зубы, а у отца их нет); высказывание b. Выявляется логическое несоответствие лексическому средству, которое восстанавливается из предшествующего контекста. Дифференциация типов отрицания по параметру реализации в рамках одного / разных фреймов, фактически, отражает ту же самую дихотомию, которая обнаруживается между предикативным и металингвистическим отрицанием, выражаемым синтаксическими средствами. Эту дифференциацию Ч. Филломор иллюстрирует следующими парами высказываний:

a. *John isn't stingy. He's generous.* – Джон не скупится. Он щедр.

b. *John isn't stingy. He's downright thrifty.* – Джон не скупится. Он прямо-таки бережливый [Fillmore, 1985: 243].

В примере a. категория отрицания реализуется в логических границах одного фрейма STINGY / СКУПОЙ, который вводится и поддерживается в сообщении посредством противопоставления контрастных понятий *stingy* – *generous* / *скупой* – *щедрый*. В b. указанный фрейм отрицается с целью введения другого фрейма, который поддерживается оппозицией *stingy* – *thrifty* / *скупой* – *бережливый*, в контексте сообщения также являющейся сочетанием контрастно диаметральных понятий (контекстуальная антонимия). Реализация категории отрицания на стыке двух разных фреймов, в том числе, в формате художественного текста проливает свет на творческое индивидуально-авторское обращение с закономерностями языковой системы. Контекстуальная антонимия, оказывающаяся следствием реализации отрицания на стыке двух фреймов, производит в художественном тексте разнообразные стилистические (прагматические) эффекты.

Ср. следующий пример: *This is not grey. It is dirty.* – Это не серое. Это грязное.

Реализуя данную последовательность высказываний, говорящий субъект нарушает формат традиционного восприятия номинации *grey / серый* на фоне номинаций, обозначающих цветовую палитру. В контексте сообщения имена прилагательные *grey – dirty / серый – грязный* выступают контекстуальными антонимами, которые, в свою очередь, воспроизводят разные фреймы. Для релевантной интерпретации указанной оппозиции адресатом критическое значение приобретают фоновые знания об окружающем повседневном мире, в том числе, культурологического характера. Контекстуальная антонимия, порождаемая категорией отрицания, может производить в тексте юмористический эффект. Теоретические установки, проанализированные в данном параграфе нашей диссертационной работы, проливают свет на семантические и контекстуальные принципы, которые лежат в основе функционирования категории отрицания в художественном тексте. Эти установки обеспечивают необходимый инструментарий для когнитивного и прагматического анализа проблемы, связанной с тем, как читатель с опорой на имеющиеся знания о мире воспринимает и интерпретирует рассматриваемую категорию и ее функциональную нагрузку в контексте художественного сообщения (суждения); взаимоотношения между отрицаемым понятием и контрастирующим утверждаемым понятием в контексте формируемой оппозиции.

Выводы по первой главе

1. Выявив типологию миров, исследуемых в текущих лингвистических работах, мы отмечаем, что теория текстуальных миров является в определенном отношении уникальной, оптимальной для изучения эмоционального опыта постижения читателем художественного произведения. В нашем исследовании эта теория квалифицируется с учетом ее дискурсивного измерения, что дает возможность не только выявлять

специфику целостных художественных текстов, но и анализировать контекст авторского производства и читательской интерпретации категории отрицания. Участники художественной коммуникации представляются не столько как создатели и интерпретаторы текста на предложенческом уровне или носители сознания, порождающего ментальные репрезентации в отрыве от необходимого контекста, сколько как индивиды, обладающие определенным багажом знаний, вовлеченные в межличностную интеракцию.

2. Язык не только воссоздает авторскую идеологию, но и критически преобразует ее. Когнитивный и прагматический анализ художественного текста позволяет проследить, как в рамках авторских исходных установок манипулирование системой языка соотносится с манипулированием идеологического характера. Подобный ракурс исследования предполагает использование концепции художественного текста как реализации дискурсивной деятельности автора, облекающего творческие идеи в языковую оболочку. Взаимоотношения между воображаемым миром и объективной реальностью моделируются Дж. Хеллером в романе “Catch-22” как искаженное зеркальное отражение современного социума.

3. Категория отрицания находится в фокусе устойчивого исследовательского внимания в психологии, как проявление – по сравнению с утвердительными высказываниями – специфических когнитивных характеристик некоторого объекта или положения дел; вследствие особой важности в терапевтической практике. Исходя из лингвистической перспективы, оба аспекта представляют повышенный интерес, поскольку дают возможность детализировать анализ не только мыслительных процессов в сознании говорящего и его респондента в ходе реализации и последующей интерпретации отрицания, но и актуализируемый при этом межличностный компонент общения. Нарботки, полученные в процессе исследования когнитивной обработки отрицательных высказываний в сознании собеседников, оказывают конструктивное влияние на понимание рассматриваемой нами категории как лингвистического феномена. В

частности, изученные когнитивные характеристики формируют основу для анализа отрицания в качестве маркированного компонента модели полярностей. Наряду с соответствующим утверждением отрицание образует сложную структуру, которая системно проявляется при его изучении с учетом самых разнообразных перспектив.

4. В теории текстуальных миров предлагается дискурсивная модель, интегрирующая когнитивный подход к художественной коммуникации посредством инкорпорирования фреймов как компонентов обогащения дискурса, который совместно конструируется автором и читателем. В этом отношении дискурс и текст рассматриваются в качестве конструкторов, базирующихся на повседневном опыте постижения реальной действительности автором и читателем. Определение и организация дискурсивных и текстуальных миров не подчиняется законам логики, структура этих миров характеризуется многомерным характером, что, в свою очередь, предопределяется их потенциальным расслоением на подмиры, которые манифестируют сдвиг в дейтических, интерактивных и модальных параметрах.

5. С опорой на фоновые знания и эксплицируемую авторскую информацию, читатель порождает определенные ожидания разворачивания текстуального мира. Подмиры, конструируемые категорией отрицания, опровергают эти ожидания, поскольку текстуальные миры безосновательно начинают развиваться в непредсказуемом русле. Подобный взгляд на категорию отрицания как элемент динамического дискурсивного процесса приобретает конструктивное значение для целостного осознания художественного текста.

6. Теоретические модели фреймовой семантики и схем вносят существенный вклад в изучение специфики функционирования рассматриваемой нами категории в контексте художественного повествования. Ассиметричные отношения между отрицанием и утверждением, предопределяющие тот факт, что читательские ожидания от

последующего разворачивания текстуальных миров не оправдываются, создают оптимальные условия для применения указанных теоретических моделей. В частности, схемы определяются как, своего рода, ожидания от текущего и последующего развития дискурса. Если категория отрицания понимается как опровержение этих ожиданий, отношения между утверждаемой и отрицаемой информацией могут исследоваться в терминах фреймов и схем, которые лежат в основе каждого типа информации. Данные теоретические положения являются сущностными аспектами последующего анализа текста романа Дж. Хеллера “Catch-22”.

Глава 2. Отрицание как ключевая категория воображаемого мира в романе “Catch-22”:

квалитативный и квантитативный лингвистический анализ

1.1. Категория отрицания как подмир авторского воображаемого мира

В рамках данного параграфа мы предлагаем прагматический и когнитивный анализ категории отрицания в терминах теории текстуальных миров П. Верта с привлечением таких актуальных для лингвистики текста понятий, как:

- онтология отрицательных состояний и событий [Иштоян, 2022; Ларина, 2017];
- конфликт в авторских воображаемых мирах [Чередникова, Абраменко, Тарасова, 2019];
- выдвижение информации, значимой для целостной интерпретации художественного произведения [Абраменко, Евсюкова, 2022; Азарова, Кудряшов, 2016; Асланова, 2015];
- скрипты [Асланова, Прохорова, 2022].

Внимание фокусируется на прагматических функциях отрицания в сопоставлении с утвердительными высказываниями, лексических и синтаксических средствах выражения этой категории в тексте анализируемого романа. Утверждается, что функциональная нагрузка отрицательных суждений предопределяется потенциальным содержанием соответствующей категории как члена системы полярности, наделенного онтологическими характеристиками, которые дифференцируют его от категории утверждения.

В основе применения модели текстуального мира к анализу категории отрицания лежит следующее допущение: исходя из дискурсивно-прагматической перспективы, данная категория квалифицируется как

результат намеренного авторского выбора, predetermined тем, что читатель предварительно воспринял и интерпретировал информацию, утверждаемую рассказчиком. В свою очередь, эта актуальная информация образует пресуппозиционную основу взаимодействия между автором и читателем. По сравнению с утвердительными высказываниями, высказывания, содержащие оператор отрицания, как правило, менее информативны.

Указание на отсутствие каких-либо состояний или событий в сюжетной канве повествования реализуют меньший объем информации, чем описание этих состояний или событий в терминах утверждения, утвердительных (ассертивных) высказываний. В связи с этим отрицание преимущественно формирует иллокутивные акты негации, в контексте которых отвергаемая пропозиция соответствует предварительным читательским допущениям или ожиданиям относительно последующего развития сюжета.

Взгляд на категорию отрицания в терминах возможных миров и теории множества может быть проиллюстрирован фрагментом из текста романа “Catch-22” (эпизод, в котором рассказчик повествует о том, как люди умирают на войне). Отрицательные высказывания фокусируют читательское внимание на том, что данный факт наблюдается не в больничной палате, а на поле сражений. Ср.:

(1) *«There was none of that crude, ugly ostentation about dying that was so common outside the hospital. They did not blow up in mid-air like Kraft or the dead man in Yossarian's tent, or freeze to death in the blazing summertime the way Snowden had frozen to death after spilling his secret to Yossarian in the back of the Plane»* [Heller, 2010: 71]. – *«Не было той грубой, уродливой показухи по поводу смерти, которая была так распространена за пределами больницы. Они не взорвались в воздухе, как Крафт или мертвец в палатке Йоссариана, и не замерзли насмерть в жаркое летнее время, как замерз Сноуден после того, как раскрыл свой секрет Йоссариану в хвосте самолета»* [здесь и далее перевод наш – С.Г.].

С точки зрения теории возможных миров, во фрагменте (1) воспроизводится два взаимоисключающих положения дел, которые формируют домены, взаимно дополняющие друг друга:

a. *People die violently.* – *Люди умирают насильственной смертью.* (П)

b. *People do not die violently.* – *Люди не умирают насильственной смертью.* (– П).

Для всех случаев, в которых пропозиция (П) является истинной, пропозиция (– П) оказывается ложной (данная закономерность срабатывает и в обратном направлении). Домен, формируемый пропозицией (П), воспроизводит военные события, жизнь вне стен госпиталя; домен, маркируемый пропозицией (– П), отражает события, происходящие в военном госпитале.

В естественном языке категория отрицания может быть выражена различными способами, в частности, такими единицами языка и конструкциями, как *not / не; it is false that / ложно, что; it is incorrect that / неправильно, что; it is not true / that / не верно, что; it is wrong that / не верно, что* и т.д. Единица *not / не* является оператором эксплицитного отрицания, другие конструкции репрезентируют внешнее отрицание. Данные конструкции манифестируют отрицание истинности всей совокупной пропозиции (как и пресуппозиций, лежащих в основе этих пропозиций). Оператор *not / не*, как правило, употребляясь в позиции перед предикатом, отрицает некоторую часть пропозиции, преимущественно действие, обозначаемое предикатом. В этом случае пресуппозиции, лежащие в основе пропозиции, не подвергаются какому-либо изменению.

Обозначенная выше проблема, однако, является противоречивой. В научной литературе проявляется стабильная тенденция трактовать отрицание в естественном языке как категорию фундаментально маркированного, внутреннего типа (ср., например, [Чикина, 2018]). Отрицание внешнего типа характеризуется как менее обычная для естественного языка.

Данная идея лежит в основе дифференциации категории отрицания в пропозициональной и естественной логике и в контексте естественного языка:

1) в пропозициональной логике отрицание – это оператор, который распространяет свое действие на всю пропозицию, в естественном языке этот оператор может стоять перед любым компонентом пропозиции (ср. *Non-scientists are not allowed* / *Лица, не относящиеся к ученым, не допускаются*); отрицание только предиката и / или субъекта, а также какого-либо иного компонента пропозиции в пропозициональной логике недопустимо;

2) естественный язык обладает специфическим фонетическим средством (ударение) для выделения того компонента пропозиции, который подвергается отрицанию; в естественной логике такого сущностного средства не выделяется [Hamawand, 2009; Kjellmer, 2005];

3) логика не в состоянии проанализировать функциональные различия отрицания в дискурсе, установить разницу между отрицательным утверждением и отрицанием-опровержением [Красухин, 2020; Целищев, 2018; Lunkova, 2016].

С учетом собранного нами фактического материала можно говорить и об онтологических характеристиках подмира отрицания. Так, парадокс не может быть описан в функциональных терминах, предложенных выше. По этой причине такие явления, как парадокс и противоречие анализируются в нашем диссертационном исследовании как соответствующие функции категории отрицания, которые связаны с блокированием актуальной информации, предварительно озвученной рассказчиком.

Противоречие реализуется в отрицательных высказываниях синтаксическими средствами. Некоторые противоречия являются механизмом парадоксального воспроизведения той или иной ситуации. При этом парадокс реализуется как синтаксическими, так и лексическими средствами отрицания. Лексические средства отрицания усиливают эффект

парадоксальности, создаваемый соответствующими синтаксическими средствами.

Указанный процесс и производимый им эффект задействуется Дж. Хеллером в тексте романа “Catch-22”. Ср.:

(2) *«McWatt was the craziest combat man of them all probably, because he was perfectly sane and did not mind the war»* [Heller, 2010: 82]. – *«Макватт, вероятно, был самым сумасшедшим военным из всех, потому что он был совершенно вменяем и не возражал против войны».*

Рассказчик идентифицирует персонажа посредством взаимоисключающих определений (*sane / crazy, вменяемый / сумасшедший*), которые формируют сильную оппозицию. Одновременное восприятие обеих характеристик порождает в читательском сознании когнитивную диссонирующую синергию. В ходе интерпретации парадокса, читатель активизирует фонд общих знаний об окружающей реальности, в частности, представления о том, что собой представляет война (человек на войне), определяет взаимоисключающие характеристики персонажа как принадлежащие к разным концептуальным доменам.

Персонаж квалифицируется рассказчиком как сумасшедший, исходя из субъективной перспективы восприятия его текущего психологического портрета: Макватт не манифестирует реакцию на военные действия, которая от него исходно ожидалась (т.е. он не выражает ту или иную степень отчаяния, тревоги, обеспокоенности). Именно в этом смысле протагонист воспринимается как «сумасшедший»: его «аномальная» реакция неявно контрастирует с типичным, «вменяемым» реагированием. Персонаж оказывается вменяемым, исходя из объективных позиций, поскольку он психически вполне здоров. Комбинирование субъективного и объективного аспекта восприятия приводит к тому, что Макватт характеризуется читателем как субъект, который одновременно и сумасшедший, и вменяемый.

Процессы выдвижения смысловой информации, значимой для интерпретации целостного текста, с опорой на средства реализации

категории отрицания (включая парадокс) лежат в основе моделей, порождающих эффект остранения, преобразования схем читательских знаний относительно предварительного развития сюжетной линии повествования. Взаимоотношения между отрицанием как лингвистической категорией, выдвижением смысловой информации, схемами читательских знаний и явлением остранения не являются однонаправленными и системными.

В связи с этим мы сосредотачиваемся на отрицательных высказываниях, которые создают соответствующие подмиры. Эти высказывания трактуются в качестве специфических дискурсивных феноменов, концептуальных доменов, порождающих определенные эффекты в художественном повествовании и деавтоматизирующих читательское внимание.

С опорой на теоретическую модель текстуального мира в исследовании определяются функции категории отрицания в художественном повествовании, когнитивные факторы, которые предопределяют характер читательской интерпретации текста. Прагматические функции, реализуемые лексическими и синтаксическими средствами отрицания, суммируются в Таблице 3.

Таблица 3. Прагматические функции категории отрицания

Функция категории отрицания	Детализация функции категории отрицания
Перенаправление информации в иное (противоположное, альтернативное) смысловое русло.	1. Опровержение семантического содержания дейктических параметров текстуального мира. 2. Опровержение семантического содержания параметров, лежащих в основе построения текстуального мира. 3. Опровержение фреймовых знаний читателя об объективной действительности и авторском воображаемом мире. 4. Опровержение предварительно введенной новой информации.
Блокирование актуальной информации, предварительно озвученной рассказчиком.	1. Создание противоречия. 2. Создание парадокса (парадоксального видения ситуации, описываемой рассказчиком).

При рассмотрении вышеуказанных функций мы разграничиваем лексические и синтаксические средства реализации категории отрицания. В частности, парадоксальное видение ситуации проецируется как лексическими антонимами, так и синтаксическими операторами.

Первая функция связывается с изменением направления информативного развития повествования в форме как эксплицитных, так и имплицитных пропозиций (читательских ожиданий и допущений, знаний об объективной действительности). Отрицаемые пропозиции содержат информацию о таких характеристиках художественного текста Дж. Хеллера, как:

– дейктический центр повествования;

- закономерности авторского построения текстуального мира;
- фоновые знания, активируемые в сознании читателя в процессе постижения текста.

В контексте одной и той же пропозиции может одновременно отрицаться более чем один тип актуальной информации. Вместе с тем, можно говорить об определенной тенденции в творческой манере повествования Дж. Хеллера: в контексте употребления высказывания в фокусе отрицания существенную позицию занимает один из указанных типов информации.

Опровержение дейктических параметров, устоявшихся в текстуальном мире, – наиболее типичная функция подмира отрицания. В этом случае наблюдается радикальное изменение времени и места протекания описываемой ситуации, те или иные сущности «погружаются» в иные пространственно-темпоральные координаты. Информация, предварительно усвоенная читателем, лишается своей релевантности, оказывается недейственной для интерпретации целостного текста.

Ср. фрагмент текста, в котором персонаж Майор Майор узнает, что его зовут не Кaleb, как он до этого полагал:

(3) «... *It was a harsh and stunning realization that was forced upon him at so tender an age, the realization **that he was not**, as he had always been led to believe, **Caleb Major**, but instead was some total stranger named Major Major about whom he knew absolutely nothing and about whom nobody else had heard before*» [Heller, 2004: 113]. – «... Это было суровое и ошеломляющее осознание, которое было навязано ему в столь нежном возрасте, осознание того, **что он не был**, как его всегда заставляли верить, **Калeбом Майором**, а вместо этого был каким-то совершенно незнакомым человеком по имени Майор Майор, о котором он абсолютно ничего не знал и о котором никто раньше не слышал».

Прагматическая функция выделенной придаточной части сложноподчиненного предложения, содержащей отрицание, заключается в

том, чтобы отменить действенность той информации, которая предварительно считалась персонажем и читателем истинной. В рассматриваемом контексте в фокусе отрицания находится имя субъекта. Отрицаемая пропозиция не находит подтверждения в предшествующем развитии повествования, становится частью читательских фоновых знаний, которые оказываются релевантными для интерпретации целостного текста.

Категория отрицания формирует:

- специфический подмир, в рамках которого соответствующее высказывание содержит информацию об отсутствии у субъекта некоторой характеристики, считавшейся свойственной ему до этого;

- концептуальный домен, обладающий следующими свойствами:

- 1) запускается отрицательным высказыванием;
- 2) разворачивает нефактуальный мир, контрастирующий с действительным текстуальным миром (ср. эмоциональную реакцию персонажа на то, что его зовут не Кaleb, ставшую следствием ошеломляющего осознания им данного факта);
- 3) характеризуется непрерывностью в выражении топики повествования, что наделяет его функцией средства связности текста, порождающего юмористический эффект.

В подавляющем большинстве проанализированных нами фрагментах текста категория отрицания, преобразующая информацию о персонажах, формирует не противоречивые или парадоксальные суждения, а устойчивые модели выдвижения актуального смыслового содержания о тех или иных состояниях или событиях, которые видоизменяют схемы читательского восприятия текста. Вместе с тем, эти модели служат механизмом реализации категории остранения (ср. персонаж, вдруг осознавший, что у него другое имя, смотрит на себя как бы со стороны).

Реализуя функцию перенаправления потока информации в повествовании, категория отрицания не только опровергает действенность

тех или иных пропозиций, но и порождают эффект обманутых читательских ожиданий. Ср.:

(4) *«After he had made up his mind to spend the rest of the war in the hospital, Yossarian wrote letters to everyone he knew saying he was in the hospital **but never mentioning why**. One day he had a better idea. To everyone he knew he wrote he was going on a very dangerous mission. ‘They asked for volunteers, but someone has to do it. I’ll write you the instant I get back.’ **And he had not written anyone since**»* [Heller, 2004: 15]. – *«После того, как он решил провести остаток войны в госпитале, Йоссарион написал письма всем, кого он знал, в которых говорилось, что он в больнице, **но никогда не упоминалось, почему**. Однажды ему пришла в голову идея получше. Всем, кого он знал, он написал, что отправляется на очень опасную миссию. “Они попросили добровольцев, но кто-то должен это сделать. Я напишу тебе, как только вернусь”. **И с тех пор он никому не писал**».*

Отрицательные высказывания, выделяемые во фрагменте (4), преобразуют информацию, которую сообщил рассказчик читателю до этого, направляют эту информацию в иное смысловое русло. В ходе восприятия этих высказываний читатель делает вывод о том, что его предварительные фоновые допущения о последующем развитии повествования не оправдываются. Так, если рассказчик сообщает, что Йоссарион пишет письма из госпиталя, читатель ожидает, что ему будут даны какие-либо объяснения, почему персонаж там оказался.

Аналогичным образом, сообщение о том, что персонаж вскоре напишет ответные письма адресатам, воспринимается читателем как истинное. Отрицательные высказывания служат механизмом опровержения этих читательских допущений и ожиданий. Одновременно преобразуются читательские фоновые знания (и схемы знаний) о релевантности объяснений относительно нахождения в госпитале в военное время. Утверждение, что человек выполняет свои обещания, оказывается ложным.

Другими словами, отрицательные высказывания служат средством выдвижения смысловой информации, важной для интерпретации целостного текста. С опорой на эти высказывания рассказчик также озвучивает информацию о персонаже, который находится в фокусе читательского внимания в данный момент. Соответственно, намеренное опущение каких-либо объяснений относительно причины нахождения Йоссариана в госпитале, его нежелание сдержать обещание написать второе письмо расцениваются читателем как провокационные коммуникативные шаги, нацеленные на то, чтобы ввести адресата в состояние беспричинной тревоги и беспокойства. Подобное речевое поведение является типичным для персонажа, образ которого манифестирует дух противоречий. Ср.:

(5) *«But Yossarian couldn't be happy, even if the Taxan didn't want him to be, because outside the hospital there was still nothing funny going on. The only thing going on was war and no one seemed to notice, except Yossarian and Dunbar»* [Heller, 2004: 15]. – *«Но Йоссариан не мог быть счастливым, даже если техасец не хотел, чтобы он был счастлив, потому что за пределами больницы по-прежнему не происходило ничего смешного. Единственное, что происходило, была война, и никто, казалось, этого не замечал, кроме Йоссариана и Данбара»*.

Во фрагменте (5) моделируется сложный контраст, который порождает прагматический эффект обманутых читательских ожиданий. Так, союз *even if* / *даже если* предполагает последующее употребление антонимичной пропозиции. С формальной точки зрения, сегменты пропозиций, соединяемые данным союзом, не формируют контраста, поскольку каждая из них содержит отрицание. Однако из предшествующего повествования читатель уже узнал следующие факты:

1) Йоссариан был убежден, что техасец не желает, чтобы все персонажи, окружающие его, не испытывали состояние счастья;

2) противоречия и противопоставление своих намерений желаниям других персонажей – это для Йоссариана стандартный способ общения с окружающими индивидами.

Данные фоновые знания дают возможность читателю интерпретировать первую часть высказывания (*But Yossarian couldn't be happy / Но Йоссариан не мог быть счастливым*) как отрицающую допущение о том, что персонаж будет предпринимать попытки быть счастливым, а вторую часть высказывания (*even if the Taxan didn't want him to be / даже если техасец не хотел, чтобы он был счастлив*) как противопоставление первой части. Вместе с тем, данные сегменты высказывания формируют отношения противопоставления лишь в языковой картине мира персонажа.

Ср. следующий фрагмент, в котором один из полковников информирует Майора Майора о том, что он назначен новым командующим эскадрона:

(6) «*'You're the new squadron commander', Colonel Cathcart had shouted rudely across the railroad ditch to him. 'But don't think it means anything, because it doesn't. All it means is that you're the new squadron commander'*» [Heller, 2004: 117]. – «*'Вы новый командир эскадрильи', – грубо крикнул ему полковник Кэткарт через железнодорожную канаву. 'Но не думайте, что это что-то значит, потому что это не так. Все это означает, что вы новый командир эскадрильи'*».

Выделенное стимулирующее суждение полковника, фактически, отрицает истинность тех импликаций, которое оно предполагает, т.е. то, что получив новую должность, персонаж наделяется неограниченными властными полномочиями.

Категория отрицания может порождать эффект обманутых ожиданий относительно того, что читатель предугадывает о последующих событиях в соответствии со знаниями о причинно-следственных связях между разными фактами. Например:

(7) «*With them this time was the twenty-four-year-old fighter-pilot captain with the sparse golden moustache who had been shot into the Adriatic Sea in midwinter **and not even caught cold**. Now the summer was upon them, the captain had not been shot down, and he said he had the grippe*» [Heller, 2004: 117]. – «На этот раз с ними был двадцатичетырехлетний капитан-летчик-истребитель с редкими золотистыми усами, который был сбит в Адриатическом море в середине зимы **и даже не простудился**. Теперь наступило лето, капитана не сбили, и он сказал, что у него грипп».

В повествовании «Поправки-22» причинно-следственные связи устанавливаются с опорой на абсурдную иррациональную логику. Так, во фрагменте (7) отрицается допущение о том, что конкретному следствию предшествует определенная причина: если в середине зимы персонаж падает в море, то с высокой степенью вероятности он может простудиться. Средством поддержания алогичных причинно-следственных связей в высказывании выступает выделенный сегмент пропозиции, содержащий оператор отрицания. Прагматический эффект алогичности указанных связей усиливается последующей параллельной конструкцией, в которой отрицаемое событие (*the captain had not been shot down* / *капитана не сбили*) сопровождается следствием, не поддающимся рациональному объяснению.

Отрицательные высказывания, выступая средством выдвижения актуального смыслового содержания, порождают конфликт между концептуальными доменами персонажей и действительным воображаемым миром, который воспроизводится в художественном тексте. Данная разновидность конфликта основывается на игре обмана и притворства, двух феноменах, которые приобретают конструктивное значение в интерпретации целостного текста романа.

В связи с этим отрицательные высказывания, преобразующие информативное содержание пропозиций или направляющие это содержание в иное смысловое русло, могут быть классифицированы на два типа, а именно опровергающие информацию дейктического характера:

1) сущности, показатели времени и места, которые предварительно описывали определенные состояния дел, неожиданно для читателя представляются как ложные;

2) состояния дел, являющиеся истинными, описываются как ложные (даже при наличии аргументов, подтверждающих их истинность).

Оба типа отрицательных высказываний многопланово отражают коммуникативную стратегию притворства и обмана, которая разрабатывается теми или иными персонажами, конфликт между доменами персонажей и воображаемым миром, воспроизводимым в тексте. Ср.:

(8) *«Officers' clubs everywhere pulsed with blurred but knowing accounts of lavish, hushed-up drinking and sex orgies there and of secret, intimate nights of ecstasy with the most beautiful, the most tantalizing, the most readily aroused and most easily satisfied Italian courtesans, film actresses, models and countesses. No such private nights of ecstasy or hushed-up drinking and sex orgies ever occurred. They might have occurred if either General Dreedle or General Peckem had once evinced an interest in taking part in orgies with him, but neither ever did, and the colonel was certainly not going to waste his time and energy making love to beautiful woman unless there was something in it for him. The colonel dreaded his dark lonely nights at his farmhouse and the dull, uneventful days. He had much more fun back at Group, browbeating everyone he wasn't afraid of. However, as Colonel Korn kept reminding him, there was not much glamour in having a farmhouse in the hills if he never used it» [Heller, 2004: 269-270]. – «Офицерские клубы повсюду пульсировали размытыми, но детальными рассказами о щедрых, замалчиваемых попойках и сексуальных оргиях, а также о тайных, интимных ночах экстаза с самыми красивыми, самыми соблазнительными, наиболее легко возбуждаемыми и наиболее легко удовлетворяемыми итальянскими куртизанками, киноактрисами, моделями и графинями. Никогда не было таких частных ночей экстаза или замалчиваемых пооек и сексуальных оргий. Они могли бы произойти, если бы либо генерал Дридл, либо генерал Пекем однажды проявили интерес к участию в оргиях с ним, но*

ни один из них никогда этого не делал, и полковник, конечно, не соби́рался тратить свое время и энергию на занятия любовью с красивой женщиной, если в этом не было чего-то для него. Полковник боялся своих темных одиноких ночей на ферме и скучных, ничем не примечательных дней. В группе ему было гораздо веселее, он запугивал всех, кого не боялся. Однако, как постоянно напоминал ему полковник Корн, не было особого очарования в том, чтобы иметь фермерский дом на холмах, если он никогда им не пользовался».

Фрагмент (8) иллюстрирует типичный пример внешнего проявления описываемой ситуации, который проектирует иллюзорный домен, воспринимая который, читатель приходит к выводу, что его предварительные допущения оказываются ложными. В контексте повествования в высказывании *No such private nights... / Никогда не было таких частных ночей...* отрицается истинность той ситуации, которая предварительно описана рассказчиком. Те элементы, которые наполняют данную ситуацию, описываемую в терминах частных ночей, признаваемые до этого как имевшие место в действительности, отрицаются. В свою очередь, эти элементы можно квалифицировать в качестве дейктических параметров описываемого текстуального мира. Отрицательное высказывание воспроизводит подмир, в основе которого лежат иллюзорные представления полковника о повседневности.

Прагматический потенциал этого высказывания усиливается последующими отрицательными конструкциями, которые фокусируют читательское внимание на резких расхождениях между реальными и иллюзорными фактами. Рассказчик сообщает читателя, что ночью в офицерских клубах, возможно, происходили некоторые чрезвычайные события, но генералы и полковник Корн не проявляли к ним какого-либо интереса. Другими словами, отрицательные высказывания воспроизводят иллюзорную действительность, фиксируют факты, которых на самом деле не имели места быть.

Прагматическая функция отрицательных высказываний, выделенная выше, может быть описана с учетом понятия конфликта, которое широко используется при анализе текстов художественной литературы (см., например, [Жанрурина, Макаренко, 2021; Мазаева, Гиляева, Базарова, Хайруллина, 2021; Щирова, 2015]). Так, эпизод (8) можно проанализировать как объективацию конфликта между противоборствующими желаниями в сознании полковника Кэткарта. Персонаж желает, чтобы им повсеместно восхищались, что побуждает его распространять слухи о своем активном участии в «ночных бдениях». Однако это желание конфликтует с его неприятием данного вида «деятельности», а поэтому он создает иллюзию, что принимает в ней участие.

Следствием такого внутреннего конфликта персонажа становится иллюзорное состояние дел, противоречащее фактам действительного текстуального мира (ср. с мировоззренческой позицией протагониста в воображаемом антиутопическом социуме [Ковтуненко, Кудряшов, Соболева, 2023]). Читатель, в свою очередь, эксплицирует этот конфликт, что приводит его к радикальному пересмотру схем восприятия текста: рассказчик вскрывает лживое поведение офицеров эскадрона, ставит под сомнение их морально-нравственные установки.

Между полковниками и генералами наблюдается конкурирующая борьба, каждый из офицеров стремится добиться восхищения со стороны окружающих. Именно преследуя эти цели, генерал Пекем придумывает «оригинальный» узор бомбометания. Ср.:

(9) *«Colonel Scheisskopf was all ears, ‘What are bomb patterns?’ ‘Bomb patterns?’ General Peckem repeated, twinkling with self-satisfied good humor. ‘A bomb pattern is a term I dreamed up just several weeks ago. **It means nothing, but you’d be surprised at how rapidly it’s caught on.** Why, I’ve got all sorts of people convinced I think it’s important for bombs to explode close together and make a neat aerial photograph. There’s one colonel in Pianosa who’s hardly concerned any more with whether he hits the target or not»* [Heller, 2004: 412]. –

«Полковник Шейскопф был весь внимание: ‘Каковы схемы бомб?’ ‘Схемы бомб?’ – повторил генерал Пекем, лучась самодовольным добродушием. ‘Модель бомбы – это термин, который я придумал всего несколько недель назад. Это ничего не значит, но вы были бы удивлены тем, как быстро это прижилось. Да ведь у меня есть самые разные люди, убежденные, что я считаю важным, чтобы бомбы взрывались близко друг к другу и получалась аккуратная аэрофотосъемка. В Пианозе есть один полковник, которого больше не волнует, попадет он в цель или нет».

Во фрагменте (9) вскрывается одержимость высшего руководства эскадрона тем, как внешне выглядят предметы, а не их действенным функциональным назначением. В ходе боевых действий, в которые вовлечен эскадрон, такие навязчивые идеи представляют собой повышенную угрозу. Данная проблема определяется в художественном повествовании с опорой на операторы отрицания, которые содержатся в высказываниях.

Ср., например, выделенное суждение, которым генерал корректирует допущение о том, что та или иная сущность, чтобы выполнять требуемые функции, должна обладать базовыми характеристиками. Это суждение выступает средством выдвижения актуальной смысловой информации: генерал дает определение термину, которое не является информативным.

Вторая часть суждения вскрывает основания важности термина: этот термин быстро подхватывается всеми остальными персонажами. Важна не суть факта, а то, как этот факт выражается, что, в свою очередь, приобретает угрожающие последствия для общего дела. Прагматический эффект воздействия на читательские знания о воображаемом мире романа, отмеченный во фрагменте (9), усиливается в последующем фрагменте, повествующем о деревне, которую должен атаковать эскадрон:

(10) *«They’ll be bombing a tiny undefended village, reducing the whole community to rubble. I have it from Wintergreen. Wintergreen’s as ex-sergeant now, by the way – **that the mission is entirely unnecessary.** Its only purpose is to delay German reinforcements at a time **when we aren’t even planning an***

offensive. But that's the way things go when you elevate mediocre people to positions of authority.' He gestured languidly toward his gigantic map of Italy. *'Why, this tiny mountain village is so insignificant that it isn't even there'*» [Heller, 2004: 413]. – «*'Они будут бомбить крошечную незащищенную деревню, превращая все в руины. У меня это от Уинтергрина. Кстати, Уинтергрин теперь бывший сержант – в этой миссии совершенно нет необходимости. Его единственная цель – задержать немецкие подкрепления в то время, когда мы даже не планируем наступление. Но именно так обстоят дела, когда вы поднимаете посредственных людей на руководящие посты.'* Он ленивым жестом указал на свою гигантскую карту Италии. *'Да ведь эта крошечная горная деревушка настолько незначительна, что ее даже нет'*».

Во фрагменте (10) рассказчик обнаруживает, фактически, ту же коммуникативную стратегию высшего руководства эскадрона, что и во фрагменте (9): конструктивная важность сущности определяется не ее объективными характеристиками, а тем, как она субъективно описывается персонажами, тем как на основе отрицания формируется альтернативное пространство конвенционализации «незначимости», т.е. субъективно-ситуативные элементы ожидания входят в прецедентное текстовое поле. Так, рассказчик сообщает читателю, что в миссии, выполняемой эскадроном, нет необходимости (... unnecessary – морфологический способ выражения категории отрицания служит средством выдвижения актуальной информации). Отсутствие необходимости в миссии предопределяет и размеры деревни, ее отсутствие на географической карте. Вторая выделенная отрицательная конструкция, фактически, опровергает читательское допущение о том, что во время войны действия осуществляется либо в целях наступления на противника, либо для обеспечения защиты своих территорий.

Одновременно отрицается семантическое наполнение лексемы *plan* / *план*, таким образом нейтрализуется представления о реальной намеренности осуществляемых действий. Третья выделенная отрицательная конструкция

фокусирует читательское внимание на отсутствии той местности, о которой сообщается в реплике персонажа, на географической карте. Как и во фрагментах текста (3–9), в данном контексте указание на отсутствие определенной сущности воспроизводится эксплицитным образом.

Читатель приходит к логическому заключению, что цель беспричинной атаки населенного пункта, занимающего несущественное положение на театре военных действий, заключается в том, чтобы задержать подкрепление немецких войск, что, в свою очередь, квалифицируется как незначительная задача руководства эскадрона. В воображаемом мире повествования воспроизводится абсурдность повседневного бытия эскадрона, предопределяемая неспособностью к конструктивным действиям высшего руководства.

Оспаривание эффективности планирования боевых действий руководством эскадрона является сквозной темой романа. В речи рассказчика эта тема приобретает тревожную тональность, когда он сообщает читателю о том, что бомбардировка местности продолжается, даже если на ней отсутствует реальный враг. Ср. фрагмент (11), в котором сообщается о желании Йоссариана стрелять из пулемета вместо того, чтобы находиться в самолете-бомбардире:

(11) *«Actually, there was not much he could do with that powerful machine gun except load it and test-fire a few rounds. It was no more use to him than the bombsight. He could really cut loose with it against attacking German fighters, **but there were no German fighters any more...**»* [Heller, 2004: 420]. – *«На самом деле он мало что мог сделать с этим мощным пулеметом, кроме как зарядить его и произвести несколько пробных выстрелов. Пользы от него было не больше, чем от бомбового прицела. Он действительно мог бы использовать его против атакующих немецких истребителей, **но немецких истребителей больше не было...**».*

Выделенное отрицательное высказывание является механизмом корректирования читательских допущений (а именно, что реальный враг на

самом деле существует). Так, выделенная конструкция эксплицитно отрицает факт наличия немецких истребителей, что ставит под сомнение необходимость нахождения летного эскадрона, в котором служит Йоссариан, в данной местности.

Коммуникативная стратегия рассказчика, связанная с манипулированием фактами для воспроизведения вводящих читателя в заблуждение ситуаций усиливается к концу повествования, когда становится еще более очевидным произвол высшего командования эскадрона. Ср. фрагмент (12), в котором рассказчик сообщает читателю о том, как Йоссариан узнает, что *Catch-22* на самом деле не существует, является, своего рода, иллюзией, которую создают офицеры высшего ранга для оправдания своих несправедливых действий:

(12) *«Catch-22 did not exist, he was positive of that, but it made no difference. What did matter was that everyone thought it existed, and that was much worse, for there was no object or text to ridicule or refute, to accuse, criticize, attack, amend, hate, revile, spit at, rip to shreds, trample upon or burn up»* [Heller, 2004: 517]. – *«Поправки-22 не существовало, он был уверен в этом, но это не имело никакого значения. Значение имело только то, что все думали, что она существует, и это было намного хуже, потому что не было объекта или текста, который можно было бы высмеять или опровергнуть, обвинить, критиковать, атаковать, исправлять, ненавидеть, поносить, плевать, рвать в клочья, топтать или сжигать».*

В данном фрагменте категория отрицания выполняет функцию перенаправления информации в иное смысловое русло. То, что предварительно воспринималось читателем в качестве реальной сущности, оказывается полной иллюзией. Эксплицитно опровергается истинность существования Поправки-22. Выделенная отрицательная конструкция вскрывает конфликт, который пронизывает все повествование рассказчика: отсутствие того, что до этого считалось объективно существующим, не вносит каких-либо радикальных изменений в текущее положение дел.

Отсутствующая сущность не только утверждается как реально существовавшая, но и не имеющая четкого определения, каких-либо специфических онтологических характеристик.

Подобное положение дел задевается высшим руководством эскадрона как инструмент превышения власти. Отсутствующая сущность признается большинством персонажем как реальная, действительно имеющая место в повседневности. Вскрывается конфликт, который основывается на обманчивом положении дел, ведущем к ошибочному восприятию мира персонажами, которые не обладают какой-либо властью.

Офицер, наделенный властью, сознательно манипулирует фактами. Ср. эпизод, в котором капеллан сообщает Йоссариану, защитившему полковников, что он герой, а тот рассказывает, как все произошло на самом деле:

(13) «*'You know, Yossarian, we're all very proud of you'. 'Proud?' 'Yes, of course. For risking your life to stop that Nazi assassin. It was very noble thing to do.' 'What Nazi assassin?' 'The one that came here to murder Colonel Cathart and Colonel Korn. And you saved them. He might have stabbed you to death as you grappled with him on the balcony. It's a lucky thing you're alive!' Yossarian snickered sardonically when he understood. 'That was no Nazi assassin,' 'Certainly it was. Colonel Korn said it was.' 'That was Nately's girl friend. And she was after me not Colonel Cathart and Colonel Korn. She's been trying to kill me ever since I broke the news to her that Nately was dead.' 'But how could that be?' the chaplain protested in livid and resentful confusion. 'Colonel Cathart and Colonel Korn both saw him as he ran away. The official report says you stopped a Nazi assassin from killing them.' 'Don't believe the official report,' Yossarian advised dryly. 'It's part of the deal'» [Heller, 2004: 547-548]. – «*'Ты знаешь, Йоссариан, мы все очень гордимся тобой'. 'Гордитесь?' 'Да, конечно. За то, что ты рисковал своей жизнью, чтобы остановить этого нацистского убийцу. Это был очень благородный поступок'. 'Какой нацистский убийца?' 'Тот, который пришел сюда, чтобы убить полковника Катарта и**

полковника Корна. И ты спас их. Он мог бы зарезать тебя до смерти, когда ты сцепился с ним на балконе. Это счастье, что ты жив!’ Йоссариан сардонически хихикнул, когда понял. ‘Это был не нацистский убийца’, ‘Конечно, это был он. Полковник Корн сказал, что так оно и было.’ ‘Это была подружка Нейтли. И она охотилась за мной, а не за полковником Кэткартом и полковником Корном. Она пыталась убить меня с тех пор, как я сообщил ей новость о смерти Нейтли.’ ‘Но как это могло быть?’ – запротестовал капеллан в ярости и возмущенном замешательстве. ‘Полковник Кэткарт и полковник Корн оба видели его, когда он убежал. В официальном отчете говорится, что вы помешали нацистскому убийце убить их’. ‘Не верьте официальному отчету’, – сухо посоветовал Йоссариан. ‘Это часть сделки’».

Как и во фрагменте (12) в данном контексте категория отрицания выполняет функцию корректирования той информации, которую получил читатель из предшествующего развития повествования. Высшие офицеры создали ложную версию события, связанного с попыткой подружки Нейтли убить Йоссариана. Сам Йоссариан отрицает истинность утверждения капеллана, детально излагает истинную историю произошедшего. Манипулирование фактами со стороны высшего руководства создает основу для обнародования ложного положения дел, порождающего соответствующие представления об указанном событии у подавляющего большинства персонажей. В анализируемом контексте снова объективируется коммуникативная стратегия трактовки истины в ложном свете, фальсификации фактов.

Иллюзорность, притворство пронизывают все сферы жизнедеятельности эскадрона. Ср. эпизод, повествующий о том, что Йоссариан, находясь в госпитале, вынужден выдавать себя за другого солдата, который на самом деле мертв:

(14) «*‘There are some relatives here to see you. **Oh, don’t worry.**’ He added with a laugh. ‘**Not your relatives. It’s the mother, father and brother of that chap***

who died. They've traveled all the way from New York to see a dying soldier, and you're the handiest one we've got.' 'What are you talking about?' Yossarian asked suspiciously. 'I'm not dying.' 'Of course you're dying. We're all dying. Where the devil else do you think you're heading?' » [Heller, 2004: 235]. – «'Здесь несколько родственников, которые хотят тебя повидать. **О, не волнуйся**', – добавил он со смехом. – **Не твои родственники.** Это мать, отец и брат того парня, который умер. Они проделали весь путь из Нью-Йорка, чтобы увидеть умирающего солдата, и ты самый удобный из тех, кто у нас есть.' 'О чем ты говоришь?' – подозрительно спросил Йоссариан. 'Я не умираю'. 'Конечно, ты умираешь. Мы все умираем. Куда, черт возьми, еще, по-твоему, ты направляешься?'».

Выделенные диалогические высказывания собеседника отрицают допущение Йоссариана относительно того, что его родственники приехали в госпиталь, собираясь навестить его. В результате персонаж вынужден притворяться, выдавая себя за иного человека. Абсурдность ситуации, воспроизводимой рассказчиком, усиливается за счет того факта, что прибывшие родственники, кажется, не замечают явной замены, а если и видят ее, то не выражают каких-либо возражений. Как и во фрагменте (13), в контексте данного повествования для персонажей важно внешнее проявление ситуации, а не ее реальное наполнение: родственники видят умирающего солдата, которого и признают за своего сына и брата.

Категория отрицания лежит в основе конструирования сквозного символического образа романа – солдата в белом, полностью забинтованного, не способного двигаться или говорить. Дунбар, один из солдат, полагает, что внутри гипсового корпуса, покрытого бинтами, – пустота. Ср.:

(15) «**'There's no one inside!'** Dunbar yelled out ... unexpectedly. Yossarian felt his heart skip a beat and his legs grow weak. 'What are you talking about?' he shouted with dread, stunned by the haggard, sparking anguish in Dunbar's eyes and by his crazed look of wild shock and horror, 'Are you nuts or

*something? What the hell do you mean there's no one inside?' 'They've stolen him away!' Dunbar shouted back. 'He's hollow inside, like a chocolate soldier. They took him away and left those bandages there... '» [Heller, 2004: 463]. – « **‘Внутри никого нет!’** Данбар закричал ... неожиданно. Йоссариан почувствовал, как его сердце стучит, а ноги ослабли. ‘О чем ты говоришь?’ - в ужасе закричал он, ошеломленный изможденным, искрящимся страданием взглядом Данбара и его безумным выражением дикого шока и ужаса. ‘Ты что, спятил или что-то в этом роде? Что, черт возьми, ты имеешь в виду, когда внутри никого нет?’ ‘Они украли его!’ – крикнул в ответ Данбар. – ‘Он полый внутри, как шоколадный солдатик. Они забрали его и оставили там эти бинты... ’».*

Выделенное восклицательное высказывание, содержащее оператор отрицания, опровергает информацию, которая предварительно была введена рассказчиком, а именно, что под гипсовым покрытием находится солдат, получивший ранение во время боя. Это высказывание вызывает негативную эмоциональную реакцию Йоссариана, что, возможно, свидетельствует о том, что суждение Данбара отражает истинное положение дел.

Отрицательные высказывания, употребляемые в контексте фрагментов (8)–(15), формируют единую универсальную когнитивную схему, которая пронизывает весь текст анализируемого романа. Данную схему можно суммировать следующим образом: в воображаемом универсуме повествования отсутствие (иллюзорное проявление сущности) наделяется функцией наличия (объективно проявляемой сущности). Между разрозненным опытом восприятия окружающей действительности персонажами и рассказчиком читатель прослеживает определенное сходство: каждая из ситуаций, воспроизводимых посредством отрицательных высказываний, моделируется по одной и той же когнитивной схеме, что дает возможность подвести эти ситуации под единый смысловой знаменатель. Компоненты этой схемы суммируются в Таблице 4.

Таблица 4. Когнитивная схема ситуаций, воспроизводимых отрицательными высказываниями во фрагментах (23–30)

Ситуации, которые воспроизводятся с опорой на категорию отрицания	Цель, преследуемая персонажами	Условия реализации цели	Тип ситуации
ночные бодрствования фермерский дом полковника Корна (8); планирование схем бомб (9); бомбардировка незначительной итальянской деревни (10); атака немецких истребителей (11); существование Поправки-22 (12); появление нацистский убийца (13); визит к солдату в белом (14); состояние умирающего солдата (15)	↑ обман, самообман, манипулирование фактами, превышение власти ↓	↑ иллюзорное проявление сути оказывается более важным, чем реальное состояние дел ↓	↑ деятельность высшего руководства и офицеров среднего звена; активные боевые действия; деятельность врачей в госпитале ↓

В Таблице 4. перечисляются эпизоды, которые являются взаимосвязанными с точки зрения эксплицируемого смыслового содержания. В основе этих эпизодов лежит единая цель, вскрывающая негативные намерения тех или иных персонажей, связанные с созданием ситуации обмана. В ходе достижения этой цели наблюдается злоупотребление властью с опорой на манипуляции и поддержание иллюзорного видения типизированных ситуаций.

В рамках подмиров, конструируемых отрицательными высказываниями, которые видоизменяют параметры текстуального мира, также осуществляется опровержение тех или иных фактов, информации об истинном положении дел, намеренно трактуемом как ложное. Ср. эпизод (16), в котором Йоссариан, получивший ранение в бою, просит одного из солдат помочь ему, но тот не может это сделать:

(16) «*I'm hit, Aarfy! Help me!*» Aarty grinned again and shrugged amiably, ***I can't hear you,*** he said. *'Can you see me?'* Yossarian cried incredulously and he pointed to the deepening pool of blood he felt splashing down all around him and spreading out underneath. *'I'm wounded! Help me, for God's sake! Aarfy, help me!'* ***I still can't hear you.*** Aarfy complained tolerantly, cupping his podgy hand behind the blanched corolla of his ear. *'What did you say?'* » [Heller, 2004: 368]. – «*Я ранен, Аарфи! Помогите мне!*» Арти снова ухмыльнулся и дружески пожал плечами: ***Я тебя не слышу***, – сказал он. *Ты меня видишь?* – недоверчиво воскликнул Йоссариан и указал на увеличивающуюся лужу крови, которая, как он чувствовал, разливалась вокруг него и растекалась под ним. *Я ранен! Помогите мне, ради Бога! Аарфи, помоги мне!* ***Я все еще тебя не слышу***, – терпеливо пожаловался Аарфи, заложив пухлую руку за побледневший венчик уха. *Что ты сказал?* ».

Аарфи не способен воспринять призыв о помощи Йоссариана ни зрительно, ни сенсорно. Возможно, намеренно персонаж не реагирует на внешние факты, отрицая способность воспринимать их аудиовизуальным образом. Ситуация взаимодействия двух персонажей приобретает абсурдный

характер, поскольку для читателя очевидно, что Аарфи видит состояние Йоссариана, даже если не слышит то, что он ему говорит. С опорой на выделенные высказывания первый персонаж отрицает очевидный факт, делает попытку отмежеваться от реальности.

К концу повествования частотность реакций персонажей, связанных с отрицанием очевидных, осязаемых (т.е. истинных) ситуаций, усиливается. Ср. фрагмент (17), в котором капеллана обвиняют в том, что он подделал свой собственный почерк:

(17) «*'This isn't your handwriting.'* The chaplain blonked rapidly with amazement. *'But of course it's my handwriting.'* ***'No, it isn't, Chaplain. You're lying again.'*** *'But I just wrote it.'* The chaplain cried in exasperation. *'You saw me write it.'* *'That's just it,' the major answered bitterly. 'I saw you write it. You can't deny that you did write it. A person who'll lie about his own handwriting will lie about anything'»* [Heller, 2004: 484-485]. – «***'Это не ваш почерк'.*** Капеллан быстро заморгал от изумления. *'Но, конечно, это мой почерк'.* ***'Нет, это не так, капеллан. Вы снова лжете.'*** *'Но я только что написал это', – раздраженно воскликнул капеллан. 'Вы видели, как я это писал'. 'В том-то и дело', – с горечью ответил майор. – 'Я видел, как вы это писали. Вы не можете отрицать, что действительно написали это. Человек, который будет лгать о своем собственном почерке, будет лгать о чем угодно'».*

Старший по званию офицер отрицает объективный факт, который является очевидным как для обвиняемого персонажа, так и читателя. Абсурдность суждений офицера, содержащих оператор отрицания, доводится до крайности, поскольку тот факт, что капеллан только что наглядно сделал запись, квалифицируется как изоощренная ложь. Объяснение данной ситуации читатель находит в последующем изложении, из которого узнает, что Йоссариан и Майор Майор подделывали документы, подписывая их именем капеллана и Вашингтона Ирвинга (американского писателя XIX в. периода романтизма). В контексте эпизода (17) рассказчик фокусирует читательское внимание на том, что высшее руководство эскадрона с легкостью признают

факт лжи капеллана, но никогда не поверят, что кто-то из их подчиненных подделывает подписи.

В прагматическом плане абсурдное отрицательное суждение *This isn't your handwriting* / *Это не ваш почерк* характеризуется неоднозначностью, поскольку референциальное значение притяжательного местоимения *your* / *ваш* является размытым. Офицер, представляющий власть эскадрона, верит, что капеллан – это на самом деле Вашингтон Ирвин, а поэтому полагает, что его почерк будет таким же, как и в старой документации, подписанной именем известного американского писателя-романтика. Также можно предполагать, что этот офицер принимает персонажа именно за капеллана, ожидая опять-таки, что у капеллана будет такой же почерк, как и в других документах, которые были подделаны.

В тексте романа “Catch-22” особую категорию формируют отрицательные высказывания, вводимые модальными предикатами. Эти высказывания также служат механизмом перенаправления актуальной информации в иное смысловое русло. В контексте реализации данных высказываний имеет место отрицание таких параметров воспроизведения текстуального мира, как:

- эпистемические домены (*not + possible, certain, perhaps* / *возможно*;
- гипотетические домены (*if ... not* / *если ... не, had ... not* / *бы ... не*);
- когнитивные домены (*not + know, hope, seem, believe, realize* / *не + знать, надеяться, казаться, верить, осознавать*).

Ср. фрагмент (18), в котором отрицается эпистемический домен, вводимый модальным глаголом *will*, который передает уверенность говорящего субъекта в то, что действие произойдет в будущем. В этом фрагменте описывается момент объявления о том, что парад эскадрона откладывается:

(18) «*What's so different about this Sunday. I want to know?*’ *Hungry Joe was demanding vociferously of Chief White Halfoat. ‘Why won't we have a parade this Sunday when we don't have a parade every Sunday? Huh?’ Yossarian worked*

his way through to the front and let out a long, agonized groan when he read the terse announcement there: **Due to circumstances beyond my control, there will be no big parade this Sunday afternoon. Colonel Scheisskopf**» [Heller, 2004: 404]. – «‘Что такого особенного в этом воскресении? Я хочу знать?’ – Голодный Джо громогласно требовал у шефа Белого Халфкоута. ‘Почему у нас не будет парада в это воскресенье, если мы не проводим парад каждое воскресенье? А?’ Йоссариан пробился вперед и издал долгий, мучительный стон, когда прочитал краткое объявление: **“По независящим от меня обстоятельствам большого парада в это воскресенье днем не будет”**. Полковник Шейскопф».

В выделенном высказывании оператор отрицания *not / не* сочетается с модальным глаголом *will / будет*, что порождает во фрагменте подмир, который приобретает иллюзорные характеристики, которые противоречат объективному факту. Форма *won't / не будет* предполагает, что действие, обозначаемое последующим предикатом, произошло до этого и не будет иметь место в будущем.

Именно в таком формате Йоссариан воспринимает объявление полковника, однако, не понимая его прагматического содержания, согласно которому деятельность, не имевшая место до этого, репрезентируется так, как будто она на самом деле происходила. Другими словами, отрицательная форма *won't / не будет* используется в функции утверждения, что составляет сознательную коммуникативную стратегию офицеров высшего ранга гарнизона.

Отрицательные высказывания проектируют также гипотетические домены, в рамках которых грамматические формы условного наклонения воспроизводят ситуации, противоречащие реальному положению дел. Ср.:

(19) «‘I really can't believe it,’ Clevinger exclaimed to Yossarian in a voice rising and falling in protest and wonder. ‘It's a complete reversion to primitive superstition. They're confusing cause and effect. It makes as much sense as knocking on wood or crossing your fingers. They really believe that we wouldn't

have to fly that mission tomorrow if someone would only tiptoe up to the map in the middle of the night and move the bomb line over Bologna. Can you imagine? You and I must be the only rational ones left.' In the middle of the night, Yossarian knocked on wood, crossed his fingers, and tiptoed out of his tent to move the bomb line up over Bologna» [Heller, 2004: 157]. – «'Я действительно не могу в это поверить', – крикнул Клевинджер Йоссариану голосом, то повышающимся, то понижающимся в знак протеста и удивления. 'Это полный возврат к примитивным суевериям. Они путают причину и следствие. В этом столько же смысла, сколько в том, чтобы постучать по дереву или скрестить пальцы. Они действительно верят, что нам не пришлось бы выполнять эту миссию завтра, если бы кто-нибудь только на цыпочках подошел к карте посреди ночи и перенес линию бомбометания над Болоньей. Можете себе представить? Ты и я, должно быть, единственные разумные люди, которые остались'. Посреди ночи Йоссариан постучал по дереву, скрестил пальцы и на цыпочках вышел из своей палатки, чтобы передвинуть линию бомбометания над Болоньей».

Во фрагменте проектируется гипотетический домен (*...if someone would only tiptoe up to the map in the middle of the night and move the bomb line over Bologna / если бы кто-нибудь только на цыпочках подошел к карте посреди ночи и перенес линию бомбометания над Болоньей*) и его алогичное следствие (*we wouldn't have to fly that mission tomorrow / нам не пришлось бы выполнять эту миссию завтра*). Как отмечает Клевинджер, отношения между причиной и следствием не поддаются рациональному объяснению, поскольку отражают абсурдную стыковку двух событий. Солдаты, однако, признают истинность данную взаимосвязь: если на карте активных боевых действий передвинуть линию бомбардировки территории, город будет освобожден от неприятеля, а поэтому в вылете самолетов-бомбардировщиков не будет необходимости.

В этом фрагменте категория отрицания лежит в основе порождения домена, который не базируется на объективной взаимосвязи двух событий. В

свою очередь, данный домен является следствием посылки, которая не отражает действенное положение дел в реальном мире, однако, оказывается конструктивной в воображаемом текстуальном мире.

Как и во фрагменте (18) в рассматриваемом контексте обнаруживается конфликт между мнимым доменом, порождаемым в рамках карты активных боевых действий, и реальностью, воспроизводимой в воображаемом мире повествования. Рассказчик озвучивает абсурдный факт: Йоссариан передвигает линию бомбардировки территории на карте и тем самым вселяет во всех веру в то, что город освобожден. Эта ситуация может быть квалифицирована в терминах отрицательного детерминизма: событие, которое представляется как невозможное (невозможно освободить город посредством механического передвижения линии бомбардировки на карте военных действий), концептуализуется как реальное, объективно вероятное (город освобожден от неприятеля).

Другими словами, анализируемое положение дел намеренно воспринимается персонажами как процесс, в формате которого «то, что не может произойти» становится «тем, что происходит». По сравнению с примерами (3 – 17) ситуация, фиксируемая во фрагменте (19), отражает иное видение взаимоотношений между вероятными и реальными фактами. Это видение воспроизводится с опорой не только на отрицательные высказывания, но и другие языковые структуры, выражающие семантику возможности и следствия. По всей вероятности, Йоссарион верит в истинность алогичных причинно-следственных отношений, а поэтому изменяет положение линии бомбардировки территории на карте текущих военных действий.

Тот факт, что Йоссариан активно вмешивается в преобразование взаимосвязи событий, является в фокусе внимания читателя при восприятии фрагмента (20). Рассказчик неожиданно осознает, что абсурдные действия, осуществляемые персонажем, имеют драматические последствия. Ср.:

(20) «*In a way it was all Yossarian's fault, for if he had not moved the bomb line during the Big Siege of Bologna, Major-de Coverley might still be around to save him, and if he had not stocked the enlisted men's apartment with girls who had no other place to live, Natally might never have fallen in love with his whore...*» [Heller, 2004: 364]. – «В некотором смысле это была вина Йоссариана, потому что, если бы он не передвинул линию бомбардировки во время Большой осады Болоньи, майор де Коверли все еще мог бы быть рядом, чтобы спасти его, и если бы он не заполнил квартиру рядовых девушками, которым больше нигде было жить, Нэйтли мог бы никогда не влюбиться в свою шлюху...».

В контексте данного эпизода реализуется две гипотетические ситуации, воспроизводимые посредством отрицательных высказываний:

1. *if he had not moved the bomb line during the Big Siege of Bologna* / если бы он не передвинул линию бомбардировки во время Большой осады Болоньи;
2. *if he had not stocked the enlisted men's apartment with girls...* / если бы он не заполнил квартиру рядовых девушками...

Следствием этих ситуаций предстает тот факт, что Нэйтли влюбляется в женщину легкого поведения.

В основе указанных выше высказываний лежат пропозиции, которые противоречат истинному положению дел (Йоссариан действительно передвинул линию бомбардировки территорий на карте военных действий, майор де Коверли на самом деле укомплектовал солдатское жилище девушками). Главное следствие этих ситуаций не приводится в анализируемом фрагменте, однако, позже читатель узнает, что Нейтли не возвращается на родину, а решает остаться в Италии и погибает во время боевых действий.

Гипотетические подмиры, воспроизводимые отрицательными высказываниями, проектируют иллюзорные домены, описывающие невозможные или маловероятные состояния дел, которые приводят к алогичным последствиям. Однако в текстуальном мире повествования

персонажи воспринимают эти последствия в качестве объективных и действенных, что, в свою очередь, приводит к порождению мнимых воображаемых миров, которые предопределяют последующую трагическую событийность.

В тексте романа обнаруживается несколько эпизодов, в которых выявляется неспособность тех или иных персонажей в определенной степени осознавать то, что происходит с ними или вокруг них, хотя, по сути дела, они обладают достаточными знаниями для этого. Так, о Майоре Майоре рассказчик сообщает:

(21) *«He had been made squadron commander but had no idea what he was supposed to do as squadron commander unless all he was supposed to do was forge Washington Irving's name to official documents and listen to the isolated clinks and thumps of Major-de Coverley's horseshoes falling to the ground outside the window of his small office in the rear of the orderly-room tent»* [Heller, 2004: 120]. – «Он был назначен командиром эскадрильи, но понятия не имел, что он должен был делать в качестве командира эскадрильи, если только все, что он должен был делать, это подделывать имя Вашингтона Ирвинга в официальных документах и слушать отдельные звоны и глухие удары подков майора де Коверли, падающих на землю за окном его маленькой квартиры-кабинете в задней части палатки для санитаров».

Майор Майор не имеет ни малейшего понятия о том, что значит быть командиром эскадрона. Персонаж обеспокоен своим статусом по отношению к майору де Коверли, которого все уважают, но не осведомлены о его действительном ранге.

В тексте романа “Catch-22” отсутствие профессиональных знаний о своей непосредственной деятельности – характерная черта врачебного персонала госпиталя. Ср.:

(22) *«'It's not my business to save lives,' Doc Daneeka retorted sullenly. 'What is your business?' 'I don't know what my business is...'»* [Heller, 2004:

241]. – «*‘Это не мое дело – спасти жизни’, – угрюмо возразил доктор Даника. ‘Чем вы занимаетесь?’ ‘Я не знаю, в чем заключается мое дело...’*».

Персонаж констатирует, что он не знает, в чем конкретно заключается его деятельность.

Наибольшие затруднения в осознании того, что происходит в текущей повседневности, испытывает капеллан, не способный отличать реальность от иллюзии. Время от времени персонаж выражает сомнения относительно своих представлений об окружающей действительности. Ср.:

(23) *«Perhaps he really was Washington Irving, and perhaps he really had been signing Washington Irving’s name to those letters he knew nothing about. Such lapses of memory were not uncommon in medical annals, he knew. **There was no way of really knowing anything**»* [Heller, 2004: 340]. – «Возможно, он действительно был Вашингтоном Ирвином, и, возможно, он действительно подписывал именем Вашингтона Ирвина те письма, о которых он ничего не знал. Он знал, что такие провалы в памяти не были редкостью в медицинских анналах. **Не было никакого способа по-настоящему что-либо узнать**».

Выделенное отрицательное высказывание передает сомнения персонажа о том, что является реальным и мнимым. Растерянность и смущение капеллана отражают общее предубеждение относительно следствий и результатов событий, характерное для большинства персонажей романа “Catch-22”. Персонажи, как и читатель, сталкиваются с затруднением предугадать, какие ситуации будут иметь в предстоящем будущем.

Логика развития событийности в романе “Catch-22” подчиняется индивидуальным правилам и закономерностям. Очевидно, что капеллан всецело поддался общему предубеждению и не способен установить свою собственную идентичность. В типично шизофренической манере он говорит о возможности быть Вашингтоном Ирвином. Давление со стороны внешних конвенций становится обременительным для капеллана, который начинает верить в ложные допущения, выражаемые другими персонажами о нем.

Предубеждения оказывают деструктивное воздействие не только на признание персонажем своей идентичности, но и его способность дифференцировать иллюзорность от реальности, добро от зла:

(24) *«So many monstrous events were occurring that he was no longer positive which events were and which were really taking place...»* [Heller, 2004: 355]. – *«Происходило так много чудовищных событий, что он больше не был уверен, какие события были, а какие происходили на самом деле...»*.

Данные наблюдения тесно взаимосвязаны с феноменом *déjà vu*: неожиданность становится общепринятым правилом восприятия окружающего мира. В лингвистических терминах этот феномен может быть определен как процесс, в рамках которого события и ситуации, маркированные посредством отрицательных высказываний, становятся для персонажей основой экзистенциального выбора.

В некоторых контекстах подмиры, конструируемые отрицательными высказываниями, внедряются в иные подмиры, что порождает в тексте специфические прагматические эффекты. Во фрагменте (25) иллюстрируется интеграция анализируемых нами подмиров в подмиры с темпоральным значением (офицеры высшего ранга допрашивают Клевинджера о действиях, которые он не совершал):

(25) *«'When didn't you say we couldn't punish you? Don't you understand my question?' 'No, sir. I don't understand.' 'You've just told us that. Now suppose you answer my question.' 'But how can I answer it?' 'That's another question you're asking me.' 'I'm sorry, sir. But I don't know how to answer it. I never said you couldn't punish me.' 'Now you're telling us when you did say it. I'm asking you to tell us when you didn't say it.' Clevinger took a deep breath. 'I always didn't say you couldn't punish me, sir' »* [Heller, 2004: 102]. – *«Когда ты не говорил, что мы не можем тебя наказать? Вы что, не понимаете моего вопроса?» 'Нет, сэр. Я не понимаю.' 'Вы только что сказали нам это. Теперь предположим, что вы ответите на мой вопрос.' 'Но как я могу ответить на это?' 'Это еще один вопрос, который вы мне задаете'.*

‘Извините, сэр. Но я не знаю, как на это ответить. Я никогда не говорил, что ты не можешь наказать меня’. ‘Теперь ты рассказываешь нам, когда ты это сказал. Я прошу вас сказать нам, когда вы этого не говорили. – Клевинджер глубоко вздохнул. ‘Я всегда не говорил, что вы не можете наказать меня, сэр’».

Офицер задает Клевинджеру абсурдный вопрос, на который невозможно дать рационально обоснованный ответ: *When didn't you say we couldn't punish you? / Когда ты не говорил, что мы не можем тебя наказать?* Естественно, что допрашиваемый солдат не понимает сути этого вопроса. Трудности его понимания обуславливаются несколькими причинами. Специальные вопросы, вводимые словом *when / когда*, в качестве реакции предполагают уточнение информации относительно определенного момента или периода, в течение которого действие совершается. В свою очередь, категория отрицания не предполагает уточнения конкретного периода времени. Данная семантика выражается иными языковыми средствами.

Анализируемая вопросительная конструкция, содержащая оператор отрицания, не может логически стимулировать к конкретному ответу, поскольку потенциально выражают запрос о возможности наличия действия в определенный момент времени, а не его тотального отсутствия. Подобная конструкция выдвигает отрицаемое событие в сильную смысловую позицию (в качестве такого события выступает допрос солдата офицером высшего ранга), что фокусирует читательское внимание на абсурдности происходящего.

В тексте романа “Catch-22” анализируемая категория также активизируется для отрицания общепринятых допущений читателя о закономерностях мироустройства. В ходе восприятия подобных контекстов повествования читатель призван преобразовать схемы своих знаний об объективной действительности, адаптировать их к закономерностям

функционирования воображаемого мира, который воспроизводится в тексте романа. Ср.:

(26) «His specialty was alfalfa, and he made a good thing out of **not growing any**. The government paid him well for every bushel of alfalfa and **he did not grow**. The more alfalfa **he did not grow**, the more money the government gave him, and he spent every penny **he didn't earn** on new land to increase the amount of alfalfa **he did not produce**. Major Major's father worked without rest at **not growing alfalfa**. On long winter evenings he remained indoors and **did not mend harness**, and he sprang out of bed at the crack of noon every day just to make certain that **the chores would not be done**. He invested in land wisely and soon **was not growing more alfalfa** than any other man in the country» [Heller, 2004: 111]. – «Его специальностью была люцерна, и он хорошо сделал, что **не стал ее выращивать**. Правительство хорошо платило ему за каждый бушель люцерны, который **он не выращивал**. Чем больше люцерны **он не выращивал**, тем больше денег давало ему правительство, и он тратил каждый пенни, **который не заработал**, на новые земли, чтобы увеличить количество люцерны, **которую он не производил**. Отец Майора Майора работал без отдыха, **чтобы не выращивать люцерну**. Долгими зимними вечерами он оставался дома и **не чинил сбрую**, а каждый день вскакивал с постели ни свет ни заря, просто чтобы убедиться, что работа по дому **не будет выполнена**. Он разумно инвестировал в землю и вскоре **выращивал люцерны не больше, чем любой другой в стране**».

Отрицательные высказывания, выделенные во фрагменте (26), фокусируют читательское внимание на отсутствии действий Майора Майора, связанных с выращиванием люцерны и сопряженной с этим деятельностью других персонажей. Последовательность этих высказываний порождает специфический текстуальный подмир, описывающий домен с мнимой событийностью: схемы читательских знаний о том, как человек зарабатывает деньги как результат некоторой деятельности, замещаются представлениями о возможности ничего не делать, чтобы получать стабильный доход. В свою

очередь, данные представления опровергают общепринятые допущения о бытийных закономерностях человека в мире. Эти допущения не могут быть применены к интерпретации воображаемого мира, воспроизводимого в анализируемом эпизоде. Принимая во внимание концептуальную теорию зависимостей Р. Шенка [Шенк, 1980], можно говорить о том, что текстовой фрагмент (26) основывается на определенном «пакете организации знаний», в котором не соблюдаются такие параметры, как «прототип» и «ожидания». Данное положение детализуется в Таблице 5.

Теоретически прототип включает только ядерные компоненты. Периферийные или ситуативные быть реализованы прототипической моделью, а аспектуализируются в слотах, Т.е. необходимо показать скриптовую (глубинную) структуру прототипической ситуации и сценарную (динамическую) природу ожидания (более подробно см. [Демьянков, 1994]).

Таблица 5. Фрейм читательских знаний, преобразуемый при восприятии фрагмента (26)

Пакет организации знаний «зарабатывать на жизнь»
<u>Прототип</u> : человек зарабатывает на жизнь, осуществляя определенную деятельность
<u>Ожидания</u> : чтобы зарабатывать на жизнь производством люцерны, необходимо ее выращивать и продавать

Категория отрицания опровергает читательские ожидания и допущения, которые ассоциируются с утвердительными пропозициями. Фактически, читатель устанавливает параллель между ожидаемыми высказываниями и их опровергнутой версией, воспроизводимой отрицательными высказываниями. Специфика данного когнитивного процесса суммируется в Таблице 6.

Таблица 6. Реально-ирреальные корреляты прогностики и обманутых читательских ожиданий во фрагменте (26)

Прогнозируемая читателем информация, выражаемая в форме утвердительных высказываний	Обманутые читательские ожидания, проецируемые отрицательными высказываниями
<i>... he made a good thing out of growing a lot of it / он хорошо сделал, что стал ее выращивать в больших количествах.</i>	<i>... he made a good thing out of not growing any / ... он хорошо сделал, что не стал ее выращивать.</i>
<i>... for every bushel of alfalfa he grew / за каждый бушель люцерны, который он выращивал.</i>	<i>... for every bushel of alfalfa he did not grow / ... за каждый бушель люцерны, который он не выращивал.</i>
<i>... the more alfalfa he grew... /... чем больше люцерны он выращивал.</i>	<i>The more alfalfa he did not grow, the more money the government gave him / Чем больше люцерны он не выращивал, тем больше денег правительство давало ему.</i>
<i>... and he spent every penny he earned ... / ... и он тратил каждый пенни, который зарабатывал...</i>	<i>... and he spent every penny he didn't earn on new land... / ... и он тратил каждый пенни, который не зарабатывал на приобретение новой земли...</i>
<i>... to increase the amount of alfalfa he produced... / ... чтобы увеличить объем люцерны, которую он производил...</i>	<i>... to increase the amount of alfalfa he did not produce ... / ... чтобы увеличить объем люцерны, которую он не производил...</i>
<i>Major Major's father worked without rest at growing alfalfa / Отец Майора Майора работал без отдыха, чтобы выращивать люцерну.</i>	<i>Major Major's father worked without rest at not growing alfalfa / Отец Майора Майора работал без отдыха, чтобы не выращивать люцерну.</i>

Последовательность отрицательных конструкций формирует контраст с теми утвердительными высказываниями, которые ожидаются читателем в ходе восприятия фрагмента (26). Читатель интерпретирует отрицательные

высказывания, активируя в памяти соответствующие утвердительные высказывания, которые с учетом общепринятых представлений об окружающем мире более уместны в анализируемом контексте.

При первом приближении фрагмент (26) не содержит информации, релевантной для читательской интерпретации эпизода, поскольку воспроизводит пространные описания тех действий, которые персонаж не совершал. Однако высказывания, содержащие отрицание, имплицитно несут глубинный авторский смысл. Их смысловая значимость может быть объяснена с опорой на понятие схематических структур высокого порядка, предложенной Р. Шенком [Шенк, 1980: 76].

Эти структуры организуют и обеспечивают взаимосвязи между схемами, которые принадлежат различным доменам знаний. На высшем уровне одна структура активирует в памяти адресата другую структуру (одна схема напоминает о другой схеме). Фрагмент (26) квалифицируется читателем как существенный в смысловом плане, поскольку он воспринимается на фоне сходных характеристик, присущих стандартным практикам экономической политики в мире. В частности, в целях предотвращения резкого падения цен на сельскохозяйственную продукцию правительства европейских стран и США часто доплачивают производителям за снижение урожая.

На уровне структур высшего порядка в анализируемом эпизоде устанавливается взаимосвязь между следующими фактами:

- 1) отец Майора Майора занимается выращиванием люцерны (фрагмент авторского воображаемого мира);
- 2) производители намеренно снижают объем сельскохозяйственной продукции с целью получения субсидий от государства (фрагмент объективной картины мира).

Принимая во внимание явную и скрытую ситуации, которые связаны с отсутствием процесса выращивания люцерны и намеренным снижением объема производства сельскохозяйственной продукции, устанавливая

аналогию между целью, условиями и характером описываемой ситуации, читатель эксплицирует из анализируемого фрагмента глубинные авторские смыслы. Эти смыслы не только отражают абсурдность положения дел, о котором повествует рассказчик, но и стимулируют читателя к оспариванию действенности политики в сфере сельского хозяйства в странах Запада.

Специфика указанной взаимосвязи уточняется в Таблице 7.

Таблица 7. Когнитивная схема ситуаций, воспроизводимых отрицательными высказываниями во фрагменте (26)

Ситуации, которые воспроизводятся с опорой на категорию отрицания	Персонажная иллокуция	Иллокутивная каузация	Ситуативная пресуппозиция
мнимое выращивание люцерны (снижение объема сельскохозяйственной продукции)	получение прибыли	требуется отсутствие действий	сельскохозяйственная политика в западных странах

Ср. также фрагмент (27), в котором читательское внимание фокусируется на явном отсутствии интереса Йоссариана к возможности получить на параде вымпел в качестве приза:

(27) «*To Yossarian, the idea of pennants was absurd. **No money** went with them, **no class privileges**. Like Olympic medals and tennis trophies, all they signified was that the owner had done something of **no benefit to anyone** more capably than anyone else*» [Heller, 2004: 96]. – «Для Йоссариана идея вымпелов была абсурдной. Они **не предполагали** каких-либо денежных выплат, **не обеспечивали** классовых привилегий. Подобно олимпийским медалям и теннисным трофеям, все, что они означали, – это то, что их владелец сделал что-то, **не приносящее никому пользы**, более умело, чем кто-либо другой».

Подмир, описываемый выделенными операторами отрицания, отражает отсутствие возможности для офицера получить какую-либо выгоду от врученного на параде вымпела. В рассматриваемом контексте категория отрицания, фактически, опровергает читательское допущение о том, что обладатель приза вознаграждается определенными преимуществами: по крайней мере, упрочивается его статус в обществе, он пользуется всеобщей славой. Йоссариан отвергает эту систему ценностей, при этом подразумевая, что денежные выплаты для него являются более важным фактором, чем социальный престиж.

В терминах модели Р. Шенка во фрагменте (27) наблюдается конфликт между двумя целями, преследуемыми субъектами при получении приза: приобретение социально значимого статуса (фрагмент объективной картины мира) и денежная выгода (фрагмент воображаемого мира, воспроизводимый в рассматриваемом эпизоде). При этом персонаж отдает приоритет второй цели, что, в свою очередь, предопределяет негативную оценку первой цели.

Преобразование читательских фреймовых знаний задействуется в тексте романа “Catch-22” как механизм освещения проблематики объективного мира, связанной со сферами экономики и армейских будней. Эти преобразования являются следствием проектирования подмиров отрицания, которые воспроизводят домены, не оправдывающие читательские ожидания относительно функционирования повседневной реальности.

2.2. Противоречие и парадокс

как отрицательные подмиры авторского воображаемого мира

В контексте романа “Catch-22” системно выявляются противоречия, опровергающие действенность информации, предварительно озвученной рассказчиком, направляющие эту информацию в иное смысловое русло. В тексте воспроизводится противоречие, которое, отражает, как правило, концептуальный домен размышлений персонажа. В этом случае читатель

сталкивается не с логическим, а дискурсивным отрицанием: опровергается содержание пропозиции, которая предварительно признавалась читателем как истинная. Другими словами, художественное повествование выявляет непоследовательность, которая разъясняется рассказчиком или имплицуется контекстом употребления отрицательного высказывания.

Ср. фрагмент (28), в котором Майор Майор делает попытку объяснить Йоссариану факт увеличения количества боевых вылетов:

(28) «*What could you possibly say to him? Major Major wondered forlornly. One thing he could not say was that there was nothing he could do. To say there was nothing he could do would suggest he would do something if he could and imply the existence of an error of injustice in Colonel Korn's policy. Colonel Korn had been most explicit about that. He must never say there was nothing he could do. 'I'm sorry,' he said. 'But there's nothing I can do' »* [Heller, 2004: 136]. – «Что вы могли бы ему сказать? – уныло поинтересовался Майор Майор. Единственное, чего он не мог сказать, так это то, что он ничего не мог сделать. Сказать, что он ничего не мог сделать, означало бы предположить, что он сделал бы что-нибудь, если бы мог, и подразумевать существование ошибки несправедливости в политике полковника Корна. Полковник Корн был предельно откровенен по этому поводу. Он никогда не должен говорить, что он ничего не мог сделать. 'Мне жаль', – сказал он. 'Но я ничего не могу сделать'».

Идеи, высказываемые персонажем Йоссариану, противоречат его мыслям: Майор Майор переформулирует выводы, к которым он пришел в результате предварительных размышлений. При этом персонаж осознает, что в определенных контекстах отрицательные высказывания предполагают соответствующие утвердительные конструкции (ср. *To say there was nothing he could do would suggest he would do something if he could...* / Сказать, что он ничего не мог сделать, означало бы предположить, что он сделал бы что-нибудь, если бы мог...).

Аналогичное положение дел наблюдается во фрагменте (29), в котором Мило, офицер, заведующий столовой, ищет способ избавиться от купленного урожая хлопка, а Йоссариан предлагает ему обратиться за помощью к правительству:

(29) «*‘It’s a matter of principle,’ he explained firmly. ‘The government has no business, and I would be the last person in the world to ever try to involve the government in a business of mine. But the business of government is business,’ he remembered alertly...*» [Heller, 2004: 338]. – «*‘Это вопрос принципа’, – твердо объяснил он. ‘У правительства нет никакого бизнеса, и я был бы последним человеком в мире, который когда-либо попытался бы вовлечь правительство в свой бизнес. Но бизнес правительства есть бизнес’, – живо вспомнил он...*».

Выдвигая аргументы в пользу своего суждения, Мило сначала признает, что правительство не занимается бизнесом, а затем выражает противоположное мнение, полагая, что бизнес правительства есть бизнес. По сравнению с фрагментом (28), в этом контексте оба суждения (содержащее оператор отрицания и утвердительное) являются релевантными сущностями. Выдвигая суждение с отрицанием, персонаж выражает точку зрения, согласно которой правительство не должно принимать участие в решении проблем, связанных с бизнесом. Во втором (утвердительном) суждении подчеркивается, что правительство должно вмешиваться в сферу бизнеса для того, чтобы решать такие проблемы, с которыми столкнулся сам Мило.

Таким образом, в тексте романа “Catch-22” противоречие приобретает дискурсивную функцию преобразования семантического содержания предварительно выдвинутой пропозиции (изменения утверждения на отрицание), что, в конечном итоге, приводит к непредвиденному изменению направления информации, релевантной для интерпретации целостного текста. Противоречие может функционировать как парадокс, т.е. отрицательное высказывание может отражать не абсурдное, а положение дел, действенное в воображаемом авторском мире.

Феномен парадокса прослеживается в тексте романа прежде всего в функционировании категории времени. Обсуждение категории темпоральности в контексте художественного текста касается темы хронологии и порядка, в котором разворачивается целостное повествование. Большинство текстов опирается на хронологическую модель, в которой сюжет реализуется в последовательном порядке. Этот порядок может быть нарушен при активации повествовательных «флэшбеков», что является яркой характеристикой романа Дж. Хеллера «Catch-22».

Повествование перемещается между различными моментами сюжетного времени, оставаясь при этом укорененным в настоящем времени, сохраняя неизменным последовательный порядок событий. Воспоминание о некоторой ситуации в прошлом помещают персонажей, объекты и локации в разные контексты, как прошлые, так и настоящие, что стимулирует читателя следить за тем, какой контекст относится к повествовательному прошлому, а какой – к повествовательному настоящему моменту.

В процессе восприятия парадоксальной темпоральной структуры – перемещения повествования между несколькими временными рамками – читатель углубляет понимание образов персонажей и воспроизводимых ситуаций. Подобные «флэшбеки» задействуются авторами для создания контекста и напряженности повествования. В многопоточном формате ситуации не развиваются в хронологическом порядке, поэтому вовлеченность читателя в повествование исходит от персонажа, а не от сюжета, от интенсивности отдельной ситуации, а не от организации последовательной событийности.

Поскольку в многопоточных нелинейных повествованиях нет единого персонажа, использование сюжета приглушено, и он функционирует как фон. По мере того, как художественное повествование перемещается во времени, читатели ориентируются, основываясь на том, где находятся персонажи по отношению к сюжету. В каждой ситуации, описываемой рассказчиком, обнаруживается свой главный герой и мини-сюжет, что делает

представленную информацию более увлекательной для читателя. Однако слишком частые переходы между временными периодами могут сбить с толку читателя, если он не сможет легко ориентироваться в каждом временном периоде.

Парадоксальная хронологическая структура романа “Catch-22” устанавливается с самого начала повествования: по воли рассказчика уже на протяжении первых страниц читатель вынужден хаотически перемещаться в многопоточной нелинейной событийности, охватывающей период в несколько месяцев. Воспринимая беспрестанные переключения повествования к прошлым событиям, читатель знакомится с рядом персонажей, некоторые из которых к этому моменту уже мертвы.

В то же время рассказчик повествует о значительных событиях, многие из которых еще не произошли. Подобный стиль повествования сохраняется на протяжении большей части романа: время от времени наблюдаются непредсказуемые отсылки от настоящего момента к различным событиям, которые имели место в повествовательном прошлом. Вследствие этого все временные пласты отражаемой событийности одновременно воспроизводятся в повествовании, отсутствует отчетливо выражаемое прошлое или будущее, создается иллюзия идеи темпоральности.

Парадоксальная хронологическая структура, характерная для «Поправки-22», может быть наглядно проиллюстрирована эпизодом, в котором Йоссариан и его команда совершают вылет над Болоньей:

(30) *«The plane zoomed upward again in a climb that was swift and straining, until he levelled it out with another harsh shout at McWatt and wrenched it around once more in a roaring, merciless forty-five degree turn that sucked his insides out in one enervating sniff and left him floating fleshless in mid-air»* [Heller 2004, p. 148]. – *«Самолет снова устремился вверх, набирая высоту, которая была быстрой и напряженной, пока он не выровнял его, еще раз резко крикнув на Макуотта, и не развернул его еще раз в ревущем, безжалостном развороте на сорок пять градусов, который одним*

изматывающим рывком высосал из него внутренности и оставил парить в воздухе, лишенный плоти».

Пилот Макуотт предпринимает хаотичный полет, что воспринимается читателем как метафора хронологической структуры «Поправки-22», которая дезориентирует внезапными «флешбэками», движением в непредсказуемых направлениях. При первом приближении парадоксальная неструктурированная хронология, фактически, создает впечатление полной бесформенности. Однако повествование поддерживается гибкой хронологической структурой, которую можно эксплицировать с опорой на стратегию медленного чтения.

Текст романа явно не разделен на отдельные части. Однако можно выделить такие три сегмента, как:

1) первая – шестнадцатая главы, носящие вводный характер и включающие большинство ключевых событий повествования;

2) семнадцатая – тридцать третья главы, выявляющие элементарную хронологическую структуру, большинство действий отражается в повествовательном настоящем: событийность воспроизводится детально, вводятся события, которые не имели места в первом сегменте повествования;

3) тридцать четвертая – сорок вторая главы, фиксирующие заметный сдвиг в хронологической структуре повествования: активируется значительно меньше «флэшбеков», повествование разворачивается от настоящего – будущему, все события, ключевые для интерпретации текста, ранее не упоминались рассказчиком.

Прагматическим средством маркирования границ между тремя выделенными сегментами выступают ситуации, связанные с пребыванием Йоссариана в госпитале вследствие тех или иных причин.

Несмотря на парадоксальную хронологическую структуру «Поправки-22», можно выделить способы, с помощью которых читатель перемещается по временной шкале, воспринимает событийность в последовательном

порядке. Очевидным способом является фиксация количества миссий, которые должны выполнить пилоты, прежде чем демобилизоваться. Полковник Кэткорт повышает количество вылетов каждый раз, когда Йоссариан близок к их полному осуществлению. Соотнося события с текущим количеством миссий, читатель определяет, когда эти события произойдут: чем больше количество миссий, тем дальше Йоссариан продвигается по сюжетной канве повествования.

Ориентироваться в парадоксальной хронологии повествования можно также посредством фокусирования внимания на развитии синдиката Майло, который постепенно превращается в международную монополию. Бизнес Майло растет в геометрической прогрессии. Рассказчик регулярно сообщает читателю о деятельности персонажа, что позволяет соотнести определенные события с текущим состоянием бизнеса Майло: чем крупнее становится синдикат, тем дальше читатель продвигается в хронологии повествования.

В основе измерения разворачивания повествования по временной оси оказывается также развитие повторяющихся событий. В частности, Йоссариан периодически посещает госпиталь, что, в свою очередь, сопровождается травмирующими событиями его жизни. Первый визит следует за первой миссией в Болонью, во время которой Йоссариан едва не погибает. Второе посещение происходит после того, как персонаж получает ранение, совершая вылет над Ливорно. Последний визит Йоссариан в госпиталь состоялся после того, как подруга Нэйти набросилась на него с кухонным ножом. Обстоятельства госпитализации Йоссариана отражают процессы разворачивания повествования, развития эмоционально-волевого (психического) состояния этого персонажа.

Категория времени в воображаемой реальности «Попытки-22» тесно взаимосвязано с образами персонажей: персонаж, по-видимому, способен влиять на течение времени, манипулировать им. Наиболее яркий пример подобного влияния и манипуляции отражает стремление Данбара достичь идеальной скуки. Образ Данбара вводится в первой главе: персонаж

пребывает в госпитале, порождает уныние и меланхолию с целью увеличить продолжительность жизни. Данбар разрабатывает теоретическую концепцию, согласно которой продолжительность жизни определяется силой испытываемого уныния и томления: чем скучнее человека и глубже его безразличие по отношению к повседневной действительности, тем длиннее окажется жизненный отрезок времени, отведенный ему, поскольку в такие моменты время, кажется, замедляет свое стремительное движение вперед. Время течет с разной скоростью в зависимости от того, кто его переживает, поскольку настоящий момент существует только непосредственно вокруг этого объекта. Персонаж активно изменяет скорость, с которой течет время вокруг него, проецируя его как замедляющееся.

На протяжении большей части романа Данбару, придерживающемуся подобной философской позиции, удастся остаться живым и невредимым. Персонаж высказывается критически, когда полковник Кэткарт отдает приказ о бомбардировке незащищенной деревни. В этот момент он впервые проявляет искреннюю заботу об окружающих его солдатах. Некоторое время спустя Бурханс описывает Данбара как персонажа, который в первую очередь озабочен самосохранением и идет на многое, чтобы избежать опасных ситуаций (более подробно см. [Heller, 2004: 243]).

Подобное эмоционально-волевое состояние персонажа сохраняется в течение большей части времени, проведенного Данбаром на «Пианозе», пока внешний облик солдата в белом не заставляет его полностью отказаться от своих принципов и доводит его до безумия. Из-за крайнего возбуждения время теперь движется для него очень быстро, и в течение нескольких минут он сталкивается со своим внезапным и двусмысленным концом, когда его убивают по приказу высшего армейского руководства. Персонаж ментально замедляет разворачивание временной оси, но только до тех пор, пока ему удастся реализовать свою философию.

Очевидно, что самый важный факт, из-за которого Дж. Хеллер решил парадоксально изложить событийность, заключается в стремлении оказать

глубокое воздействия на читателей. Текст романа написан таким образом, что рассказчик не раскрывает читателю всего сразу: события разворачиваются медленно по мере продвижения настоящего действия. На протяжении всего романа рассказчик затягивает процесс предоставления информации читателю. В повествовании с линейной темпоральной структурой рассказчик обычно представляет персонажа, а затем сообщает о том, что с ним произойдет.

Многие персонажи в “Catch-22” выводятся на сцену повествования неожиданно и без каких-либо предварительных комментариев. Ср. эпизод появления персонажа по имени Мадд. Рассказчик внезапно сообщает о мертвце в палатке Йоссариана во второй главе, однако, не дает никаких дальнейших объяснений о том, почему он мертв или даже как его зовут. Эта информация предоставляется читателю позже, а именно в девятой, десятой и семнадцатой главе. Рассказчик часто внезапно прерывает повествования в момент воспроизведения события.

Событийность постоянно переключается с одного повествовательного уровня на другой и откладывает свою кульминацию, чтобы держать читателя в напряжении. Вследствие этого читательское взаимодействие с этой событийностью усиливается. Рассказчик в романе “Catch-22”, откладывая предоставление информации читателю с помощью парадоксальной темпоральной структуры, пытается вовлечь читателей в сюжетную канву, заставить их испытать чувство эмпатии в отношении персонажей, осознать центральную проблему, поднимаемую в романе.

Таким образом, одной из определяющих характеристик категории времени в анализируемом романе является очевидное отсутствие ее направления, поскольку в сюжетном времени не обнаруживается прогрессия. Вместо того чтобы неуклонно двигаться вперед, время течет по существу циклично. Повествовательное время романа остается незатронутым этим движением. В воображаемой реальности романа эта категория не реализуется на линейной основе. Персонажи не в состоянии осуществлять решительное

движение от настоящего к будущему, поскольку «зависли» в парадоксальном темпоральном круговороте перманентно увеличивающихся алогичных дилемм.

Кажущееся нелогичным течение времени также приводит к тому, что некоторые персонажи полностью застревают во времени, которое заманивает их в ловушку, предотвращает возможность ощутить какие-либо изменения. Течение и скорость времени в романе зависят от особенностей восприятия персонажами окружающей действительности, сюжетное время не подводится под единый повествовательный знаменатель. Хронология в романе “Catch-22” на первый взгляд нелогична, состоит из быстро меняющихся ретроспективных кадров, отражающих повествовательное прошлое. Однако возможно реконструировать логическую структуру временной последовательности событий.

Парадокс порождается, как правило, синтаксическими средствами. В подобных контекстах наблюдается выражение циклических аргументов, типичных для персонажей «Поправки-22». Эти аргументы базируются на логических ошибках, лишь предполагая то, для доказательства чего они используются. Отметим, что сама Catch-22 определяется в тексте романа с опорой на циклический аргумент. Ср. фрагмент (45), воспроизводящий диалог между двумя персонажами: Йоссариан спрашивает о возможности освободиться от выполняемых обязанностей и попасть домой, доктор Дайнека отвечает, что его могут освободить от обязанностей, если он безумный, но существует Catch-22:

(31) *«There was only one catch and that was Catch-22, which specified that a concern for one's own safety in the face of dangers that were real and immediate was the process of a rational mind. Orr was crazy and could be grounded. All he had to do was ask; and as soon as he did, he would no longer be crazy and would have to fly more missions. Orr would be crazy to fly more missions and sane if he didn't, but if he was sane he had to fly them. If he flew them he was crazy and didn't have to; if he didn't want to he was sane and had to. Yossarian was moved*

very deeply by the absolute simplicity of this clause of Catch-22 and let out a respectful whistle» [Heller, 2004: 64–65]. – «Была только одна загвоздка, и это была Поправка-22, в которой указывалось, что забота о собственной безопасности перед лицом опасностей, которые были реальными и непосредственными, была процессом рационального мышления. Опп был сумасшедшим и мог быть освобожденным от полетов. Все, что ему нужно было сделать, это спросить; и как только он это сделает, он больше не будет сумасшедшим и ему придется выполнять больше заданий. Опп был бы сумасшедшим, если бы выполнял больше миссий, и был бы в здравом уме, если бы он этого не сделал, но если бы он был в здравом уме, он должен был их выполнять. Если он летал на них, он был сумасшедшим и не должен был этого делать; если он не хотел, он был в здравом уме и должен был. Йоссариан был очень глубоко тронут абсолютной простотой этого пункта Поправки-22 и уважительно присвистнул»

Catch-22 описывается в данном фрагменте в парадоксальных терминах. Парадоксальными оказываются прежде всего взаимоотношения между каждой из описательных пропозиций и той пропозицией, которая их предваряет (П-2 является парадоксальной по отношению к П-1, П-4 является парадоксальной по отношению к П-3):

П-1: *Orr would be crazy to fly more missions and sane if he didn't / Опп был бы сумасшедшим, если бы выполнял больше миссий, и был бы в здравом уме, если бы он этого не сделал;*

П-2: *... but if he was sane he had to fly them / ... но если бы он был в здравом уме, он должен был их выполнять;*

П-3: *If he flew them he was crazy and didn't have to / Если он летал на них, он был сумасшедшим и не должен был этого делать;*

П-4: *... if he didn't want to he was sane and had to / ... если он не хотел, он был в здравом уме и должен был.*

Рассуждения персонажа являются циклическими, поскольку каждая последующая пропозиция опровергает предшествующую пропозицию.

Catch-22 оказывается продуктом циркулярной логики:

П-1: *if you are crazy you can be grounded / если ты безумный, тебя могут освободить от полетов;*

П-2: *if you want to be grounded you have to apply / если ты хочешь, чтобы тебя освободили от полетов, необходимо написать соответствующий рапорт;*

П-3: *if you apply you are not crazy / если ты напишешь рапорт, ты не безумный.*

Catch-22 символизирует закрытую систему воображаемого мира, воспроизводимого в тексте романа. Солдаты попадают в своеобразную ловушку, что лишает их возможности покинуть остров и вернуться домой. Рассказчик сообщает читателю, что полковник Кэткарт, проявляя свою власть, увеличил количество боевых вылетов, но затем вдруг он решает отослать всех летчиков в тыл. Однако отправка в тыл всего эскадрона и замена всех летчиков может вызвать подозрения у высшего руководства. Вследствие этого все летчики обречены и Йоссариан наблюдает, как постепенно исчезают его друзья, погибая в боевых вылетах. Единственной возможностью выжить оказывается бегство из этой закрытой системы, дезертирство.

В нашей работе особое внимание уделяется парадоксу, который порождается посредством оппозиции между утвердительными и отрицательными высказываниями (или сегментами высказываний) или лексическими антонимами. Под парадоксом мы понимаем описание некоторой сущности, ситуации с опорой на противоположные или противоречивые характеристики, полярные оппозиции.

Полагаем, что парадокс, функционирующий в повествовании романа “Catch-22”, представляет собой семантически значимый фрагмент текста, поскольку в этом случае воспроизводятся домены, по отношению к которым релевантным оказывается один из членов контрарной оппозиции. При этом каждый член этой оппозиции концептуализует определенный фрейм (или

схему знаний). Подобный подход также инкорпорируется в модель текстуальных миров П. Верта, что, в свою очередь, обеспечивает детальный и системный анализ того, как читательские фреймовые знания активируются в ходе интерпретации текста романа. Можно говорить о том, что каждый из парадоксов, воспроизводимых в воображаемом мире «Поправки-22», реализует индивидуальный прагматический эффект, служит механизмом освещения той или иной тематики художественного произведения, связанной с такими проблемами, как безумие, власть, личность, боевые действия и т.д.

Во фрагменте (32) одна и та же сущность наделяется парадоксальными характеристиками:

(32) *«Actually, no one was around when Yossarian returned from the Hospital but Orr and the dead man in Yossarian's tent. The dead man in Yossarian's tent was a pest, and Yossarian didn't like him, even though he had never seen him. Having him lying around all day annoyed Yossarian so much that he had gone to the orderly room several times to complain to Sergeant Towser, who refused to admit that the dead man even existed, which, of course, he no longer did. It was still more frustrating to try to appeal directly to Major Major, the long and bony squadron commander, who looked a little bit like Henry Fonda in distress and went jumping out the window of his office each time Yossarian Bullied his way past Sergeant Towser to speak to him about it. The dead man in Yossarian's tent was simply not easy to live with»* [Heller, 2004: 34]. – «На самом деле, когда Йоссариан вернулся из госпиталя, вокруг никого не было, кроме Орра и мертвеца в палатке Йоссариана. Мертвец в палатке Йоссариана досаждал, и Йоссариан его недолблювал, хотя никогда его не видел. То, что он целый день валялся без дела, так раздражало Йоссариана, что он несколько раз ходил в ординаторскую, чтобы пожаловаться сержанту Таузеру, который отказывался признавать, что мертвец вообще существовал, чего, конечно, он больше не делал. Еще более неприятно было пытаться обратиться напрямую к Майору Майору, длинному и костлявому командиру эскадрильи, который был немного похож на Генри Фонда в

отчаянии и выпрыгивал из окна своего кабинета каждый раз, когда Йоссариан пробирался мимо сержанта Таузера, чтобы поговорить с ним об этом. С мертвецом в палатке Йоссариана было просто нелегко жить».

Во фрагменте активируются два конфликтующих фрейма, которые ассоциируются с многозначностью предиката *exist* / *существовать*:

а) *being alive* / *быть живым*;

б) *being present* / *присутствовать*.

Семантическая игра рассказчика с двумя фреймами производит на читателя впечатление, что солдат одновременно мертв и живой, поскольку факт его смерти не подтвержден высшим руководством, а его присутствие в палатке раздражает Йоссариана. Описываемая ситуация приобретает трагический абсурдный характер: Йоссариан обеспокоен не столько присутствием мертвого тела в жилище, сколько вещи, принадлежащие мертвому солдату (персонаж относится к этим пожиткам так, как будто они репрезентируют самого мертвого солдата).

Парадокс выступает средством авторского имплицирования пародийного смысла, критики современного социума. Ср. фрагмент (33), в котором поднимается проблема расизма:

(33) *«... Some of those invitations were mighty generous, but we couldn't accept any because we were Indians and all the best hotels that were inviting us wouldn't accept Indians as guests. Racial prejudice is a terrible thing... It really is. It's a terrible thing to treat a decent, loyal Indian like a nigger, kike, wop or spic. Chief White Halfoat nodded slowly with conviction» [Heller, 2004: 61]. – «...Некоторые из этих приглашений были очень щедрыми, но мы не могли принять ни одного, потому что мы были индийцами, а все лучшие отели, которые приглашали нас, не принимали индейцев в качестве гостей. Расовые предрассудки – ужасная вещь... Это действительно так. Ужасно обращаться с порядочным, преданным индейцем как с ниггером, жидом, макаронником или шпиком. Вождь Белый Овес медленно кивнул с убеждением».*

В этом фрагменте выделяется двойной парадокс. Во-первых, это противоречие между тем фактом, что отели приглашают индейцев в качестве гостей и отказом владельцев отелей принять индейцев из-за их расовой принадлежности. Во-вторых, это несоответствие между критикой вождя Белый Овес расизма и его пренебрежительным отношением к представителям иных рас.

Во фрагменте (34) воспроизводится парадоксальная ситуация относительно борьбы за власть среди высшего руководства гарнизона. Так, для генерала Пекема врагами оказываются не немецкие оккупанты, а генерал Дридл, служащий в этом же самом гарнизоне. Генерал Пекем беспрестанно планирует «наступательные действия» против генерала Дридла, пытаясь сосредоточить всю власть в своих руках. Ср.:

(34) «*Yes, I know I understand. Our first job is to capture Dreedle away from the enemy. Right? General Peckem laughed benignly. 'No, Scheisskopf. Dreedle's on our side, and Dreedle is the enemy*» [Heller, 2004: 61]. – «*Да, я знаю, что понимаю. Наша первая задача – захватить Дридла подальше от врага. Верно? Генерал Пекем добродушно рассмеялся. – Нет, Шейскопф. Дридл на нашей стороне, а Дридл – враг*».

Парадокс, воспроизводимый во фрагменте (34) подтверждает подозрения Йоссариана, что врагом является любой, кто стремится убить его, и все солдаты, вне зависимости от того, на чьей стороне они воюют. Читатель эксплицирует идею о том, что в авторских представлениях высшее руководство гарнизона по статусу уравнивается с немецкими оккупантами.

Ситуации, описываемые в парадоксальных терминах, выявляют неспособность некоторых персонажей провести четкую дифференциацию между положительными и отрицательными моральными качествами человека. Ср.:

(35) «*Every time Colonel Cathcart increased the number of missions and returned Hungry Joe to combat duty, the nightmares stopped and Hungry Joe settled down into a normal state of terror with a smile of relief. Yossarian read*

Hungry Joe's shrunken face like a headline. It was good when Hungry Joe looked bad and terrible when Hungry Joe looked good. Hungry Joe's inverted set of responses was a curious phenomenon to everyone but Hungry Joe, who denied the whole thing stubbornly» [Heller, 2004: 74]. – «Каждый раз, когда полковник Кэткарт увеличивал количество миссий и возвращал Голодного Джо на боевое дежурство, кошмары прекращались, и Голодный Джо с улыбкой облегчения возвращался в нормальное состояние ужаса. Йоссариан прочел сморщенное лицо Голодного Джо как заголовок. Это было хорошо, когда Голодный Джо выглядел плохо, и ужасно, когда Голодный Джо выглядел хорошо. Перевернутый набор ответов Голодного Джо был любопытным явлением для всех, кроме Голодного Джо, который упорно отрицал все это».

Психологические реакции Голодного Джо на стимулы, поступающие из объективной действительности, характеризуются рассказчиком как нерелевантные (обратными тем, которые ожидаются читателем). Нарушается баланс между релевантностью стимулов и реакций: позитивный стимул вызывает отрицательную реакцию и, наоборот, отрицательный стимул порождает позитивную реакцию. Аналогичным эмоционально-волевым состоянием отличается и капитан Флюм, который не способен отличать явь от сна. Персонаж предпринимает отчаянные попытки оставаться в состоянии бодрствования всю ночь, поскольку вождь Белый Овес угрожал убить его. Ср.:

(36) *«Each night after that, Captain Flume forced himself to keep awake as long as possible. He was aided immeasurably by Hungry Joe's nightmares. Listening so intently to Hungry Joe's maniacal howling night after night, Captain Flume grew to hate him and began wishing that Chief White Halfot would tiptoe up to his cot one night and slit his throat open for him from ear to ear. Actually, Captain Flume slept like a log most nights and merely dreamed he was awake. So convincing were these dreams of lying awake that he woke from them each morning in complete exhaustion and fell right back to sleep» [Heller, 2004: 77–78]. – «Каждую ночь после этого капитан Флюм заставлял себя*

бодрствовать как можно дольше. Ему неизмеримо помогли кошмары Голодного Джо. Так внимательно слушая маниакальный вой Голодного Джо ночь за ночью, капитан Флюм возненавидел его и начал желать, чтобы однажды ночью вождь Белый Овес на цыпочках подошел к его койке и перерезал ему горло от уха до уха. На самом деле капитан Флюм почти все ночи спал как убитый, и ему просто снилось, что он бодрствует. Эти сны о том, как он лежал без сна, были настолько убедительными, что он просыпался от них каждое утро в полном изнеможении и сразу же снова засыпал».

С опорой на циклическую модель «сна во сне» в повествовании размывается граница между такими доменами, как СОН / БОДРСТВОВАНИЕ: капитану Флюму снится, что он не спит.

Ниже иллюстрируются парадоксы, которые в контексте диалогической речи персонажей и повествования рассказчика моделируются на основе противопоставления лексических антонимов:

(37) «*'Oh, shut up,' Dunbar told Clivinger. Dunbar **liked** Clivinger because Clivinger **annoyed** him and made the time go slow*» [Heller, 2004: 13]. – «*'О, заткнись', – сказал Данбар Клевинджеру. Данбару **нравился** Клевинджер, потому что Клевинджер **раздражал** его и заставлял время тянуться медленно*»;

(38) «*Dunbar **loved** shooting skeet because he **hated** every minute of it and the time passed so slowly. 'I think you're crazy.' Was the way Clivinger had responded to Dunbar's discovery*» [Heller, 2004: 53]. – «*Данбар **любил** стрелять по тарелочкам, потому что **ненавидел** каждую минуту этого занятия, а время тянулось так медленно. 'Я думаю, ты сумасшедший', – так отреагировал Клевинджер на открытие Данбара*»;

(39) «*Ordinarily, Yossarian's plot was McWatt, who, shaving in loud red, clean pajamas outside his tent each morning was one of the odd, ironic, incomprehensible things surrounding Yossarian. McWatt was **the craziest** combat man of them all probably, because he was **perfectly sane** ...*» [Heller, 2004: 81]. –

«Обычно сюжетом Йоссариана был Макватт, который каждое утро появлялся в ярко-красной чистой пижаме возле своей палатки и был одним из странных, ироничных, непостижимых субъектов, окружающих Йоссариана. Макватт, вероятно, был **самым сумасшедшим** бойцом из всех, потому что он был **совершенно вменяем...**»;

(40) «He woke up blinking with a slight pain in his head and opened his eyes upon a world boiling **in chaos** in which everything was **in proper order**» [Heller, 2004: 187]. – «Он проснулся, моргая от легкой боли в голове, и открыл глаза на мир, кипящий **в хаосе**, в котором все было **в надлежащем порядке**»;

(41) «Colonel Cathcart was **not superstitious**, but he did **believe in omens**» [Heller, 2004: 267]. – «Полковник Кэткарт **не был суеверен**, но он **верил в приметы**»;

(42) «... Italy is really a very poor and **weak** country, and that's what makes us so **strong**» [Heller, 2004: 310]. – «... Италия действительно очень бедная и **слабая** страна, и именно это делает нас такими **сильными**»;

(43) «This sordid, vulturous, diabolical old man **reminded** Natley of his father because the two were **nothing at all alike**» [Heller, 2004: 312]. – «Этот грязный, стервятнический, дьявольский старик **напомнил** Нейтли своего отца, потому что эти двое **были совсем не похожи**»;

(44) «The chaplain was sincerely a very **helpful** person who was **never able to help** anyone» [Heller, 2004: 347]. – «Капеллан был искренне очень **отзывчивым** человеком, который никогда никому **не мог помочь**»;

(45) «'My **only fault**, ' he observed with practiced good humor, watching for the effect of his words, 'is that I **have no faults**» [Heller, 2004: 407]. – «'Мой **единственный недостаток**, – заметил он с привычным добродушием, наблюдая за эффектом своих слов, – в том, что у меня **нет недостатков**».

Во фрагментах (37–45) парадокс воспроизводится с опорой на следующие противопоставления лексических антонимов:

like / annoy (нравится / раздражать) – слабая контрарная оппозиция;

love / hate (любить / ненавидеть) – полярная оппозиция;

crazy / sane (сумасшедший / вменяемый) – полярная оппозиция;
chaos / order (хаос / порядок) – полярная оппозиция;
to be not superstitious / believe in omens (быть без предрассудков / верить в приметы) – слабая контрарная оппозиция;
weak / strong (слабый / сильный) – полярная оппозиция;
remind / to be alike (напоминать / быть непохожим) – слабая контрарная оппозиция;
helpful / not helpful (отзывчивый / неотзывчивый) – противоречие;
have faults / not to have faults (иметь недостатки / не иметь недостатков) – противоречие.

В ходе интерпретации парадоксов читатель эксплицирует авторское смысловое содержание, определяя концептуальные домены, в котором каждый из противопоставляемых членов оппозиции является релевантным. Как мы уже отметили, в терминах модели Р. Шэнка схематическая структура высшего уровня понимается как, своего рода, пакет организации знаний, которые хранятся в памяти. В этой структуре концентрируется информация о схемах низшего уровня (личностные знания читателя о социальных и ситуационных реалиях). Непоследовательные, алогичные стыковки между различными доменами порождают парадоксальные высказывания, которые и представлены во фрагментах (37–45).

В тексте романа “Catch-22” парадокс часто порождается на основе противопоставления явно не сопоставимых сущностей и их характеристик, которые, выступая контекстуальными антонимами, формируют отношения контрарности, слабой оппозиции. Ср.:

(46) «*Kraft was a skinny, harmless kid from Pennsylvania who wanted only to be liked, and was destined to be disappointed in even so humble and degrading an ambition. Instead of being liked, he was dead*» [Heller, 2004: 75]. – «Крафт был худым, безобидным парнем из Пенсильвании, который хотел только нравиться, и ему было суждено разочароваться даже в таких скромных и унижительных амбициях. Вместо того чтобы нравиться, он был мертв».

В эпизоде воспроизводятся нестандартные оппозиции между сущностями, которые в языковой системе не формируют противопоставлений. Эту оппозицию образуют предикаты *be liked* (нравится) и *be dead* (быть мертвым). Контекстуальный контраст двух предикатов формирует в повествовании юмористический эффект.

Парадоксальное семантическое содержание повествования активизируется рассказчиком и с опорой на сложные суждения, элементы пропозиции которых противоречат друг другу. Ср.:

(47) «*The only one with any right to remove his belongings from Yossarian's tent, it seems to Major Major, was Yossarian himself, and Yossarian, it seemed to Major Major, had no right*» [Heller, 2004: 133]. – «По мнению Майора Майора, единственным, кто имел право выносить свои вещи из палатки Йоссариана, был сам Йоссариан, а Йоссариан, по мнению Майора Майора, не имел права».

Как и во фрагментах повествования рассказчика (29–39), читатель разрешает противоречие, устанавливая, какой сегмент пропозиции суждения является действенным в воспроизводимой ситуации (в данном случае какая из посылок предопределяет непротиворечивое развитие ситуации). Можно полагать, что Йоссариан обладает правом выносить вещи других солдат из палатки, которая принадлежит ему. Однако одновременно у героя отсутствует право распоряжаться имуществом других солдат, поскольку он не наделен подобными полномочиями.

Противоречие, формируемое между сегментами пропозиции суждения, может также эксплицировать парадокс, не предполагающий действенного разрешения. Ср.:

(48) «*Most of the official documents that came to major Major's desk did not concern him at all. The vast majority consisted of illusions to prior communications which Major Major had never seen or heard of. There was never any need to look them up, for the instructions were invariably to disregard. In the spaces of a single productive minute, therefore, he might endorse twenty separate*

documents each advising him to pay absolutely no attention to any of the others» [Heller, 2004: 122]. – «Большинство официальных документов, которые попали на стол Майора Майора, вообще его не касались. Подавляющее большинство из них состояло из ссылок на предыдущие сообщения, которые Майор Майор никогда не видел и о которых не слышал. Не было никакой необходимости просматривать их, поскольку инструкции неизменно игнорировались. Таким образом, в течение одной минуты он мог одобрить двадцать отдельных документов, каждый из которых советует ему не обращать абсолютно никакого внимания ни на один из других».

Майор Майор не испытывал необходимости изучать получаемые документы, поскольку они, в свою очередь, предполагали знания о предшествующей документации, о которой должностное лицо не имело понятия. Парадокс, активируемый в данной ситуации, оказывается не разрешимым, отражает ситуацию, в которой действия военных чиновников осуществляются по нерациональному замкнутому кругу. На глубинном уровне повествования феномен парадокса имплицитно авторскую неявную критику общей бюрократической системы современного социума.

В отдельных фрагментах повествования парадокс задействуется автором как прием критического отражения злоупотребления властью военачальниками высшего эшелона боевой эскадрильи. Ср. ситуацию допроса девушки легкого поведения, с которой была связь у лейтенанта Нэйтли. Офицеры, осуществляющие допрос, принуждают девушку произнести слово «дядя»:

(49) *«You still don't understand, do you? We can't really make you say uncle unless you don't want to say uncle. Don't you see? Don't say uncle when I tell you to say uncle. Okay? Say uncle.» 'Uncle,' she said. 'No, don't say uncle. Say uncle.' She didn't say uncle. 'That's good!'*» [Heller, 2004: 447]. – *«Ты все еще не понимаешь, да? Мы не можем заставить тебя говорить “дядя”, если только ты сама не хочешь говорить “дядя”. Неужели ты не понимаешь? Не говори “дядя”, когда я говорю тебе сказать “дядя”. Хорошо? Скажи*

“дядя”’. ‘Дядя’, – сказала она. ‘Нет, не говори “дядя”. Скажи “дядя”’. Она не сказала “дядя”. ‘Вот и хорошо!’».

Бессмысленный обмен диалогическими репликами между офицерами и девушкой выявляет абсурдную логику высшего военного руководство, которое, вполне вероятно, подобным образом принуждая допрашиваемую сознаться в том, в чем она не желает сознаваться. В свою очередь, девушка не улавливает нерациональную логику допроса, что раздражает офицеров.

Проблема всепроникающего характера иррациональной морали современного общества с особой остротой ставится в финальных главах текста романа, когда рассказчик в явной форме оспаривает рациональность и действенность многочисленных моральных качеств человека, которые воспринимаются в современном обществе как само собой разумеющиеся. Кульминационный момент освещения этой проблематики содержится во фрагменте (50):

(50) *«How many winners were losers, successes failures, rich men poor men? How many wise guys were stupid? How many happy endings were unhappy endings? How many honest men were liars, brave men cowards, loyal men traitors, how many sainted men were corrupt, how many people in positions of trust had sold their souls to blackguards for petty cash, how many had never had souls? How many straight-and-narrow paths were crooked paths? How many best families were worst families and how many people were bad people?»* [Heller, 2004: 522-523]. – «Сколько победителей были проигравшими, успешных – неудачниками, богатых – бедняками? Сколько умных – глупцами? Сколько счастливых концовок было несчастливыми? Сколько честных людей были лжецами, храбрых – трусами, преданных – предателями, сколько святых – продажными, сколько людей, занимавших высокие посты, продали свои души негодяям за мелкие деньги, у скольких никогда не было души? Сколько прямых и узких тропинок были извилистыми? Сколько лучших семей были худшими семьями и сколько людей были плохими людьми?».

Те авторские мысли, которые имплицитно присутствовали в предшествующем ходе повествования, в заключительных главах текста озвучиваются рассказчиком в явной форме. Автор проецирует универсум, в котором доверие не внушает никто и ничто, поскольку то, что оценивается в позитивном свете, в любой момент может обернуться своей противоположностью. В связи с этим многочисленные ситуации, которые воспроизводятся рассказчиком в тексте романа “Catch-22”, анализируемые в данном параграфе нашей работы, являются парадоксальными по своей онтологической сущности.

В воображаемом универсуме Дж. Хеллера повествовательный прием парадокса представляет собой частотную дискурсивную стратегию, реализуемую либо синтаксическим оператором отрицания или посредством выдвижения лексических антонимов в сильную позицию текста. В обоих случаях порождается эффект блокирования текущего потока информации, приобретающего форму парадокса, который может быть разрешен с учетом анализа глубинного содержания текущего повествования, поскольку каждый из сегментов парадоксального суждения интерпретируется как значимые в силу принадлежности к разным концептуальным доменам.

Прибегая к парадоксальным высказываниям, автор неявно критикует те или иные аспекты функционирования современного социума, оспаривает действенность читательских допущений о положении дел в объективной повседневной реальности. Другими словами, парадокс выступает когнитивным механизмом реструктурирования представлений читательской аудитории о мире, в котором он живет.

2.3. Количественный анализ средств выражения категории отрицания

В рамках данного параграфа обосновывается положение о том, что маркированная природа категории отрицания в собранном иллюстративном материале предопределяется в большей степени качественным фактором,

нежели статистическим индикатором частотности функционирования в тексте анализируемого романа. Однако специфика качественных свойств средств выражения рассматриваемой категории доказывается, в том числе, с опорой на их высокую частотность в монологической речи рассказчика и диалогических взаимодействиях персонажей. Эта исходная теоретическая посылка послужила отправной точкой количественного анализа регулярного и системного употребления языковых единиц в тексте романа, явно / имплицитно реализующих лексическую и грамматическую отрицательную семантику в соответствии с прагматическими функциями этих единиц.

Данный ракурс исследования проливает свет на такие параметры текста «Поправки-22», как:

- прагматические характеристики романа по сравнению с текстами аналогичного жанра;
- специфика функциональной нагрузки категории отрицания в романе как целостном художественном тексте.

Выводы, полученные в ходе количественного исследования, являются релевантными для детализации следующих проблемных узлов, актуальных для нашей диссертационной работы:

- 1) предстает ли категория отрицания в контексте повествования «Поправки-22» ярким показателем идиодискурса Дж. Хеллера, т.е. целенаправленным авторским выбором в целях конструирования неповторимого воображаемого универсума;
- 2) какова специфика дистрибуции утвердительных и отрицательных суждений в тексте анализируемого романа.

На материале романа “Catch-22” в рамках данного параграфа второй главы диссертации получают детализацию следующие аспекты функционирования категории отрицания в речи рассказчика и персонажей:

- совокупная частотность средств выражения в собранном иллюстративном материале;

- частотность отдельно взятых типов указанных средств в соответствии с их грамматическими характеристиками и коммуникативными функциями;
- различия в дистрибутивной частотности лексических и грамматических единиц с семантикой негации в повествовании рассказчика и диалогических репликах персонажей;
- частотность онтологических функций, выражаемых отрицательными суждениями.

Созданная в романном жанре, “Catch-22” представляет собой литературно-художественное произведение, которое включает в себя повествование рассказчика от третьего лица (главным образом, в форме косвенной речи) и диалоги персонажей (прямую речь). Данное разграничение типов речи в романе предстает релевантным фактором при исследовании дистрибутивных особенностей различных типов отрицательных суждений.

Корпус практического материала, собранного для последующего анализа, который включает 134 примера (текстовых фрагментов), иллюстрирующих функционирование отрицательных суждений, сформирован с учетом следующих факторов.

1. Фрагмент как текстовая единица базируется на таких понятиях, как «эпизод» [Афанасьева, 2021; Баранов, 2021; Ничипоров, 2020] и «подмир» (П. Верт). Вслед за концепциями указанных теоретиков мы провели выборку текстовых фрагментов, которые представляют собой связные отрывки текста романа, маркированные структурными и / или семантическими границами. Эти фрагменты выделены с опорой на параметры, предполагающие дейктические сдвиги в таких форматах, как:

- 1) временной план повествования;
- 2) пространственный план повествования;
- 3) категории лица (номинациях личностей персонажей);
- 4) воображаемый авторский универсум;

5) типология презентации речи рассказчика и персонажей (т.е., например, содержится переход от речи рассказчика к диалогическим репликам персонажей);

6) топик повествования.

2. Фрагменты собранных иллюстративных примеров в той или иной степени отражают главные темы художественного произведения.

3. Выборка фрагментов осуществлялась, исходя и из практических соображений, т.е. учитывались такие показатели, как протяженность эпизода. Так, некоторые эпизоды не принимались во внимание, поскольку они составляют более трех страниц.

4. Текстовые фрагменты, составившие практический материал диссертационного исследования, содержат суждения с явным / имплицитным оператором отрицания. Семантика этих суждения осложняется эмоциональными коннотациями, производящими комический (иронический) эффект.

5. Собранные иллюстративные примеры по возможности отражают все разнообразие функционирования отрицательных суждений, которые проанализированы в пунктах 2.1. и 2.2. диссертации. Другими словами, каждый тип отрицания представлен многочисленными текстовыми фрагментами (наиболее яркие примеры анализируются в указанных пунктах и написанных нами статьях).

Полагаем, что представленные выше критерии отбора текстовых фрагментов являются достаточными для формирования корпуса практического материала исследования, основное назначение которого состоит в иллюстрировании всех типов отрицательных суждений, представленных в романе, и их функциональной нагрузки (эти типы и функции были предварительно исследованы в терминах качественного анализа). Поскольку количественный анализ, репрезентированный в данном параграфе, дополняет предварительное качественное исследование, занимает по отношению к нему второстепенное положение, нами не

принимались во внимание иные критерии отбора практического материала (например, случайная выборка примеров), которые, как мы считаем, являются несущественными для нашей диссертационной работы.

Мы также разработали модель функционирования категории отрицания в тексте исследуемого романа, которая выступает аналитическим инструментом классифицирования средств выражения этой категории по определенным типам в соответствии с выделенными выше критериями. Представляется, что можно говорить о двух классификациях, составленных с учетом следующих механизмов.

1. Компьютерная программа Micro-Concord, которая обеспечила возможность выявить и произвести подсчет средств выражения категории отрицания в собранном практическом материале и его составных частях.

При этом было осуществлено две процедуры:

1.1. классифицирование языковых единиц, реализующих семантику отрицания в соответствии с теми грамматическими категориями, которые они манифестируют;

1.2. выделение аффиксов с семантикой отрицания в составе лексических единиц.

2. Дискурсивно-прагматическое классифицирование, основывающееся на определении функциональных характеристик отрицательных суждений в соответствии с их доминирующими и второстепенными коммуникативными и онтологическими функциями, структурных различий между монологическим повествованием рассказчика и диалогическими взаимодействиями персонажей. Поскольку корпус собранного практического материала не был предварительно маркирован, данный второй тип классификации невозможно было представить с помощью компьютерной программы. Другими словами, каждая прагматическая функция средств выражения категории отрицания идентифицировалась и относилась к специфическому классу примеров вручную.

В рамках первой классификации устанавливался диапазон лексических и синтаксических единиц, реализующих отрицательную семантику, определялась их принадлежность к тем или иным грамматическим категориям. В ходе составления второй классификации фиксировался маркированный / немаркированный характер средств выражения категории отрицания, на этом основании устанавливались их прагматические функции. Общая цель классифицирования заключается в том, чтобы получить представления об относительной частотности средств выражения категории отрицания в контексте проводимого исследования.

Идентификация лексических и синтаксических единиц, реализующих отрицательную семантику в корпусе собранного практического материала, базируется на специфических теоретических критериях, которые обеспечивают разграничение синтаксических, аффиксальных и лексических средств. Диапазон синтаксических и аффиксальных средств установлен с опорой на использование компьютерной программы Micro Concord. Для идентификации лексических средств данная программа оказалась нерелевантной, поскольку их отрицательная семантика явно не маркируется программой. По этой причине осуществлен только качественный анализ лексических единиц с отрицательной семантикой (см. п.п. 2.1. и 2.2.).

При классификации синтаксических средств задействовались фрагменты, в которых семантика отрицания выражается исключительно эксплицитным образом (в частности, посредством операторов *no*, *not*, *never*, *neither*, *hardly*, *scarcely*, *seldom*, *barely*, *few*). Морфологические операторы отрицания реализуются в форме аффиксов, которые наделяют соответствующей семантикой словоформу, формируемую ими (хотя следствием наличия в слове морфологического оператора не всегда оказывается эксплицитно выражаемая отрицательная семантика). Данный тип отрицания формируется такими аффиксами, как – *il*, – *im*, – *ir*, – *dis* и некоторыми другими приставками, а также – *less* (суффиксом). Лексические средства выражения категории отрицания не содержат соответствующих

синтаксических или морфологических операторов, реализуют свою семантику как словарное значение и член антонимического противопоставления (ср. *crazy / sane, good / bad* и т.д.).

В ходе классифицирования второй разновидности учитывались как целостные предложения, так и их составные части. В подавляющем большинстве примеров отрицательная семантика реализуется придаточной частью сложноподчиненного предложения. Коммуникативная функция единицы учитывалась вне зависимости от ее синтаксического статуса. Формальный подход к указанным средствам предполагает анализ придаточной части в качестве автономной синтаксической единицы. Второй тип классификации разрабатывался с учетом такого параметра, как функция, реализуемая синтаксической единицей в контексте авторского воображаемого универсума.

При этом учитывались такие критерии, как:

- 1) прагматическая функция языковой единицы;
- 2) структурные различия между монологическим повествованием рассказчика и диалогическим взаимодействием персонажей;
- 3) коммуникативная функция языковой единицы.

Классификация синтаксических средств выражения отрицания в соответствии с таким параметром, как формируемый ими тип речевого акта, вызывает определенные трудности. В теории речевых актов типизированной единицей анализа выступают, как правило, целостные высказывания. В нашем исследовании мы также принимаем в расчет составные части предложения (т.е. наделяем их автономным синтаксическим статусом). Данное условие исследования не только определило диапазон анализируемых синтаксических единиц, но и потребовало уточнения понятия «коммуникативная функция».

В научной литературе функция утверждения закрепляется преимущественно за целостными предложениями (более подробно см. [Кунавин, Кудряшов, Ковтуненко, 2023; Шишкина, 2010]). В рамках данного

исследования понятие о коммуникативной функции синтаксических единиц используется в более широком диапазоне. Предлагается более гибкая интерпретация понятия «утверждение» («ассертивный речевой акт») с целью расширить представления об этом понятии (включая операторы отрицания) в их противопоставлении директивным и комиссивным речевым актам. Эта интерпретация обеспечивает возможность применить понятие об утвердительной форме к придаточным частям сложноподчиненного предложения, пропозиция которых содержит новую информацию о некотором положении дел в реальности.

Понятие утверждения охватывает как прямые, так и косвенные речевые акты. Цель осуществляемого нами классифицирования заключается также в том, чтобы выявить общее количество утвердительных высказываний на фоне других типов речевых актов, поскольку данные высказывания, как предполагается, составляют наиболее частотные синтаксические единицы в тексте романа. Кроме того, они системно соотносятся с отрицательными высказываниями, описывающими специфические события, эмоционально-волевую сферу персонажей, а также парадоксальные положения дел.

Классификация, выявляющая указанные коммуникативные функции синтаксических единиц, основывается на разграничении следующих речевых единиц:

- 1) ассертивные речевые акты: отрицательные суждения, согласие / несогласие;
- 2) комиссивные речевые акты: реакции, реализующие отказ говорящего субъекта выполнить какое-либо действие, возражение, угрозы;
- 3) директивные речевые акты: высказывания, реализующие иллокуцию вопроса, приказа, команды, запрета на какое-либо действие, просьбы, совета, предостережения и т.д.;
- 4) экспрессивные речевые акты: жалоба, протест, мольба и т.д. (более подробно см. [Азарова, Кудряшов, 2015: 32; Шишкина, 2010: 4–5]).

В контексте реального употребления отрицательные высказывания реализуют целый ряд дискурсивных и прагматических функций, в том числе, согласие с мнением собеседника, подтверждение предварительно озвученной информации (не только непризнание той или иной сущности).

На последующем этапе исследования были проанализированы общие функциональные типы, описанные выше, с целью более детализованного определения их смысловой нагрузки в тексте романа. Для этого мы классифицировали дискурсивные функции средств выражения категории отрицания на следующие группы:

- отрицания с явной и косвенной семантикой;
- реплики-отказы и возражения;
- вопросительные высказывания;
- высказывания, поддерживающие предварительно озвученное мнение;
- высказывания с императивной семантикой;
- диалогические реакции-повторы.

Дается общая классификация дискурсивных функций средств выражения отрицания в зависимости от типа речевого акта, который они формируют. Это позволило включить высказывания с семантикой отказа, возражения в разряд комиссивных речевых актов, а вопросы и императивы – директивных речевых актов, что, в свою очередь, позволило получить первые представления о дистрибуции средств выражения отрицания в соответствии с типом речевых актов, которые формируются ими.

На этом этапе анализа выявлено, что не все директивные речевые акты реализуют иллокуцию приказа или вопроса. В этот разряд были также включены просьбы и советы. С практической точки зрения, преобразования общепринятых теоретических принципов анализа, представленные выше, оказались релевантным фактором, поскольку они дали возможность оптимально проанализировать все случаи функционирования категории отрицания в предварительно собранном корпусе фрагментов из текста романа “Catch-22”.

В основе изучения коммуникативной функции синтаксических средств с отрицательной семантикой лежат их базовые характеристики, выявляемые на фоне соответствующих утвердительных средств. Функциональные типы отрицательных высказываний, проанализированные в п.п. 2.1. – 2.2., могут быть рассмотрены с учетом двух общих типов, рассматриваемых в данном параграфе:

первый тип: выдвижение актуальной информации, значимой для интерпретации текстового фрагмента и целостного текста;

второй тип: высказывания с парадоксальной семантикой.

В теоретической главе диссертационного исследования указывалось, что – наряду с другой функциональной нагрузкой – категория отрицания выполняет также функцию выдвижения актуальной информации в сильную позицию текста, обозначая специфические состояния дел или события. В контексте реализации этой функции разноуровневые средства выражения отрицания оказываются более информативными, чем средства выражения утвердительной категориальной семантики. В данном параграфе наше исследовательское внимание фокусируется на анализе онтологических свойств синтаксических средств выражения отрицания в тексте романа “Catch-22” с учетом следующих двух аспектов.

1. Маркированный / немаркированный характер синтаксических средств в контексте их функционирования.

2. Разграничение двух типов онтологии, порождаемой в авторском воображаемом универсуме:

2.1. Пустые онтологии, имплицитные авторские смыслы, сущностные для интерпретации текста романа;

2.2. Парадоксальные онтологии, в пространстве которых превалирует противоречие между фактами и событиями, алогичность причинно-следственных отношений между объектами воображаемого универсума.

Разграничение между маркированным и немаркированным функционированием категории отрицания носит субъективный характер,

поскольку основывается на том, как сам читатель воспринимает абсурдность ситуации или положения дел, которые составляют пропозицию суждений рассказчика и персонажей. Ср. следующий фрагмент, который иллюстрирует специфику указанного разграничения.

(51) «*Sharing a tent with a man who was crazy wasn't easy, but Nately didn't care. He was crazy too, and he had gone every free day to work on the officers' club that Yossarian had not helped build*» [Heller, 2004: 29]. – «Делить палатку с сумасшедшим человеком было нелегко, но Нейтли было все равно. Он тоже был сумасшедшим и каждый свободный день ходил работать в офицерский клуб, который Йоссариан не помогал строить».

В вышеприведенном отрывке реализуются оба типа отрицания. Первые два отрицательных предложения иллюстрируют функционирование немаркированного отрицания:

1. *Sharing a tent with a man who was crazy wasn't easy* / Делить палатку с сумасшедшим человеком было нелегко: в сильную позицию текста выдвигается тот факт, что «нелегко жить в палатке с сумасшедшим человеком», таким образом, отрицается противоположное допущение. В данном контексте категория отрицания имплицитно подразумевает глубинный смысл, так как указывает на то, что актуализуемое положение дел занимает значимую позицию в интерпретации отрывка.

2. ... *but Nately didn't care* / но Нейтли было все равно: данный фрагмент предложения, фактически, отрицает то допущение, которое имплицитно утверждается первой частью (а именно тот факт, что кто-то должен возражать против того, чтобы совместно жить в палатке с сумасшедшим). В этом случае отрицание также оказывается информативно значимой категорией, поскольку уместным предстает указание на то, что персонаж Нейтли не возражает против того, чтобы жить в палатке с душевнобольным человеком.

В третьем фрагменте предложения *the officers' club that Yossarian had not helped build* / офицерский клуб, который Йоссариан не помогал строить

содержится маркированное отрицание. Его абсурдность, по всей вероятности, основывается на отрицании допущений о положении дел в окружающей повседневности, поведенческих стратегиях людей в объективном мире. В данном контексте маркированное использование категории отрицания преобразует читательские представления о повседневности, поскольку оспаривает допущения о действительном положении дел в мире.

Смысловое содержание маркированного отрицания не всегда эксплицируется однозначно. В связи с этим мы трактуем в качестве маркированных те отрицательные предложения, пропозиция которых отличается абсурдностью. Такие предложения ставят под сомнение само собой разумеющиеся допущения об окружающей действительности. Так, третий фрагмент предложения является абсурдным по своей бытийной сущности, поскольку для читателя не представляет особого интереса тот факт, что Йоссариан не делал. Этот фрагмент предложения не является информативным. Вместе с тем, предложения подобного типа приобретают сущностное значение в ходе читательской интерпретации текста, поскольку производят когнитивный эффект преобразования (переструктурирования) читательских схем о повседневной действительности.

Между пустыми и парадоксальными онтологиями прослеживается более явное разграничение. Пустые онтологии выдвигают в сильную позицию текста негативные состояния или события (ср. третий фрагмент отрицательного предложения в примере (51)). Парадоксальные онтологии порождаются посредством противоречий или по принципу циркулярной логики.

В данном параграфе нашей работы мы анализируем частотность функционирования различных типов отрицания в собранном практическом материале. Во-первых, типы отрицания классифицируются в соответствии с грамматическими категориями, которые они воплощают. Для этой цели мы

использовали электронную версию романа “Catch-22”, который в совокупности составляет 171 235 слов.

С опорой на компьютерную программу MicroConcord на первом этапе был осуществлен поиск синтаксических средств выражения категории отрицания, которые затем были классифицированы в соответствии с грамматическими типами. На втором этапе подобная процедура была осуществлена для лексических средств выражения отрицания (лексем, содержащих отрицательные аффиксы). Программа осуществила поиск:

- лексических единиц *nobody, nothing, nowhere, none, never, neither / nor, hardly, barely, scarcely, seldom*;
- слов, содержащих такие форманты, как *no, not, n't*;
- лексем, включающих в свой состав приставки *a, non, mal, dis, un, il, ir, im, in* и суффикс – *less*.

Указанные средства были выверены в контекстуальном плане, чтобы исключить единицы, которые не реализуют отрицательную семантику (например, *affect, under* и т.д.). Нами также не учитывались лексические единицы, которые содержат приставки с отрицательным значением, но это значение не распространяется на последующее слово (ср. *disgruntled*). Компьютерная программа MicroConcord также дала возможность установить частотность отдельных типов отрицания. С опорой на полученные данные была осуществлена классификация средств выражения отрицания в соответствии с их прагматической функцией.

Как мы уже заметили, эта классификация была реализована не с помощью указанной программы, а посредством метода наблюдения. При этом учитывались контексты повествования рассказчика и диалогов персонажей. В отдельных случаях одно и то же отрицательное предложение выполняло несколько прагматических функций, а поэтому учитывалось в классификации несколько раз.

В Таблице 8. содержится информация о суммарном количестве средств выражения категории отрицания в корпусе собранного практического

материала. Эти средства включают как лексические, так и синтаксические единицы.

Таблица 8. Общее количество средств выражения категории отрицания в тексте романа “Catch-22”

Общее количество слов в романе	Общее количество средств выражения категории отрицания
171 235	4 276

Среднее количество средств выражения категории отрицания на 1000 слов в тексте романа “Catch-22” составляет 24,3 контекстов. Высокий процент функционирования средств выражения анализируемой категории в тексте романа объясняется, в том числе, тем, что данное художественное произведение включает как монологическое повествование рассказчика, так и многочисленные диалоги персонажей.

Другими словами, “Catch-22” отражает типы отрицания, которые характерны как для письменной, так и устной спонтанной речи, а также выполняют различные коммуникативные функции. При первом приближении можно сделать вывод о том, что категория отрицания является в тексте романа “Catch-22” частотным средством воздействия на разум и воображение читателя, а поэтому ярким показателем идиодискурса Дж. Хеллера.

В Таблице 9. суммируется информация о дистрибутивных свойствах различных типов выражения категории отрицания в тексте романа “Catch-22” в соответствии с таким параметром, как грамматическая категория, которую репрезентируют эти средства. Выявляется доминирующая позиция синтаксического отрицания предиката посредством форманта *not / n't* (66 % от общего количества употреблений). Лексические средства отрицания составляют 52,9 %. Остальные типы отрицания выявляют не столь широкое употребление:

- отрицательная частица *no* с последующим именем существительным (10,5 %);
- наречие *never* (8,1 %);
- отрицательная частица *no* в самостоятельном употреблении (6,8 %);
- отрицательная частица *no* как прагматический сигнал (5,9 %);
- наречия *hardly, seldom, barely, scarcely* и местоимения *few, little*: не являющимися отрицательными средствами по форме, но обладающие синтаксическими характеристиками отрицания по содержанию (1,4 %);
- местоименная отрицательная конструкция *neither ... nor* (0,8 %).

Таблица 9. Частотность средств выражения отрицания в соответствии с их грамматической характеристикой (суммарный корпус примеров)

Тип отрицания	Общее количество и процентное соотношение средств выражения отрицания	Процентное соотношение средств выражения отрицания на 1000 слов текста
Отрицание предиката <i>not / n't</i>	2 205 (66,4 %)	12,87 %
Отрицательная частица <i>no</i> с последующим существительным	353 (10,5 %)	2,06 %
Наречие <i>never</i>	273 (8,1 %)	1,32 %
Отрицательная частица <i>no</i> в самостоятельном употреблении	227 (6,8 %)	1,59 %
Отрицательная частица <i>no</i> как прагматический сигнал	199 5,9 %	1,16 %
наречия <i>hardly, seldom, barely, scarcely</i> и местоимения <i>few, little</i> : не являющимися отрицательными средствами по форме, но	48 (1,4 %)	0,28 %

обладающие синтаксическими характеристиками отрицания по содержанию		
Местоименная отрицательная конструкция <i>neither ... nor</i>	28 (0,8 %)	0,16 %
Отрицание, выраженное на итальянском языке	5 (0,1 %)	0,02 %
Всего	3 338 (100 %)	19,49 %

Текст романа содержит средства выражения отрицания, которые характерны как для письменной, так и разговорной устной речи.

Общее количество лексических средств выражения отрицания (единиц, содержащих соответствующие аффиксы) составляет в корпусе собранных примеров 938 контекстов употребления (21,9 % от общего числа контекстов реализации категории отрицания). Частотность синтаксических средств выражения отрицания оказывается значительно выше (78 %). Можно полагать, что эти средства несут в тексте романа более существенную смысловую нагрузку. Нами выявлены лексические средства, которые не соотносятся с проблематикой, доминирующей в тексте романа. В связи с этим полагаем, что лексические средства занимают второстепенную позицию в процессе функционирования категории отрицания в рассматриваемом нами художественном произведении.

Суммарное количество синтаксических средств выражения отрицания представлено в Таблице 10.

Таблица 10. Синтаксические и лексические средства отрицания

Синтаксические средства отрицания	Лексические средства отрицания	Всего
3 338	938	4 276
78 %	22 %	100 %

В собранном подкорпусе примеров эти средства реализуются в 633 контекстах. Из расчета 1000 слов текста романа их частотность составляет 32,9 % (см. Таблицу 5). Этот показатель оказывается гораздо выше, чем общее количество данных средств для всего романа (19,49 %). Расхождения, которые наблюдаются между данными, которые учитываются в корпусе собранного практического материала, и показателем, представленным в подкорпусе соответствующих примеров, можно объяснить следующими факторами. Во-первых, для подкорпуса были избраны текстовые фрагменты, в которых синтаксические средства выражения категории отрицания ярко реализуют авторские идеи, заложенные в текст романа, их функциональная нагрузка проливает свет на общую проблематику художественного произведения. Во-вторых, в подкорпусе преобладают фрагменты, отражающие не повествование рассказчика, а диалогические взаимодействия персонажей.

Таблица 11. Синтаксические средства выражения отрицания в тексте романа “Catch-22”

Общее количество слов в текстовом фрагменте	Общее количество синтаксических средств выражения отрицания в корпусе примеров
18 339	633

Аналогичная процедура была проведена для подкорпуса примеров, иллюстрирующих функционирование синтаксических средств выражения категории отрицания. Полученные данные отражены в Таблице 11. Они, фактически, совпадают с показателями, выведенными для суммарного корпуса примеров.

Следовательно, можно говорить о том, что подкорпус примеров является репрезентативным для проводимого анализа. В корпусе и подкорпусе иллюстративного материала преобладают аналитические формы

выражения отрицания (отрицание с формантом *not* составляет 63,8 % и 66 % соответственно). Частотность иных средств также незначительно отличается.

Таблица 12. Частотность средств выражения отрицания в соответствии с их грамматической характеристикой (подкорпус примеров)

Тип отрицания	Статистика типов средств выражения отрицания в тексте романа	Статистика средств выражения отрицания на 1000 слов текста
Отрицание предиката <i>not</i> / <i>n't</i>	404 (64,7 %)	22,02 %
Отрицательная частица <i>no</i> с последующим существительным	71 (11,2 %)	3,8 %
Наречие <i>never</i>	47 (8,1 %)	2,5 %
Отрицательная частица <i>no</i> в самостоятельном употреблении	34 (7,4 %)	1,8 %
Отрицательная частица <i>no</i> как прагматический сигнал	32 (5,0 %)	1,7 %
наречия <i>hardly, seldom, barely, scarcely</i> и местоимения <i>few, little</i> : не являющимися отрицательными средствами по форме, но обладающие синтаксическими характеристиками отрицания по содержанию	9 (1,4 %)	0,4 %
Местоименная отрицательная конструкция <i>neither ... nor</i>	10 (1,5 %)	0,5 %
Отрицание, выраженное на итальянском языке	5 (0,7 %)	0,2 %
Всего	633 (100 %)	32,9 %

При подсчете также учитывалась эллиптическая форма выражения отрицания. В частности, отрицание при предикате *n't*.

Были также проанализированы коммуникативные функции предложений, содержащих отрицание. Эти данные суммируются в Таблице 13.

Таблица 13. Коммуникативные функции высказываний, содержащих отрицание

Коммуникативная функция высказывания, содержащего отрицание	Общее количество примеров	Процентное соотношение
Ассертивные речевые акты	492	77,7 %
Директивные речевые акты	94	14,8 %
Комиссивные речевые акты	15	2,3 %
Частица <i>No</i> в функции прагматического маркера	32	5,2 %
Итого	633	100 %

В высказываниях, содержащих отрицание, наиболее частотной оказывается ассертивная функция (77,7 % контекстов употребления). Затем следуют директивная функция (14,8 %), функция выражения обещания (2,3 %), функция прагматического маркера, закрепляемая за частицей *no* (5,2 %).

В Таблице 14. систематизируются данные относительно процентного соотношения подтипов дискурсивных функций, выполняемых средствами выражения категории отрицания в тексте романа “Catch-22”. Эти средства подразделяются соответственно на отрицание последующей пропозиции, директивные высказывания, комиссивные высказывания, повтор отрицаемой пропозиции.

**Таблица 14. Подтипы дискурсивных функций высказываний,
содержащих отрицание**

Отрицание последующей пропозиции	Директивные высказывания	Комиссивные высказывания	Повтор отрицания	Всего
125 (78,9 %)	94 (14,8 %)	15 (2,3 %)	24 (3,7 %)	633

Полученные показатели подтверждают данные, суммированные в Таблице 12. Отрицание последующей пропозиции превалирует и как коммуникативная, и как дискурсивная функция рассматриваемых средств.

В научной лингвистической литературе системно прослеживается разграничение явных и имплицитных средств выражения отрицания [Евсина, 2017; Костромина, 2018; Милосердова, 2010]. При этом явные косвенные средства отрицают пропозицию, которую говорящий индивид эксплицитно утверждает. Имплицитные средства отрицают то, что предполагается в контексте сообщения, т.е. никем не утверждается.

В Таблице 15. суммируется информация о частотности имплицитных и явных формах отрицания в тексте романа “Catch-22”.

Таблица 15. Подтипы отрицания в тексте романа “Catch-22”

Подтипы отрицания	Общее количество контекстов употребления	Процентное соотношение
Эксплицитные формы отрицания	28	6 %
Имплицитные формы отрицания	440	94 %
Итого	468	100 %

На основании полученных данных можно сделать заключение, что имплицитные формы отрицания преобладают в этом художественном произведении, употребляются более часто, чем явное отрицание (94 % против 6 % соответственно). При этом имплицитное отрицание встречается как в монологическом дискурсе рассказчика, так и в интерактивных обменах диалогическими репликами между персонажами.

Если мы сравним полученные данные с показателями, выведенными в Таблице 20, отражающей дистрибутивные свойства прямых и имплицитных форм выражения категории отрицания в монологическом повествовании рассказчика и диалогической речи персонажей, то можно отметить, что явное отрицание практически не задействуется рассказчиком (0,3 % контекстов), а распространено в обмене диалогическими репликами между персонажами.

В Таблицах 16 и 17 приводится процентное соотношение подтипов высказываний с директивной и комиссивной семантикой.

Таблица 16. Подвиды отрицательных высказываний с директивной семантикой в тексте романа “Catch-22”

Подтипы предложений-высказываний с директивной семантикой	Общее количество контекстов употребления	Процентное соотношение
Вопрос	68	72,5 %
Приказ	13	13,8 %
Предложение	10	10,6 %
Просьба	1	1 %
Совет	2	2,1 %
Итого	94	100 %

В разряде директивных высказываний наиболее частотной иллокуцией является вопрос (72,5 %), затем следуют приказы (13,8 %), предложения (10,6 %), совет и просьба, занимающие несущественную позицию. В сфере

высказываний с комиссивными иллокуциями доминируют реплики-отказы (60,2 %). Следующие позиции занимают реплики-возражения (26,6 %), реплики обвинения и обещания. Последние две иллокуции не реализуют сущностную функциональную нагрузку в тексте анализируемого романа.

Таблица 17. Подтипы отрицательных высказываний с комиссивной семантикой в тексте романа “Catch-22”

Подтипы предложений-высказываний с комиссивной семантикой	Общее количество контекстов употребления	Процентное соотношение
Реплики-отказы	9	60,2 %
Реплики-возражения	4	26,6 %
Обвинения	1	6,6 %
Обещания	1	6,6 %
Итого	15	100 %

Высказывания с директивной и комиссивной семантикой, частотно функционирующие в тексте анализируемого романа, встречаются исключительно в диалогической речи персонажей (см. данные, суммированные в Таблицах 18, 19 и 20). Эти показатели свидетельствуют о том, что наблюдаются различия между функциональной нагрузкой синтаксических отрицательных конструкций в зависимости от сферы функционирования, к которым мы относим монологическое повествование рассказчика и диалогическое взаимодействие персонажей.

В Таблице 18 суммируются данные о процентном соотношении отрицательных конструкций в двух обозначенных выше сферах.

Таблица 18. Отрицательные синтаксические конструкции в повествовании рассказчика и диалогах персонажей

Сфера функционирования отрицательных синтаксических конструкций	Общее количество контекстов употребления	Процентное соотношение
Диалог персонажей	353	55,7 %
Повествование рассказчика	280	44,3 %
Итого	633	100 %

Как мы уже отметили, в сферу нашего анализа попадают как целостные предложения, так и отдельные их сегменты (в частности, придаточные части сложноподчиненных предложений). Подавляющее большинство конструкций функционирует в регистре обмена диалогическими репликами между персонажами (55,7 % от общего числа контекстов). В повествовании рассказчика этот показатель незначительно ниже (44,3 %). Факт частотности отрицательных синтаксических конструкций в диалогическом взаимодействии персонажей подтверждает результаты, приведенные в предыдущих таблицах. Показатели частотности реализации той или иной функциональной нагрузки отрицательными синтаксическими конструкциями в повествовании рассказчика и диалогах персонажей суммируются в Таблице 19. С учетом этого параметра асертивные синтаксические конструкции доминируют в обеих сферах (61,2 % и 99,2 % соответственно).

Таблица 19. Дистрибутивные свойства функциональной нагрузки отрицательных синтаксических конструкций в повествовании рассказчика и диалогах персонажей

Функция синтаксической конструкции	Диалогическая речь персонажей	Повествование рассказчика
Ассертивные конструкции	220 (61,2 %)	272 (99,2 %)
Директивные конструкции	92 (25,6 %)	2 (0,8 %)
Комиссивные конструкции	15 (4,3 %)	—
Прагматический сигнал привлечения внимания персонажа-собеседника	32 (8,9 %)	—
Итого	359 (100 %) (56,7 %)	274 (100 %) (43,2 %)

Отметим, что ассертивные конструкции типичны прежде всего для повествования рассказчика. В речи повествователя мы зафиксировали всего лишь два контекста употребления неявно выражаемых приказов. В диалогическом взаимодействии персонажей второе положение после ассертивных отрицательных конструкции занимают директивные структуры (25,6 %). Затем следуют отрицательная частица *но* в функции прагматического сигнала привлечения внимания персонажа-собеседника (8,9 %) и конструкции с комиссивным назначением (4,3 %).

Показатели частотности имплицитных и явных отрицательных конструкций в повествовании рассказчика и диалогах персонажей представлены в Таблице 20. В монологическом повествовании частотность явных конструкций намного ниже, чем в диалогическом общении персонажей (0,5 % против 7,45 % соответственно). Такие показатели, возможно, объясняются за счет тех фактов, что диалог, в том числе, и в

формате художественного произведения, представляет собой интерактивный процесс. Повествование рассказчика менее динамично. Синтаксические конструкции с отрицанием типичны прежде всего для обмена информацией между двумя собеседниками, нежели для монологической речи.

Таблица 20. Дистрибутивные свойства отрицательных синтаксических конструкций в повествовании рассказчика и диалогах персонажей

Функция синтаксической конструкции	Диалогическая речь персонажей	Повествование рассказчика
Конструкции с эксплицитной семантикой отрицания	17 (7,45 %)	1 (0,5 %)
Конструкции с имплицитной семантикой отрицания	179 (92,55 %)	271 (99,6 %)
Итого	228 (100 %)	272 (100 %)

В Таблице 21 на основе статистически обработанных данных прослеживаются различия между показателями частотности функционирования маркированных и немаркированных синтаксических конструкций в тексте романа “Catch-22”.

**Таблица 21. Онтологическая функция категории отрицания:
маркированное и немаркированное употребление отрицательных
синтаксических конструкций**

Функции отрицательных конструкций	Общее количество контекстов употребления	Процентное соотношение
Немаркированное употребление	343	57,1 %
Маркированное употребление	258	42,9 %
Всего	601	100 %

Контексты, в которых наблюдается выдвижение в сильную позицию текста отрицаемых ситуаций и событий и парадоксальных суждений, не поддаются однозначному разграничению. В этой связи можно говорить о том, что категория отрицания является парадоксальной по своей онтологической (пресуппозиционной) сущности. Мы производили это разграничение с опорой на выявление первичных функций отрицательных синтаксических конструкций в текстовых фрагментах, в которых они активируются. Если фрагмент содержит противоречие или формируется на основе циркулярной логики, отрицательная конструкция классифицируется нами как парадоксальная. Если подобный функциональный потенциал не проявляется у синтаксической конструкции, она квалифицируется нами в качестве механизма выдвижения отрицаемых ситуаций и событий в сильную позицию текста. Данные, систематизированные в Таблице 20, свидетельствуют о том, что контексты функционирования категории отрицания, формирующей парадоксальные суждения, оказываются более частотными в тексте романа, чем соответствующие контексты, в которых внимание читателя фокусируется на отрицаемые события и ситуации (соответственно 62 % против 37,9 %).

Суммируя показатели, приведенные в Таблицах 19 и 20, можно сделать вывод о том, что функция выдвижения отрицаемых событий и ситуаций в

сильную позицию текста – это наиболее частотная нагрузка рассматриваемых нами конструкций в тексте романа “Catch-22”. В разряде же маркированного использования отрицания наиболее частотной функцией предстает создание парадокса.

Выводы по второй главе

1. Функционирование категории отрицания в тексте романа Дж. Хеллера “Catch-22”, обсуждаемое в данной главе нашей диссертационной работы, порождает в авторском воображаемом универсуме два типа концептуальных доменов, которые квалифицируются как онтологические реальности, воспроизводимые такими средствами, как:

- синтаксические операторы отрицания в функции перенаправления информативного потока в иное русло и предполагающая отсутствие некоторого положения дел;

- лексические антонимы, моделирующие парадоксальные суждения рассказчика и персонажей.

2. В основе онтологической реальности первого типа лежит частотное воспроизведение ситуаций, отрицающих события или ситуации, которые ожидались читателями. В этом случае пропозиции суждений реализуют конфликт между иллюзорным проявлением обмана и действительным положением вещей в вымышленном мире абсурдного повествования. Эта модель конфликта системно отражается в конфронтации между субъективным проецированием персонажами окружающей вымышленной действительности и объективным положением дел в этой действительности.

Оказывается, что повседневность летного эскадрона такова, какой ее видят персонажи: объективные ситуации и события воспроизводятся в свете индивидуальных когниций высшего руководства боевой части, Йоссариана и его сослуживцев. Реальные положения дел, фактически, замещаются субъективными представлениями о них, тем, чем они в действительности не

являются. Невозможные и алогичные конструкторы реальности трактуются персонажами в терминах объективных категорий, реально происходящих событий. Нереальные события и ситуации воспроизводятся как объективные сущности.

3. Онтологическая реальность второго типа предполагает контрастное противопоставление интересов военачальников и потребностей рядовых солдат в демобилизации после выполнения требуемого количества боевых вылетов. Решить назревший конфликт оказывается невозможной задачей в силу действия *Catch-22*. Подобная онтологическая реальность проецируется с опорой на парадоксальные суждения, в контексте которых нейтрализуется разграничение противопоставляемых сущностей.

4. В контексте онтологических реальностей, представленных выше, категория отрицания создает основу для того, что читатель подвергает сомнению свои предварительные допущения относительно той объективной реальности, в которой он живет. Вследствие этого восприятие текста романа способствует активизации ментальных процессов реструктурирования читательских представлений об устройстве и гносеологических основах современного общества.

5. Онтологические характеристики авторского воображаемого универсума в тексте романа "*Catch-22*" (тенденции признавать иррациональное как следствие логических причинно-следственных связей, парадоксальное воспроизведение повседневных ситуаций и событий) конструируют замкнутую систему, функционирующую по своим собственным правилам, никак не соприкасающуюся с объективной реальностью, в которой живет читатель. Эта система многомерно отражает перманентное состояние энтропии, доминирующее в вымышленном абсурдном универсуме художественного повествования. Частотно функционирующую категорию отрицания можно трактовать как прагматический механизм выдвижения указанных онтологических характеристик в сильную позицию текста.

Субституция реального ирреальным и абсурдным, контекстуальное размывание границ между членами антонимичных оппозиций оказываются сигналами саморефлексирующей замкнутой системы жизнедеятельности персонажей, не испытывающей какого-либо влияния со стороны. Указанные процессы лежат в основе связного восприятия повествования рассказчика, поскольку объединение контрастных феноменов на синтагматической оси текста имплицитно подразумевает глубинные авторские смыслы, носящие, как правило, комический характер. Подход к интерпретации категории отрицания в тексте романа “Catch-22”, предполагающий анализ когнитивного и прагматического аспектов, рассматривается нами в качестве теоретического принципа определения превалирующих функций рассматриваемой категории, ее конструктивного вклада в модели разворачивания дискурса рассказчика, выдвигающего сущностные проблемы современного общества в сильную позицию текста.

6. В данной главе нашей работы был также произведен количественный анализ корпуса и подкорпуса практического материала, иллюстрирующего специфику функционирования отрицания в тексте романа “Catch-22”. Цель этого анализа заключалась в том, чтобы обеспечить эмпирическую поддержку качественного анализа средств выражения данной категории. Частотность средств выражения отрицания в соответствии с их грамматической характеристикой детализуется определением частотности коммуникативных функций – директивной и комиссивной – соответствующих высказываний, в том числе, в формате монологического повествования рассказчика и диалогических взаимодействий между персонажами. Выявлены дистрибутивные свойства функциональной нагрузки отрицательных синтаксических конструкций в повествовании рассказчика и диалогах персонажей, а также частотность реализации маркированного и немаркированного употребления отрицательных синтаксических конструкций.

Заключение

Теоретические концепции, проанализированные в первой главе нашей диссертации, послужили основой для исследования категории отрицания в дискурсивной перспективе. Логические, семантические и психологические характеристики этой категории не способствуют выявлению ее функциональной нагрузки в художественном дискурсе. Как показало наше исследование, эта проблема оптимально решается с учетом гармоничного инкорпорирования когнитивного, прагматического и корпусного принципов анализа.

На примере конкретного текста отдельно взятого автора категория отрицания рассматривается в диссертации, исходя из таких двух главных исследовательских перспектив, как:

- 1) выявление диапазона синтаксических средств оформления изучаемой нами категории и их функциональной нагрузки;
- 2) определение палитры синтаксических и лексических средств, формирующих парадоксальные суждения в дискурсе рассказчика.

Подход к категории отрицания, базирующийся на концепции текстуальных миров (П. Верт), оказался действенным механизмом исследования, который обеспечил комбинирование когнитивного и прагматического оснований трактовки рассматриваемой нами категории как специфического подмира, проливающего свет на архитектуру информативного содержания и порождение семантических и концептуальных доменов в художественном произведении. Анализируя синтаксические и лексические средства отрицания, лежащие в основе формирования парадоксальных суждений, необходимо отметить, что парадокс активируется текстуальными мирами, порождаемыми категорией негации с основой на специфические теоретические принципы.

Функции категории отрицания в тексте романа "Catch-22" анализируются в диссертационной работе, исходя из двух различных

теоретических позиций, а именно в терминах интерпретации этой категории как лингвистического средства, которое выступает:

- 1) средством связности дискурсивного фрагмента;
- 2) механизмом организации художественного дискурса.

Системное описание категории отрицания в терминах указанных теоретических позиций дало возможность выявить дискурсивные функции данной категории, ее конструктивный вклад в организацию глубинного смыслового содержания художественного текста. С учетом детализации понятия «подмир» в диссертации проанализированы онтологические характеристики предложений и лексических единиц с отрицательным значением. Это понятие определяется нами в качестве концептуального и семантического домена, который активируется в тексте средствами выражения категории отрицания и может формироваться более глобальными сегментами дискурса рассказчика.

В контексте этих сегментов некоторая совокупность средств выражения категории отрицания может порождать ирреальный домен, который контрастирует с фактической информацией, эксплицируемой читателем из текстуального мира. Другими словами, изучение дискурсивных и онтологических свойств категории отрицания оказывается релевантным для анализа авторского воображаемого универсума, который реализуется в конкретном художественном тексте, поскольку средства выражения этой категории выполняют специфические функции в рамках смысловой архитектоники целостного произведения.

Выявлено, что категория отрицания в функциональном плане обеспечивает внезапный сдвиг в движении информативного содержания текста, не оправдывая предварительные читательские ожидания, а также блокирует поток актуальной информации, производя прагматический эффект коммуникативного «короткого замыкания». В частности, подобной функциональной нагрузкой обладают противоречивые и парадоксальные суждения. Экспликация этой нагрузки требует от читателя интерпретации

глубинных смыслов этих суждений. Данный процесс оптимально описывается в диссертации с опорой на модель динамической памяти, разработанную Р. Шенком. В свою очередь, данная модель обеспечило теоретическое измерение для выявления специфики сопряжений между сегментами парадоксальных суждений, каждый из которых соотносится с доменами, соотносимыми исключительно в авторском воображаемом универсуме (т.е. в реальной действительности эти домены не могут быть подведены под единый логический знаменатель).

В этом плане установлено, что выступая частным лингвистическим средством воздействия на разум и эмоции читателя, категория отрицания выражает конфликт между:

- концептуальными доменами, которые репрезентируются образами различных персонажей;
- доменом, который концептуализуется образом конкретного персонажа, и положением дел в воображаемом универсуме повествования рассказчика.

Таким образом, когнитивный и прагматический анализ категории отрицания проливает свет на типы конфликтов, которые типичны для воображаемого универсума, запечатленного в тексте романа «Попытка-22».

Комбинированный подход к категории отрицания, разработанный в диссертации, дополняется стилистической исследовательской перспективой. Это, в свою очередь, позволило доказать, что в тексте романа “Catch-22” категория отрицания:

- 1) предстает маркированным феноменом, имплицитно содержащим смысловое содержание, важное для интерпретации авторского воображаемого универсума;
- 2) выполняет функцию выдвижения указанного смыслового содержания в сильную позицию текста, что порождает эффект обманутых читательских ожиданий;

3) формирует специфические миры, отличающиеся в тексте анализируемого романа особой частотностью.

Первые два положения были доказаны в результате проведения качественного исследования, третье положение обосновано с опорой на количественное исследование (выявление частотности тех или иных средств выражения категории отрицания в корпусе совокупных иллюстративных примеров из текста романа). Комбинируя выводы, сделанные в ходе качественного и количественного анализа, можно сделать заключение о том, что лингвистические средства выражения рассматриваемой категории в романе “Catch-22” являются наиболее ярким показателем идиодискурса Дж. Хеллера.

Категория отрицания формирует полярную систему, в рамках которой средства выражения утвердительной семантики являются немаркированными компонентами. Абсурдность текущей ситуации, проецируемая средствами выражения категории отрицания, основывается на двух онтологических доменах повествования рассказчика, которые отражают:

1) состояние экзистенциального отчаяния персонажей, конструируемое неинформативными отрицательными суждениями;

2) пустую событийность и бездеятельность в воображаемом мире повествования, фиксируемую парадоксальными суждениями рассказчика.

Частотное использование средств выражения категории отрицания, порождающие эффект обманутых читательских ожиданий и парадоксальное бытие персонажей, определяются в диссертации как устойчивая модель девиации дискурса рассказчика, которая в воображаемом мире романа имплицитно негативные тенденции в функционировании общества, современного для Дж. Хеллера. Данная категория радикально трансформирует читательские представления о той объективной действительности, в которой они живут. Вследствие этого читатель, фактически, подвергает сомнению действенность тех поведенческих моделей, которые приняты в современном социуме. Прагматический эффект

остранения, порождаемый рассматриваемой категорией, вызывает юмористическую реакцию читателя, особенно в контексте реализации парадоксальных суждений рассказчика.

Дискурсивные характеристики категории отрицания в контексте художественного повествования требует дальнейших детализаций. В диссертации реализована концепция интерпретации этой категории именно как дискурсивного феномена. В этом отношении выводы, полученные в работе, могут служить основой для многомерного изучения дискурсивного, прагматического и когнитивного потенциала средств выражения категории отрицания в аспекте теории текстуальных миров. Исследовательская модель, предложенная в диссертации, может быть применена к иным типам дискурса, что позволит выявить специфические и универсальные характеристики категории отрицания, ее функциональный потенциал, в том числе, в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Список литературы

1. Абраменко, Е.В. Когнитивное остранение как категория научно-фантастического повествования [Текст] / Е.В. Абраменко // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы. – Майкоп: Адыгейский гос. университет, 2019. – С. 195–199.
2. Абраменко, Е.В., Чередникова, Е.А., Тарасова, Ю.В. Научно-фантастический текст в аспекте постмодернистских категорий фрагментарности и деконструкции [Текст] / Е.А. Абраменко, Е.А. Чередникова, Ю.В. Тарасова // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 4. – С. 76–84.
3. Агапова, С.Г., Боровкова, А.А. Интерперсональность художественной коммуникации а повествовательном тексте: автор – рассказчик – читатель [Текст] / С.Г. Агапова, А.А. Боровкова // Общественные науки. – 2017. – № 1. – С. 7–13.
4. Аглеева, З.Р., Кудряшов, И.А. Персонаж как конструкт диалогической теории М.М. Бахтина [Текст] / З.Р. Аглеева, И.А. Кудряшов // Язык и литература в синхронии и диахронии: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – С. 5–15.
5. Аглеева, З.Р., Кудряшов, И.А. Эмпатическая архитектура диалогов в прозе Ф.М. Достоевского [Текст] / З.Р. Аглеева, И.А. Кудряшов // Гуманитарные исследования. – 2025. – № 2 (34). – С. 6–14.
6. Азарова, О.А., Кудряшов, И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания [Текст] / О.А. Азарова, И.А. Кудряшов // Когнитивные исследования языка. – Т. 21. – № 21. – 2015. – С. 30–33.
7. Азарова, О.А., Кудряшов, И.А. Контрастивное взаимодействие образов автора и персонажа в художественном тексте [Текст] / О.А. Азарова, И.А. Кудряшов // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 25. – С. 936–942.

8. Акопянц, А.М. Прагматика и лингводидактика [Текст] / А.М. Акопянц. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2008. – 136 с.
9. Акошева, М.К., Рахимжанов, К.Х. О контексте как элементе ситуационной модели [Текст] / М.К. Акошева, К.Х. Рахимжанов // Экология языка и речи: Материалы Международной научной конференции. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 146–149.
10. Александрова, М.И. Механизмы концептуальной интеграции в художественном тексте: самоидентификация повествователя [Текст] / М.И. Александрова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 4 (149). – С. 20–25.
11. Александрова, М.И. Проблема разграничения художественного и нехудожественного повествования: автор, рассказчик, вымысел, документальность [Текст] / М.И. Александрова // Общественные науки. – 2017. – № 2–2. – С. 101–107
12. Алексеева, Н.В. Игровой модус повествования в романе Андрея Белого «Маски» [Текст] / Н.В. Алексеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 127–136.
13. Алефиренко, Н.Ф. Текст и дискурс [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2012. – 254 с.
14. Аршинский, Л.В., Ермаков, А.А., Нитежук, М.С. Логика с векторной семантикой как средство верификации баз знаний [Текст] / Аршинский, Л.В., Ермаков, А.А., Нитежук, М.С. // Онтология проектирования. – 2019. – Т. 9. – № 4 (34). – С. 510–521.
15. Асланова, А.А. Коммуникативная тактика на детализацию смысловых признаков в художественном дискурсе Айрис Мердок [Текст] / А.А. Асланова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и Искусствоведение. – 2015. – № 1 (152). – С. 23–26.

16. Асланова, А.А., Прохорова, А.П. Контраст скриптов как способ конструирования юмористического эффекта в коротком рассказе [Текст] / А.А. Асланова, А.П. Прохорова // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 90. – № 1. – С. 33–40.
17. Афанасьева, О.М. Синтаксическая структура эпизодов снов Родиона Раскольникова (на материале третьего, четвертого и пятого сна) [Текст] / О.М. Афанасьева // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – Т. 1. – № 44. – С. 1329–1337.
18. Баранов, Л.К. К вопросу о методах изучения массовой литературы (анализируя эпизоды из романов А. Бушкова и П. Молитвина) [Текст] / Л.К. Баранов // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 1 (34). – С. 5–11.
19. Бердзули, Н. Новый повествовательный мир в творчестве Аки Морчиладзе [Текст] / Н. Бердзули // Web of Scholar. – 2019. – Т. 2. – № 8 (38). – С. 28–30.
20. Бешукова, Ф.Б. Проблема коммуникации в современном постмодернистском тексте [Текст] / Ф.Б. Бешукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (177). – С. 214–219.
21. Бешукова, Ф.Б., Хачмафова, З.Р. Постмодернистские текстовые стратегии в пространстве литературной коммуникации [Текст] / Ф.Б. Бешукова, З.Р. Хачмафова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. – 2017. – № 3 (202). – С. 108–113.
22. Бирюкова, О.И., Савенкова, Ю.Д. Художественное пространство и художественное время как фундаментальные категории поэтики: теория вопроса [Текст] / О.И. Бирюкова, Ю.Д. Савенкова // Вызовы времени и ведущие мировые научные центры: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х чч. – Челябинск: Омега Сайнс, 2019. – Ч. 2. – С. 80–82.

23. Борисова, Л.М. Негативная аллегория (остранение) в поэтике М. Горького [Текст] / Л.М. Борисова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2020. – Т. 6. – № 3 (72). – С. 135–146.
24. Боровкова, А.А. Множественный рассказчик и читатель: прагматические основания установления интерперсонального контакта [Текст] / А.А. Боровкова // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 3. – С. 46–56.
25. Бредихин, С. Н. Металогические формы мышления и смыслопорождение парадоксальных высказываний [Текст] / С. Н. Бредихин // Современные проблемы науки и образования. – 2013 (а). – № 5. – С. 569.
26. Бредихин, С. Н. Игровое смыслопорождение на грани и за границами языка [Текст] / С. Н. Бредихин // Европейский журнал социальных наук. – 2013 (б). – № 8. – 2 (35). – С. 237–244.
27. Бредихин, С. Н. Комплексная модель распремечивания морфолого-семантических компонентов: прайм-таргет эффект [Текст] / С. Н. Бредихин, М. М. Испирян // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. – 2023. – № 2(20). – С. 17-27.
28. Бредихин, С. Н. Коллективная релевантность как пространство конвергенции индивидуальных пертинентностей [Текст] / С. Н. Бредихин // Кавказ в социально-экономическом пространстве и на политической карте Евразии: Материалы XIX Международной научно-практической конференции (в рамках празднования 30-летия деятельности Института Дружбы народов Кавказа), Ставрополь, 13–15 февраля 2025 года. – Ставрополь: Институт дружбы народов Кавказа, 2025. – С. 128-132.
29. Булыгин, В.В. Противоречие и законы логики [Текст] / В.В. Булыгин // APRIORI. Серия: естественные и технические науки. – 2016. – № 1. – С. 4–17.
30. Бурьянова, А.А. Дейксис как категория ментального пространства журналиста в репортажном сообщении [Текст] / А.А. Бурьянова //

Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 2. – С. 186–198.

31. Бутенина, Е.М. Филологическая диалогия Элиф Бутуман (метод «остранения») [Текст] / Е.М. Бутенина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 57. – С. 160–171.

32. Бушканец, Л.Е. Парадоксы интерпретации. К истории рецепции одного произведения: рассказ А.П. Чехова «Ионыч» [Текст] / Л.Е. Бушканец // Казанский лингвистический журнал. – 2021. – Т. 4. – № 1. – С. 8–24.

33. Буянова, Л.Ю., Щибря, О.Ю. Художественный текст как уникальная модель ментального мира [Текст] / Л.Ю. Буянова, О.Ю. Щибря // Культурная жизнь юга России. – 2015. – № 2 (57). – С. 70–74.

34. Волгина, Е.А. Английский язык. Стилистический анализ текста [Текст] / Е.А. Волгина. – М.: Юрайт, 2017. – 146 с.

35. Волошина, Т.Г., Гурьева, И.А. Единицы выражения отрицания в английском языке [Текст] / Т.Г. Волошина, И.А. Гурьева // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 22. – С. 170–174.

36. Волошина, Т.Г., Шейфель, Н.А. Единицы выражения отрицания в английском языке: отрицательные аффиксы [Текст] / Т.Г. Волошина, Н.А. Шейфель // Новая наука: от идеи к результату. – 2017. – Т. 2. – № 3. – С. 130–132.

37. Гавранек, Б. Задачи литературного языка и его культура [Текст] / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 338–377.

38. Газдатов, Г.Г., Алдабергенова, А.А. Дискурсивные интерпретации романа Дж. Хеллера «Поправка-22» в переводческой практике [Текст] / Г.Г. Газдатов, А.А. Алдабергенова // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 160–177.

39. Гарипова, Г.Т., Костылева, И.А. Метапоэтика художественных антиутопий рубежа XIX–XX веков [Текст] / Г.Т. Гарипова, И.А. Костылева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 1 (178). – С. 20–29.

40. Горелов, О.С. Специфика метафизического остранения в прозе С. Кржижановского [Текст] / О.С. Горелов // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 191–197.
41. Горобец А.Ф. Сравнение как средство оценочной репрезентации персонажа в художественной прозе У.С. Моэма и И.С. Тургенева [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / А.Ф. Горобец. – Краснодар: КубГУ, 2018. – 207 с.
42. Гриднева, Н.А. Фантастическое как «опыт границ» в произведениях Р. Брэдли [Текст] / Н.А. Гриднева // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия, Филология. – 2017. – № 1 (21). – С. 114–124.
43. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В.З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке. / Отв. редактор Кубрякова Е.С. – М.: ИНИОН РАН, 1994. С.32-86.
44. Джавршян, Н.Р. Пражский лингвистический кружок и становление культурной семиотики в 20-30 гг. XX века [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Р. Джавршян. – М., 2008. – 30 с.
45. Джусупов, Н.М. Активные стилистически релевантные процессы как результат выдвижения языковых девиаций (на материале английского и русского языков) [Текст] / Н.М. Джусупов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. – 2016. – № 1. – С. 19–27.
46. Джусупов, Н.М. Концентрация средств выдвижения в поэтическом тексте [Текст] / Н.М. Джусупов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 379–387.
47. Драгалева, Л.В. Семантика контраста и средства ее выражения в идиостиле Бориса Поплавского [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Драгалева. – Ростов-на-Дону, 2012. – 22 с.
48. Евсина, М.В. Употребление ассертивных единиц в отрицательных предложениях английского языка [Текст] / М.В. Евсина // Известия тульского

государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4–1. – С. 252–256.

49. Евсина, М.В. Использование конструкций с двойным отрицанием как реализация языковой компетенции говорящего [Текст] / М.В. Евсина // Вестник тульского государственного университета. Серия: Лингвистика и лингводидактика. – 2017. – № 3. – С. 91–94.

50. Евсюкова, Т.В., Абраменко, Е.В. Повествовательные уровни в научно-фантастическом тексте и их метапрозаические импликации [Текст] / Т.В. Евсюкова, Е.В. Абраменко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 13–16.

51. Жантурина, Б.Н., Макаренко, А.С. Референциальные конфликты в тексте и дискурсивные факторы [Текст] / Б.Н. Жантурина, А.С. Макаренко // Военно-филологический журнал. – 2021. – № 3. С. 13–21.

52. Ждусупов, Н.М. Теория выдвижения в лингвистических исследованиях: истоки, тенденции, вопросы интерпретации [Текст] / Н.М. Ждусупов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 2. – С. 41–50.

53. Заботкина, В.И. Трансфер знаний: ментальные модели и дискурс [Текст] / В.И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 36. – С. 549–554.

54. Загороднюк, А.Н. Дискурс автора и читателя (на примере текстов А. Платонова) [Текст] / А.Н. Загороднюк // Человек. Культура. Образование. – 2013. – № 3 (9). – С. 122–133.

55. Задорнова, В.Я., Матвеева, А.С. Концептуальные метафоры в англоязычной поэзии [Текст] / В.Я. Задорнова, А.С. Матвеева. – М.: ИД Университетская книга, 2017. – 206 с.

56. Золотникова, Т.С. Философия творческой личности [Текст] / Т.С. Золотникова. – М.: «Согласие», 2017. – 918 с.

57. Зубрилова, Ю.В. особенности поэтики постмодернистского текста [Текст] / Ю.В. Зубрилова // Филологический аспект. – 2015. – № 5. – С. 5–12.

58. Иваненко, А.С. Теоретические подходы в исследовании ментальных моделей [Текст] / А.С. Иваненко // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 358–361.
59. Иштоян, К.Г. Прием концептуальной интеграции как способ организации нетипичного повествования (на материале современной англоязычной прозы) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / К.Г. Иштоян. – Ростов-на-Дону, 2013. – 169 с.
60. Иштоян, К.Г. Контрфактуальные сценарии в тексте рассказа Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро»: средства выражения и смысловая нагрузка [Текст] / К.Г. Иштоян // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 90. – № 1. – С. 67–73.
61. Казакова, Л.Н. Пересекая пространство и время: о многомерности художественного времени в поэтике романов Джозефа Хеллера «Поправка-22», «Лавочка закрывается» и Курта Воннегута «Бойня № 5» [Текст] / Л.Н. Казакова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: Межвузовский сборник научных трудов. – Курск: Курский государственный университет, 2019. – Выпуск XI. – С. 229–239.
62. Калинин, И.А. Виктор Шкловский как прием [Текст] / И.А. Калинин // Формальный метод. Антология русского модернизма. – Екатеринбург, М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 63–106.
63. Капитонова, Н.С. Речевые кластеры как элементы можтажа модернистского текста Дж. Джойса [Текст] / Н.С. Капитонова // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 3 (63). – С. 188–193.
64. Капитонова, Н.С. Роман Дж. Джойса «Улисс»: архитектоника, персонажи, смысл [Текст] / Н.С. Капитонова // В мире научных открытий. – 2015. – № 7–3 (67). – С. 1125–1136.
65. Квашина, Т.П. Остранение как когнитивный процесс [Текст] / Т.П. Квашина // European Social Science Journal. – 2012. – № 8 (24). – С. 148–154.

66. Ковтуненко, И.В., Кудряшов, И.А. Творческая рецепция концепции Ж. Бодрийяра в постмодернистской картине мира Ч. Паланика: симулякры, посредничество, исчезающая реальность [Текст] / И.В. Ковтуненко, И.А. Кудряшов // Гуманитарий Юга России. – 2022. – № 11 (6). – С. 241–254.
67. Ковтуненко И.В., Кудряшов, И.А., Бондаренко Ю.Б. Проблема многомерной идентичности личности в обществе эпохи постмодерна [Текст] / И.В. Ковтуненко, И.А. Кудряшов, Ю.Б. Бондаренко // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1. – С. 158–174.
68. Ковтуненко, И.В., Кудряшов, И.А., Соболева, Ю.С. Хронотоп антиутопического города: энтропия мысли, социальной активности и исторического времени [Текст] / И.В. Ковтуненко, И.А. Кудряшов, Ю.С. Соболева // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 5. – С. 70–86.
69. Копотев, М.В. О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка [Текст] / М.В. Копотев // Филологический класс. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 90–102.
70. Коробова, А.В. Девиация как средство выдвижения в художественном тексте [Текст] / А.В. Коробова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 2 (26). – С. 225–230.
71. Коростова, С.В. К вопросу об эмотивности и эмоциогенности русского художественного текста [Текст] / С.В. Коростова // Филология и человек. – 2015. – № 3. – С. 116–122.
72. Коростова, С.В. Микрополя эмотивности: языковые проекции в русском художественном тексте [Текст] / С.В. Коростова // Русистика. – 2018. – Т. 16. – № 4. – С. 412–427.
73. Костромина, Е.С. Функционально-семантическое поле отрицания во французском языке [Текст] / Е.С. Костромина // Проблемы модернизации языкового образования. Иностранные языки: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. – С. 169–174.

74. Котова, Н.С., Кудряшов, И.А. Проблема онтологического статуса персонажа в метапрозаическом повествовании [Текст] / Н.С. Котова, И.А. Кудряшов // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 6. – С. 185–195.
75. Красухин, К.Г. Отрицание и неопределенность в языке и логике [Текст] / К.Г. Красухин // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 1 (43). – С. 132–139.
76. Крюкова, Н.Ф., Пигаркина, Е.А. Смыслообразующий потенциал парадокса в художественном тексте [Текст] / Н.Ф. Крюкова, Е.А. Пигаркина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4 (23). – С. 74–79.
77. Кудряшов, И.А. Образность как смыслопорождающая категория в романе К. Воннегута «Бойня номер пять» [Текст] / И.А. Кудряшов // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3 (83). – С. 69–72.
78. Кудряшов, И.А., Диденко А.Б. Антиутопический универсум в романе Е.И. Замятина «Мы»: сосуществование пространств города и деревни в аспекте аксиологических категорий [Текст] / И.А. Кудряшов, А.Б. Диденко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2025. – № 3. – С. 206–219.
79. Кудряшов, И.А., Рябко О.П., Григорьева, Н.О. Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В.В. Набокова «Бледный огонь» [Текст] / И.А. Кудряшов, О.П. Рябко, Н.О. Григорьева // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 10. – С. 273–291.
80. Кудряшов, И.А., Туранова, А.Ю. Читательское отождествление с образом персонажа: механизмы интегративного подхода [Текст] / И.А. Кудряшов, А.Ю. Туранова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 3. – С. 133–144.
81. Кузина, О.А. Стилистический потенциал категории отрицания в английском языке в художественном тексте [Текст] / О.А. Кузина // Вопросы прикладной лингвистики. 2010. – № 3. – С. 239–246.

82. Кунавин, Б.В., Кудряшов, И.А., Ковтуненко, И.В. Лингвокультурные характеристики синтаксических конструкций в художественном тексте: сопоставительный аспект [Текст] / Б.В. Кунавин, И.А. Кудряшов, И.В. Ковтуненко. – Владикавказ: МАВР, 2023. – 188 с.
83. Кусаева, Е.Э., Тамерьян, Т.Ю. Частный детектив от классики до современности: лингвокультурный очерк: монография [Текст] / Е.Э. Кусаева, Т.Ю. Тамерьян. – Владикавказ: ООО НПКП «Мавр», 2020. – 171 с.
84. Кушнерук, С.Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики [Текст] / С.Л. Кушнерук // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1 (26). – С. 45–51.
85. Ларина, Т.А. Специфика интерактивного обучения иностранному языку [Текст] / Т.А. Ларина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сборник статей. – Барнаул: Алтайская академия экономики и права, 2013. – С. 124–128.
86. Ларина, Т.Ю. Интерпретация текста: объективность vs. субъективность (на примере короткого рассказа К. Мэнсфилд «Психология») [Текст] / Т.Ю. Ларина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–4 (78). – С. 102–105.
87. Ларина, Т.Ю., Кудряшов, И.А. Сопряжения между «Я» рассказчика и категорией пространства в научно-фантастическом тексте [Текст] / Т.Ю. Ларина, И.А. Кудряшов // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 4 (37). – С. 280–283.
88. Леонов, В.А. Иронический детектив в контексте теории возможных миров [Текст] / В.А. Леонов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 1. – № 1. – С. 74–80.
89. Ливская, Е.В. Рецепция художественного мира персонажа и художественного мира автора в романе «Козлиная песнь» Константина Вагинова [Текст] / Е.В. Ливская // Российский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1. – С. 58–67.

90. Литвинцева, Г.Ю. Деконструкция в постмодернистских текстах литературы и искусства [Текст] / Г.Ю. Литвинцева // Философия и культура. – 2015. – № 4 (88). – С. 582–592.
91. Лунькова, Л.Н. Способы выражения отрицания в художественном тексте [Текст] / Л.Н. Лунькова // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. – 2016. – № 3 (23). – С. 8–12.
92. Мадмарова, Г.А., Абдыкадырова, С.Р. Художественный текст как результат продуцирующей языковой деятельности писателя [Текст] / Г.А. Мадмарова, С.Р. Абдыкадырова // Вестник Ошского государственного университета. – 2020. – Т. 2. – № 1–4. – С. 131–134.
93. Мазаева, Т.В., Гилязева, Э.Н., Базарова, Л.В., Хайруллина, Д.Д. Обстановка, методы повествования, структура сюжета, конфликт как компоненты анализа художественного текста в произведении М. Онтадже «Английский пациент» [Текст] / Т.В. Мазаева, Э.Н. Гилязева, Л.В. Базарова, Д.Д. Хайруллина // Глобальный научный потенциал. – 2021. – № 10 (127). – С. 176–178.
94. Макарова, А.И. Влияние отрицания на выбор наклонения в придаточных дополнительных предложениях в испанском языке [Текст] / А.И. Макарова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 58–72.
95. Миловидов, В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса [Текст] / В.А. Миловидов. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 129 с.
96. Милосердова, О.С. Косвенное и имплицитное отрицание в современном немецком диалогическом дискурсе: семантико-синтаксические и прагматические аспекты [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / О.С. Милосердова. – Тамбов, 2010. – 199 с.
97. Монастырский, Г.П., Цветков, Е.В. Виртуальная реальность в научной фантастике: социально-философские аспекты [Текст] / Г.П.

- Монастырский, Е.В. Цветков // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 6. – С. 65–70.
98. Морель, Д.А. Дизъюнкция в структуре лексического значения и специфика языковой категоризации артефактов [Текст] / Д.А. Морель // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 357–359.
99. Наугольных, Е.А. Редупликация как один из инструментов лингвокреативной техники Дж. Джойса [Текст] / Е.А. Наугольных // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2019. – № 2. – С. 72–77.
100. Неронова, И.В. Теория возможных миров литературы: предпосылки создания, основные задачи и подход к художественному миру литературного произведения [Текст] / И.В. Неронова // Социальные и гуманитарные знания. – 2015. – Т. 1. – № 4 (4). – С. 277–283.
101. Нефедов, С.Т., Цвинариа, М.Е. Категории модальности и интенциональности в прагмалингвистическом анализе [Текст] / С.Т. Нефедов, М.Е. Цвинариа // Очерки по исторической прагматике германских языков. – СПб: СПбГУ, 2012. – С. 147–167.
102. Николаева, Е.Г. Категории автор – текст – читатель в романе М. Елизарова «Библиотекарь» [Текст] / Е.Г. Николаева // Критика и семиотика. – 2018. – № 2. – С. 127–150.
103. Ничипоров И.Б. Застольные эпизоды в романе Юрия Полякова «Козленок в молоке» [Текст] / И.Б. Ничипоров // Русистика без границ. – Т. 4. – № 4. – С. 30–35.
104. Олянич, А.В., Рыльщикова, Л.М., Худяков, К.В. Лингвосемиотическая креативность научно-фантастического дискурса [Текст] / А.В. Олянич, Л.М. Рыльщикова, К.В. Худяков. – Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2016. – 188 с.
105. Остин, Дж. Избранное [Текст] / Дж. Остин. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 332 с.

106. Передриенко, Т.Ю. Критическое мышление как объект исследования корпусной лингвистики [Текст] / Т.Ю. Передриенко // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 865–868.
107. Полетаева, Е.Д. Человек как антропоцентр научно-фантастического рассказа в формате сильных позиций текста [Текст] / Е.Д. Полетаева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018 (а). – № 6. – С. 50–59.
108. Полетаева, Е.Д. Англоязычный текст научной фантастики в аспекте когнитивного моделирования действительности [Текст] / Е.Д. Полетаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018 (б). – № 5–2 (83). – С. 384–389.
109. Померанцева Т.П. Переводы романа Джозефа Хеллера «Catch-22». Сравнительный анализ с точки зрения отражения темы религии [Текст] / Т.П. Померанцева // Филологический аспект. – 2016. – № 4. – С. 41–47.
110. Постникова, С.В. Сравнение в ментальном дискурсивном пространстве [Текст] / С.В. Постникова // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 615–616.
111. Путенихин, П.В. Логика противоречий [Текст] / П.В. Путенихин. – Саратов: Амирит, 2017. – 133 с.
112. Рассел, Б. Философия логического атомизма [Текст] / Б. Рассел. – Томск: Издательство Томского университета, 2006. – 192 с.
113. Романов, Д.А. Художественный текст в концепции Б.В. Шкловского [Текст] / Д.А. Романов // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева. – В 2 тт. – Т. 2. – С. 95–97.
114. Руденко, Е.Н. Еще раз о концептуальной метафоре [Текст] / Е.Н. Руденко // Записки Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. – 2018. – Т. 27. – С. 155–159.

115. Савчук, Р.И. Семиотика конструирования возможных миров vs. нарративное изучение художественного текста: опыт нарративно-семиотического анализа [Текст] / Р.И. Савчук // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 2. Филология. Педагогика. Психология. – 2016. – Т. 6. – № 3. – С. 52–57.
116. Сафронова, Л.В. Постмодернистский текст: поэтика манипуляции [Текст] / Л.В. Сафронова. – СПб: Петрополис, 2009. – 211 с.
117. Свиридова, А.В. Функционирование категории отрицания и средства ее выражения в русском языке [Текст] / А.В. Свиридова. – М.: Компания Спутник +, 2006. – 165 с.
118. Семенова, Е.М. Ментальные пространства архетипической бинарной оппозиции LIGHT / DARK [Текст] / Е.М. Семенова // Филология: научные исследования. – 2020. – № 5. – С. 42–50.
119. Семенова, Е.М., Алексеева, М.Л. Идеализированная когнитивная модель архетипической бинарной оппозиции LIGHT / DARK [Текст] / Е.М. Семенова, М.Л. Алексеева // Вестник тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2020. – № 2 (65). – С. 82–91.
120. Сергеева, Е.В., Аксенко, О.В. Образ автора как категория художественного текста и основа анализа художественного произведения [Текст] / Е.В. Сергеева, О.В. Аксенко // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2014. – № 5. – С. 73–83.
121. Сирота, Е.В. Сопоставительный анализ способов выражения отрицания в русском и румынском языках (на материале художественных текстов) [Текст] / Е.В. Сирота // Мова. – 2018. – № 29. – С. 110–114.
122. Складорова, Н.Г. Реалии в картине мира художественного произведения (на материале романа Дж. Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [Текст] / Н.Г. Складорова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 61–66.
123. Солопина, Г.А. Синтез принципов литературы «черного юмора» и реалистической сатиры в романе Дж. Хеллера «Поправка-22» [Текст] / Г.А.

Солопина // Молодая наука: Сборник трудов научно-практической конференции. – Симферополь: «Ариал», 2017. – С. 387–389.

124. Степура, С.Н. Средства создания образности в романе «Ulysses» Дж. Джойса [Текст] / С.Н. Степура // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2021. – № 2 (50). – С. 42–54.

125. Струкова, Т.Г. Литература и повседневность: сопряжение [Текст] / Т.Г. Струкова. – Воронеж: «Наука-Юнипресс», 2023. – 164 с.

126. Тамерьян, Т.Ю. Художественный дискурс в аспекте взаимодействия русской и английской картины мира [Текст] / Т.Ю. Тамерьян // Человек в пространстве дискурса: коллективная монография. – Пермь: Прикамский социальный институт, 2014. – С. 66–121.

127. Татаринов, А.В., Безрукавая, М.В. Романы Владимира Сорокина («Манарага») и Виктора Пелевина («IPHUK 10»): постили неомодернизм [Текст] / А.В. Татаринов, М.В. Безрукавая // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 100–103.

128. Тимофеев, В.Г. Генеративная нарратология: о когнитивных механизмах преодоления затруднения формы в приеме «остранение» [Текст] / В.Г. Тимофеев // Седьмая Международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. – М.: Институт психологии РАН, 2016. – С. 273–275.

129. Токарева, И.А. Семантико-синтаксическое представление ядерного предиката фрейма в художественном нарративе (на материале русской прозы двадцатого века) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / И.А. Токарева. – Ставрополь, 2023. – 189 с.

130. Толкачев, С.П. «Метафизика присутствия»: философский контекст романа А. Гоша «Калькутская хромосома» [Текст] / С.П. Толкачев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 9 (838). – С. 258–268.

131. Туранова, А.Ю. Читательские стратегии преодоления когнитивного диссонанса при восприятии образов персонажей в романе Б.Ю. Поплавского

- «Аполлон Безобразов» [Текст] / А.Ю. Туранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 7. – С. 2266–2270.
132. Тэхкэ, В. Психика и ее лечение [Текст] / В. Тэхкэ. – М.: Академический проект, 2001. – 574 с.
133. Федотова, О.С. Художественный нарратив как коммуникативное событие [Текст] / О.С. Федотова // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 25. – С. 1007–1012.
134. Филиппова, Ю.В. Черты постмодернизма в американской литературе «новой волны» [Текст] / Ю.В. Филиппова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17. – № 4. – С. 325–331.
135. Флеров, О.В. Соотношение языка, речи и общения в лингводидактике [Текст] / О.В. Флеров // Психология и психотехника. – 2015. – № 7 (82). – С. 717–725.
136. Фролова, О.Е. О нехудожественном и художественном, субъективном и объективном абсурде [Текст] / О.Е. Фролова // Абсурд в языке и коммуникации: сборник статей. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. – С. 145–159.
137. Хажмурадова, Х.З. Категория отрицания в различных отраслях науки [Текст] / Х.З. Хажмурадова // Известия Чеченского государственного педагогического института. – 2018. – Т. 21. – № 3 (23). – С. 56–59.
138. Хайруллина, Р.Г. Читатель как категория межлитературного процесса [Текст] / Р.Г. Хайруллина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 1 (36). – С. 80–91.
139. Цейтлин, С.Н. К вопросу о формировании промежуточной языковой системы ребенка: наблюдения над освоением отрицательных конструкций [Текст] / С.Н. Цейтлин // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2017. – Т. 13. – № 3. – С. 623–650.

140. Целищев, В.В. Семантика для гиперклассической логики и проблема отрицания в формальном языке [Текст] / В.В. Целищев // Сибирский философский журнал. – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 5–15.
141. Чадова, Е.В. Французский «новый роман» как оптическое отражение реальности [Текст] / Е.В. Чадова // Образование и науки в России и за рубежом. – 2020. – № 7 (71). – С. 131–138.
142. Чемодурова, З.М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста [Текст] / З.М. Чемодурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 55–64.
143. Чередникова, Е.А., Абраменко, Е.В., Тарасова, Ю.В. Путешествие во времени как следствие травматических воспоминаний героя (на материале романа К. Воннегута «Бойня номер пять») [Текст] / Е.А. Чередникова, Е.В. Абраменко, Ю.В. Тарасова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 199–202.
144. Черезова, М.А. Понятие ситуационной модели в немецкоязычной дискурсивной практике [Текст] / М.А. Черезова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 137–140.
145. Чернова, О.Е. Текст и дискурс [Текст] / О.Е. Чернова. – М.: Флинта, 2013. – 120 с.
146. Чернявская, В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст [Текст] / В.Е. Чернявская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 135–147.
147. Чечулин, В.Л. Теория множеств с самопринадлежностью и теория меры [Текст] / В.Л. Чечулин. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017. – 92 с.
148. Чикина, Е.Е. К вопросу о когнитивно-дискурсивных аспектах категории отрицания [Текст] / Е.Е. Чикина // Иностранные языки в диалоге культур: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с

- международным участием). – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. М.П. Огарева, 2018. – С. 107–113.
149. Чилингарян, К.П. Корпусная лингвистика: теория vs. методология [Текст] / К.П. Чилингарян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 196–218.
150. Урванцев, Г.В. Освоение ментальных пространств в художественных произведениях, относящихся к различным видам дискурса [Текст] / Г.В. Урванцев // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 5. – С. 92–99.
151. Шастина, М.В. «Китай Франца Кафки»: природа парадокса [Текст] / М.В. Шастина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 81–85.
152. Шенк Р. Обработка концептуальной информации [Текст] / Р. Шенк. – М.: Энергия, 1980. – 360 с.
153. Шишкина, Т.С. Прагматические особенности констатирующего речевого акта в функции иницирующей реплики неформального интервью (на материале англоязычной прессы) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Шишкина. – Ростов-на-Дону, 2010. – 18 с.
154. Шияпова, А.А. Ментальная модель понимания текста [Текст] / А.А. Шияпова // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: Материалы V Международной научно-методической конференции. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. – С. 349–351.
155. Шкловский, В.Б. Тетива: о несходстве сходного [Текст] / В.Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1970. – 376 с.
156. Штернина, Е.С. Категория отрицания: логико-лингвистический аспект [Текст] / Е.С. Штернина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9–2 (51). – С. 211–214.

157. Штернина, Е.С. Категория отрицания: функционально-грамматический аспект [Текст] / Е.С. Штернина // Научное обозрение: гуманитарное исследование. – 2016. – № 5. – С. 115–124.
158. Щирова, И.А. Художественный конфликт как способ репрезентации авторских ценностных ориентаций [Текст] / И.А. Щирова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 435–437.
159. Яблонская, Л.В. Языковые средства объективации образного портретирования как способ кодирования информации в художественном тексте [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Яблонская. – Краснодар, 2015. – 154 с.
160. Якобсон, Р.О. Работы по поэтике [Текст] / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
161. Chemodurova, Z.M. Visual Foregrounding in Contemporary Fiction [Text] / Z.M. Chemodurova // Issues of Cognitive Linguistics. – 2021. – № 2. – P. 5–15.
162. Downing, A., Locke, P.L. A University Course in English Grammar [Text] / A. Downing, P.L. Locke. – Hemel Hempstead: Prentice-Hall, 1992. – 672 p.
163. Fauconnier, G., Turner, M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities [Text] / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 327 p.
164. Gavins, J. Text World Theory: An Introduction [Text] / J. Gavins. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 289 p.
165. Giora, R., Fein, O., Ganzi, J., Levi, N. H. and Sabah, H. On Negation as Mitigation: The case of Negative Irony [Text] / R. Giora, O. Fein, J. Ganzi, N.H. Levi, H. Sabah // Discourse Processes. – 2005. – № 39 (1). – P. 81–100.
166. Givón, T. English Grammar: A Function-Based Approach [Text] / T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins. – 1994. – 394 p.

167. Greco, M. On the Syntax of Surprise Negation Sentences: A Case Study on Expletive Negation [Text] / M. Greco // *Natural Language and Linguistic Theory*. – 2020. – Vol. 38. – № 3. – P. 91–178.
168. Hamawand, Z. Semantics of English Negative Prefixes [Text] / Z. Hamawand. – London: Equinox, 2009. – 274 p.
169. Herman, D. Storyworld [Text] / D. Herman // *The Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. – L.: Routledge, 2005. – P. 569–570.
170. Iatridou, S., Zeijlstra, H. Negation, Polarity, and Deontic Modals / S. Iatridou, H. Zeijlstra [Text] // *Linguistic Enquiry*. – 2013. – Vol. 44. – № 4. – P. 674–684.
171. Jeffries, L. Opposites in Discourse [Text] / L. Jeffries. – London: Continuum, 2009. – 316 p.
172. Kjellmer, G. Negated Adjectives in Modern English [Text] / G. Kjellmer // *Studia Neophilologica*. – 2005. – Vol. 77 (2). – P. 156–170.
173. Kuhn, J. The Dynamics of Negative Concord [Text] / J. Kuhn // *Linguistics and Philosophy*. – 2022. – № 2. – P. 153–198.
174. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – N.Y.: Basic Books, 1999. – 298 p.
175. Lunkova, L.N. Explicit and Implicit Negation in Natural Language [Text] / L.N. Lunkova // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. – 2016. – № 1. – P. 19–24.
176. Menzel, K., Krielke, M.-P., Degaetano-Ortlieb, S. Synthetic and Analytic Adjective Negation in English Scientific Journal Articles: A Diachronic Perspective [Text] / K. Menzel, M.-P. Krielke, S. Degaetano-Ortlieb // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*. – 2022. – № VII (1). – P. 157–213.
177. Nahajec, L. Negation, Expectation and Ideology in Written Texts. A Textual and Communicative Perspective [Text] / L. Nahajec. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. – 232 p.

178. Virno P. An Essay on Negation: For a Linguistic Anthropology [Text] / P. Virno. – York, Pennsylvania, 2018. – 255 p.
179. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse [Text] / P. Werth. – Harlow: Longman, 1999. – 308 p.

Список источников

180. Heller J. Catch-22. – NY.: Simon@Schuster, 2004. – 453 p.

Список словарей

181. Cambridge Dictionary. – Текст: электронный. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 30.07.2025).
182. Longman Dictionary of Contemporary English. – Текст: электронный. URL: <https://www.ldoceonline.com/> / (дата обращения: 26.11.2025).
183. Oxford English Dictionary. – Текст: электронный. URL: <https://www.oed.com/> / (дата обращения: 15.11.2025).
184. The Free Dictionary. – Текст: электронный. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 26.07.2025).